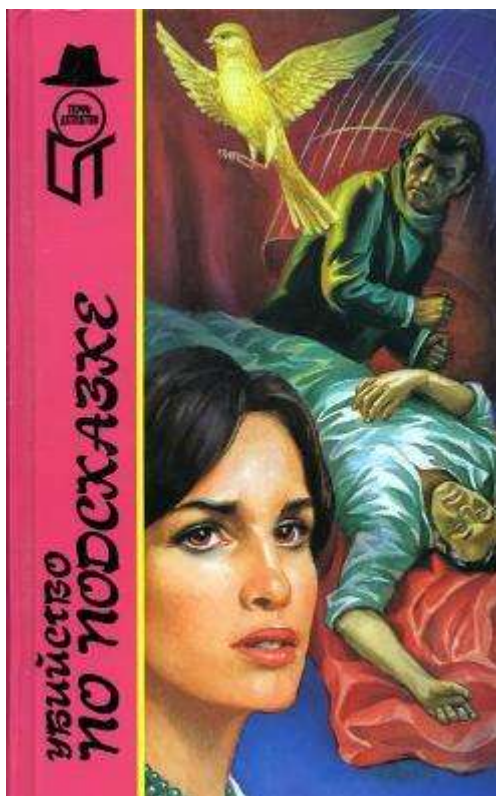

Элен Макклой Убийство по подсказке

www.megabook.do.am

«Убийство по подсказке»: ТЕППА; М.; 1996
ISBN 5-300-00780-3

Аннотация

Дерзкое убийство совершено прямо на театральных подмостках, во время спектакля. Помощник окружного прокурора Базиль Уиллинг, главный герой романа Элен Макклой «Убийство по подсказке», поставлен перед необходимостью решить сложнейшую криминальную головоломку.

Элен Макклой Убийство по подсказке

Глава первая ПРОЛОГ

Все началось с канарейки. Сообщение об этой птичке попало на первую полосу центральной газеты «Нью-Йорк тайме». Это случилось в один прекрасный весенний день, когда усталый, перепачканный краской наборщик схватил с верстака маленькую набранную заметку, чтобы забить дырку, образовавшуюся в третьей колонке внизу.

«Грабитель освобождает птичку»

«Нью-Йорк, 28 апреля. Полиция крайне удивлена странным поведением грабителя, который вчера на рассвете проник в точильную мастерскую Маркуса Лазаруса на 44-й Западной улице. В мастерской все осталось на своих местах. Злоумышленник ничего не взял с

собой, лишь выпустил из клетки канарейку, любимицу владельца мастерской, мистера Маркуса. Мастерская представляет собой покосившуюся развалюху и находится в переулке, ведущем к служебному входу в Королевский театр...»

28 апреля в одиннадцать часов утра доктор Базиль Уиллинг летел из Вашингтона в Нью-Йорк. Он развернул «Нью-Йорк таймс» и прочитал все кричащие заголовки о войне во Вьетнаме.

От всего этого кошмара у него возникло такое чувство собственного ничтожества, какое, вероятно, может испытать муравей, захваченный землетрясением. И какое облегчение наконец испытал он, когда внезапно натолкнулся на такой обычный, можно сказать, «домашний» заголовок: «Грабитель освобождает птичку». «Странно» поведение преступника, – подумал он, – хотя его, впрочем, можно понять». Каким трогательно-тривиальным казалось оно на фоне всех этих страшных сообщений о массовых расстрелах, гибели сотен людей, об атомных бомбах, о чудовищных грабежах целых континентов, о плачевном упадке культуры! Эта маленькая загадка дразнила воображение доктора, как задача в шахматном учебнике или несложное алгебраическое уравнение.

Стоило ли идти на риск серьезного наказания за кражу со взломом и при этом не совершить никакой кражи? Для чего терять время в мастерской, медлить? Что за сентиментальный, нелепый преступник, который проникает в мастерскую для того, чтобы выпустить на волю птичку из клетки, которая, вероятно, показалась ему недостаточно просторной, либо чересчур темноватой, либо просто грязной! Один телефонный звонок в общество по охране животных исключал ненужный риск и, конечно, привел бы к более эффективным мерам. Очевидно, с этим освобождением пленницы было связано что-то еще, ибо какой грабитель позволит себе отвлечься от серьезного «дела» и подчиниться фривольному, сиюминутному импульсу?

Но чем больше доктор обдумывал факты, тем все яснее представлял, что ему вряд ли удастся построить разумную гипотезу.

Вечером Базиль заехал в полицейское управление, чтобы обсудить с помощником главного инспектора Фойлом случай откровенного саботажа.

– Ну вот и вы! – хитрое, тронутое скепсисом лицо инспектора расплылось в улыбке, демонстрируя дружеское расположение к Базилу. – Я тут ненароком подумал, что вы навсегда высадились на этом мало обитаемом острове под названием Вашингтон!

– В настоящий момент, инспектор, я работаю в нью-йоркском отделении ФБР.

– В качестве психиатра или сыщика?

– И то и другое. Понемногу. Та же работа в принципе, которую я выполнял для окружного прокурора. Если бы не вы, то мне, наверное, никогда так и не пришлось бы напялить на себя полицейскую форму.

– А я-то какое имею к этому отношение?

– Именно вы первый дали мне возможность прибегнуть к психологии при задержании преступника. Теперь я занимаюсь этим ремеслом, ловлю злоумышленников, различных агентов и саботажников. Знаете, время, можно сказать, военное. Мы здорово увязли во Вьетнаме. Если меня направят туда, то придется прибиться к какой-нибудь медицинской части. Мне уже сорок пять, детей у меня нет, жены тоже, и я давно предписан к резервному медицинскому корпусу. Когда-то я обследовал контуженных снарядом, и с тех пор у меня пробудился интерес к психиатрии.

– Не волнуйтесь, доктор, – сухо ответил Фойл. – Если вы им понадобитесь, то они вас непременно вызовут. Вьетнам нам дорого станет, уверяю вас.

Разговоры о войне где-то в далекой Юго-Восточной Азии напомнили Базилу о сегодняшнем заголовке в «Нью-Йорк тайме», и вдруг у него перед глазами возникла эта желтая канарейка.

– Да, да, – сказал Фойл, – страшно смешной случай! Мне сообщили из тамошнего полицейского участка. Вначале я подумал, что это просто уловка ради «паблисити».

– Паблисити? Но для кого?

– Ну, конечно, для Ванды Морли. Сегодня или завтра состоится ее дебют в Королевском театре, а точильная мастерская находится рядом. Но ее агент по связи с печатью клянется, что

знать об этом ничего не знает и что ее имя даже не упоминается в отношении этого происшествия... Если бы здесь было что-то нечисто, то мы наверняка добрались бы до сути, будьте уверены.

– Скажите, а в этой мастерской не было ничего ценного?

Фойл улыбнулся.

– Пойдите и взгляните сами. Ничего там нет, кроме точильного станка и кучи ржавых ножей и ножниц.

– А не было ли у владельца мастерской Лазаруса какого-нибудь врага или просто недоброжелателя, который все это сделал, чтобы досадить ему?

– Он утверждает, что никаких врагов у него нет. Если кто-то и хотел его подзадорить, то почему ничего не украдено? Почему не причинен вред самой птичке? С ней ничего не произошло. Когда Лазарус как всегда утром вошел в мастерскую, то увидел, что канарейка преспокойно летает по его развалюхе. Тогда он заметил, что дверца в клетке открыта, а задвижка на окне сломана. И все.

– Но почему? – настойчиво спросил Базиль.

– Поломайте голову, доктор, а меня увольте. В мои обязанности входит ловить преступников и злоумышленников, а не выведывать у них, почему они совершили то или это. Может, вы объясните, почему всегда на пожаре толпа прет к самому огню, игнорируя все наши приказы отойти подальше?

Поразмыслив, инспектор добавил:

– Странно, что все произошло в точильной мастерской...

Интерес к этому делу сразу вспыхнул у Базиля с новой силой, как вспыхивает сухое полено, подброшенное в костер.

– Что из этого следует, инспектор?

– Дело вот в чем. Мы хорошенько все проверили и убедились, что ни один, даже самый заваливающий, предмет не украден. Все на месте. А это означает только то, что кому-то нужно было наточить нож и сделать это без свидетелей.

– Для убийства?

– Несомненно. Но мы бессильны что-либо сделать. Никаких отпечатков пальцев. Никаких ключей к разгадке...

Выйдя на центральную улицу, Базиль сразу почувствовал, как резкий порыв холодного, промозглого ветра легко проник через его летнее пальто. «Кому-то понадобилось наточить нож», – размышлял он про себя. В его воображении возникла темная, безликая фигура в предрассветном туманном свете. Мастерская. Базилю слышалось мерное гудение точильного колеса, он видел, как снопами разлетались холодные голубые искры, но никто не мог ни увидеть и ни услышать преступника, находящегося в маленькой мастерской в темном переулке, разделявшем надвое этот театральный район города. Для чего же такая таинственность, как не для хладнокровного, рассчитанного убийства. С точки зрения простого полицейского, это не вызывает удивления, но...

Как и большинство современных психиатров, Базиль Уиллинг верил в то, что человек не может совершить какой-то поступок, не имея при этом какого-то мотива, либо сознательного, либо даже бессознательного. Немотивированный акт – это такой же миф, как миф о единороге или морской змее. Даже простые описки, нечаянные ошибки глубоко коренятся в человеческой природе. Что за чувство заставило эту руку открыть вчера утром клетку и выпустить на волю канарейку? Какие бы эмоции ни вызывало это бедное двукрылое существо, сидящее в клетке, все же убийца, планировавший хладнокровно зарезать человека ножом, такого же человека, как и он сам, вряд ли способен испытывать чувство жалости.

Глава вторая ПЕРСОНАЖИ ПЬЕСЫ

Картинная галерея современного искусства находилась в фешенебельном небоскребе на последнем его этаже.

Внутри, в залах галереи, туда-сюда двигалась толпа приглашенных, главным образом женщины в дорогих мехах и нарядах. Все говорили без умолку.

Время от времени кто-нибудь из гостей спохватывался и бросал взгляд на картины, развешенные на стенах. Но в основном посетители потягивали через соломинки коктейли и любовались обломками гончарного искусства, расставленными на двух каминных досках-близнецах.

На кресле сидела девушка, повернувшись спиной к стеклянной стене. Она была художницей, но в ее привлекательной внешности не было ничего выдающегося. Сотни таких же девушек обладают кудряшками темно-каштанового цвета, у многих такие же серые глаза, отливающие синевой. Веснушки на ее носике заметно полиняли, как будто за последние недели она внезапно отказалась от жизни на открытом воздухе, на солнце, и забилась в какую-то затхлую конуру. На коленях у девушки лежал альбом, а в правой руке был зажат черный карандаш. Время от времени она быстро набрасывала рисунок, когда что-то привлекало ее внимание в толпе, – чей-то пикантный профиль, какая-нибудь сногшибательная шляпка или какая-нибудь поразительная, нескладная корявая фигура.

Какой-то юноша с размаху плюхнулся рядом с ней на пухлый кожаный диван, не вынимая рук из карманов. Он был чуть светлее девушки и, вероятно, одного с ней возраста – ему было около тридцати лет. Глаза у него были слишком крупные и слишком круглые, очень широкий рот, а ноги очень длинные. Чувствовалось, что в эту минуту он был не в духе, как, впрочем, и сама девушка.

– Ради чего мы должны здесь дожидаться?

– Разве тебе не ясно?

– Может, отменим все это к чертовой матери?

– Но послушай, Полина... – извиняющимся тоном начал он.

– Я ненавижу всякие тайны, – перебила она его, – особенно таинственные недомолвки. И твои и мои родители в восторге от наших планов. Но тебе, очевидно, неизвестно, что в мире кроме тебя существуют и другие мужчины. Кто-то приглашает меня пообедать, кто-то – в театр... Если бы они знали, что я с тобой помолвлена, то все было бы проще. Но я не знаю, помолвлена я или нет. Словно в каком-то вакууме. Трудно вести себя так, будто помолвлена, когда об этом никому не известно. Если бы это все длилось день, два, неделю, тогда понятно. Но это тянется уже несколько месяцев. Честно, Род, мне надоело прятать кольцо в ящике стола и чувствовать себя застенчивой девочкой, когда в разговоре упоминают твое имя. Я понимаю, со свадьбой можно подождать, пока эта пьеса не сойдет со сцены, но почему не объявить всем открыто о нашей помолвке?

– Потому что нельзя.

– Но почему?

– Ты же все знаешь. Ты должна верить мне на слово. Если я говорю, что нельзя, значит нельзя.

– Как же ты собираешься жить после свадьбы, если ты мне уже сейчас не доверяешь?

Полина нервно захлопнула альбом и просунула карандаш в специальное гнездышко в обложке.

– Так дальше продолжаться не может, Род. Нужно от всего отказаться.

– Ну и отказывайся, – воскликнул Род, притворяясь, что ему абсолютно все равно. – Может, принести тебе коктейль?

– Пожалуйста, если тебе не трудно...

Полина глазами следила за тем, как Род пробирается в сутолоке толпы, и уже открыла рот, чтобы позвать его обратно, но раздумала и промолчала. Как много можно испортить каким-то пустяком! Всего лишь несколько резких слов, и вот все кончено!

Машинально она вновь вытащила карандаш и открыла альбом. Но линия не удавалась. Дрожала рука. Саднило в горле. Только бы не разреветься. Вдруг Полина почувствовала, что кто-то сел рядом. Она не отрывала глаз от рисунка, но в этот момент послышался мужской голос.

– Даже обезьянки в зоопарке вряд ли вызывали у тебя столько интереса.

Полина вздрогнула от неожиданности и, повернувшись, увидела бледное самодовольное

лицо. Потом озорные огоньки промелькнули в ее глазах.

– Базиль, боже, это ты? Что ты здесь делаешь?

– Надеюсь, что какие-нибудь ценные идеи посетят мой бедный череп. Ну а ты?

На листе бумаги была изображена какая-то легкомысленная девчонка в кожаной шляпке, надвинутой на торжественное, старческое лицо...

– Создаешь портрет барана в шкуре ягненка?

– Да нет. Меня интересуют костюмы. Ты же знаешь, что я театральным дизайнер по костюмам. Все для сцены. Разве это для тебя новость?

– Нет, представь себе. Когда я в последний раз встречался с тобой, то главным интересом в твоей жизни, насколько я помню, была, кажется, румба... Или псовая охота?

– Псовая охота. Но это было сто лет назад.

– Нет, всего пятнадцать. Тебе было четырнадцать или чуть больше. Но теперь тебе столько же, сколько и мне. Эйнштейн, бесспорно, прав.

Он улыбнулся.

– Когда я впервые тебя увидел, то роста в тебе было пятнадцать дюймов, а веса – всего восемь фунтов! Это было давно.

– Базиль, – сказала она. – Ты уже достаточно стар, так что можешь себе позволить быть со мной откровенным. Можно тебе задать вопрос личного характера?

– Это зависит от того, каков вопрос.

– Славу богу, ты лишен притворной вежливости, – вздохнула она с облегчением. – Как, по-твоему, я выгляжу? Страшна? Красива?

– Мне всегда казалось, что у женщин есть зеркальце в сумочке.

– А мне кажется, что, как учат психологи, зеркало обманывает. В нем отражается совершенно другое лицо, не похожее на то, которое видят окружающие.

– Дорогая Полина, ты из Балтимора, а все балтиморские девушки просто очаровательны. – Он бросил взгляд на ее левую руку. На пальце не было обручального кольца. – Разве у тебя есть основания сомневаться в правоте моего суждения?

Полина рассматривала толпу, сгрудившуюся возле буфета.

– Просто мне казалось, что мое лицо несколько простовато. Но к собственной внешности привыкаешь и не можешь дать ей справедливую оценку.

– Ты немного бледна, очевидно, это – анемия? – Он внимательно посмотрел на нее глазами профессионала – специалиста по клиническим расстройствам. – Ты что, на диете?

– Нет, просто много работы. Только что закончила эскизы к новому спектаклю Ванды Морли. Сегодня в Королевском театре премьера...

– В Королевском театре? – в голосе Базиля послышалась настороженная, незнакомая ей нота. – Ты говоришь о Королевском театре на 44-й Западной улице?

– Да. Сэм Мильхау дает все премьеры с участием Ванды на сцене Королевского. Он возобновляет «Федору».

– «Федору»? Эту нудную драму Сарду? Разве это не заплесневелая, напыщенная пьеса?

Полина улыбнулась.

– Знаешь, современные драматурги не занимаются слащавой дребеденью. Но для Ванды – это ее хлеб, поэтому она и играет в возобновляемых спектаклях. В прошлом сезоне были «Кандид» и «Госпожа Танкерей». В следующем будет «Леди Уиндермир» или «Мадам Х» и т. д. Ванда хочет переиграть все, что сделали в свое время Сара Бернар, Элен Терри и Фанни Довенпорт. Она даже ухитряется имитировать все их слабинки. И все же, неизвестно почему, на сцене она выглядит очень современной!

Взгляд Базиля последовал за взглядом Полины. Скользя по толпе, ее глаза остановились на женщине, которая только что вошла в галерею и рассматривала посетителей.

Тонкая и гибкая, она обладала той удивительной кошачьей грацией, которая превращает каждый жест в произведение искусства. У нее было овальное лицо, чуть раскосые глаза, а золотистые искорки в них еще больше сверкали от золота ее серег, украшенных топазом. Одетая она была в черный костюм, а шапочка из шкурки леопарда каким-то чудом удерживалась на затылке. Рука была засунута в муфту, сшитую из той же леопардовой шкурки.

– Это и есть Ванда Морли? – спросил Базиль.

– Да. Очаровательна, не правда ли? – В голосе Полины появился кислый привкус. – Какое-то чудо. Базиль, как ты думаешь, неужели в конечном счете красота – это чисто психологический фактор? Попробуй нарисовать Ванду, и она станет страшилищем. На нее легче всех прочих актрис делать карикатуры.

Базиль уловил в ее реплике скрытую колкость.

– Ты не любишь Ванду, не так ли?

– Я ее просто ненавижу. – Она произнесла фразу таким ледяным тоном, лишенным малейших эмоций, словно сказала: «На улице идет дождь».

– Очевидно, для этого существует какая-то веская причина?

– Она – интеллигентная обманщица и не умеет играть...

– Из-за этого можно не любить человека, но не ненавидеть.

– Не придирайся к выражениям. Я не люблю ее, и все тут. Ты вправе осудить меня за это.

Ванда Морли подошла к буфету. Люди оглядывались на нее. Кое-кто улыбался, обращался к ней с вопросом, но она отвечала лишь кивком головы и коротким замечанием. Она остановилась перед каким-то мужчиной. К ним подошел Род. Ванда жестом отказалась от коктейля, достала сигарету из сумочки. Оба кавалера предложили ей свои зажигалки. Она бесстрастно поглядела на одного, затем на другого, помедлила с минуту, а затем наклонила голову в сторону Рода.

– Черные волосы и золотистые глаза, – прокомментировал Базиль. – Похожа на пуму. Вся эта троица может стать прекрасным сюжетом для композиции. Можешь назвать ее «Пума в компании оленя и овцы».

Оленем, конечно, был Род – длинноногий, быстрый, как ртуть, с круглыми чувственными глазами и раздувавшимися ноздрями. Его собеседник, вероятно, олицетворял овцу – низколобый, качающийся, словно на шарнирах, со скучными серыми глазами, близко поставленными друг к другу.

Полина, оценив сравнение, улыбнулась невесело в ответ и заметила:

– Как известно, пума охотится на оленей и овечек, не так ли?

– Так. Тебе знакомы эти жертвы?

– Овечка – это Леонард Мартин. Олень – Родней Тейт. Оба из окружения Ванды. Род притащил меня сюда. Сейчас он должен заниматься коктейлем, но забыл о своих обязанностях.

– Может, я...

– Нет, не надо. Что-то расхотелось... – Послышался легкий треск: сломался кончик грифеля карандаша в руках Полины.

Ванда увлеченно беседовала с двумя мужчинами. Тонкие губы ее извивались, как две красные хищные змейки.

– Боже, они направляются сюда! – прошептала Полина.

Ванда бросила сигарету в пепельницу и медленно пошла вперед, не прекращая беседы с Родом и Леонардом, а ее маленькая черная головка покачивалась на длинной, подвижной и красивой шее.

– Полина, дорогая! Какой сюрприз! Встретить тебя здесь?! Разве можно представить себе, что дизайнер по костюмам проявляет интерес к настоящему искусству?

Полина улыбнулась.

– Ванда, даже если на небесах ты вдруг встретишь свою знакомую, то непременно скажешь: «Дорогая! Какой сюрприз! Встретить тебя здесь?!»

Но Ванда уже ее не слушала. Она внимательно рассматривала Базиля.

– Вы не хотите познакомить нас?

– Доктор Уиллинг. Мисс Морли. Мистер Тейт. Мистер Мартин.

Полина была предельно краткой. Даже Базилю показалась вся эта чопорная церемония каким-то вздором.

– Подумать только! Встретить вас, доктор Уиллинг, здесь?! Полина, дорогая, ты обязательно должна пригласить его на сегодняшнюю премьеру. У тебя есть лишний билетик? Доктор Уиллинг! Вы и представить себе не можете, как много для меня значит тот простой факт, что среди зрителей находитесь и вы! После спектакля мы все намереваемся собраться в ресторане «Капри», поужинать и отметить это событие. Будем пировать там до утра, пока не

выйдут утренние газеты с первыми рецензиями на спектакль. Вы присоединитесь к нам, доктор, не так ли?

– Видите ли...

– Конечно, присоединитесь! – Ванда бесстрашно повела на него атаку, и он понял, что, в сущности, ей все равно, придет он или нет.

– Думаю, мне пора закругляться, – продолжала Ванда. – Репортер из «Сан» придет ровно в шесть тридцать. Я должна дать интервью. Фотограф из журнала «Вог» назначил съемку ровно на 7.00. Кроме того, мне нужно отдохнуть перед спектаклем, хотя бы час, расслабиться, собраться с мыслями. Боже, как я ненавижу всю эту суету, сутолоку, «паблисити»! Как все это отдает фальшью! Если бы я могла вести настоящую жизнь в каком-нибудь тихом, задумчивом предместье, спокойно заниматься домашним хозяйством, ухаживать за мужем, воспитывать детей!

– А почему, собственно, и нет? – съязвила Полина. – У нас страна свободного выбора!

– Дорогая девочка! – Резкая судорога на секунду исказила гладкое лицо Ванды, дрогнул ее хорошо поставленный голос, легкая краска проступила на смуглых щеках. Базилу приходилось наблюдать подобные симптомы у невротических больных, когда их сталкиваешь лицом к лицу с причиной их невроза, которую они, однако, никогда не признают. Он про себя решил, что Ванда – одна из тех хронических самообманщиц, у которых возникает аллергия в ответ на всякое проявление истины.

– Большой талант требует особой ответственности, – продолжала Ванда. – Я не могу относиться к себе так, как будто я какое-то ничтожество. Я взяла на себя определенные обязанности перед публикой и перед искусством. Вы только подумайте о тех несчастных, которых выгонят вон из театра, если я оставлю свое ремесло. Я имею в виду не только актеров, но и рабочих сцены, билетерш и прочих простых людей!

Полина откровенно рассмеялась и процитировала:

– Теперь богач-купец менял наряды,
Роскошно лавку убирал, –
Не потому, чтоб быть с искусством рядом,
Он попросту торговле помогал!

– Послушай, Полина, – возмутилась Ванда, – уж не наслушалась ли ты коммунистической пропаганды?

Она бросила быстрый взгляд на аккуратную цепочку на запястье. В маленьких часиках вместо обычного стекла была вставлена прозрачная пленка топаза.

– Боже, уже полшестого! Нужно бежать. Пока, дорогая. Доктор Уиллинг, надеюсь, что вы все же зайдете сегодня в театр. До свидания, Леонард...

Род хотел было проводить ее, но она остановила его жестом руки.

– Не беспокойся, Род. Меня домой доведет Сэм Мильхау. Нам с ним нужно обсудить пару пустяков перед спектаклем. Тот мальчик, который играл роль Дезире, внезапно заболел, и нужно сократить его текст. Слава богу, у него не так много реплик!

Род, казалось, был смущен и раздосадован отказом. Полину это явно развлекало.

– Бедняга Ванда! – заметила Полина. – Она начинает так же нудно играть в жизни, как и на сцене.

Удлиненное лицо Леонарда расплзлось в довольной ухмылке, а Род был откровенно огорчен.

– Нет, Полина, ты не права. Великие артисты должны быть высокомерными и тщеславными. Разве ты не помнишь, что сказал Хункер¹ о Родене? «Громадный запас высокомерия поддерживал его все то время, когда широкая публика его абсолютно игнорировала».

¹ Джеймс Хункер (1860–1921), известный музыкальный и литературный критик в «Нью-Йорк тайме», специалист по импрессионизму.

– Но публика отнюдь не игнорирует Ванду, – возразила Полина. – Разве мыслимо, чтобы ее имя хотя бы один день не появилось на страницах всех городских газет, если она наняла двух агентов по связи с прессой, которые как рабы трудятся день и ночь? И мне кажется, здесь дело не в тщеславии, а скорее в ее лицемерии. Она ведет такую жизнь, за которую многие домохозяйки все бы отдали, чтобы очутиться на ее месте, но она притворяется, что именно они, а не она, счастливы, а ей выпала роль великомученицы и она заслуживает всеобщей жалости. Она никогда не отправит в редакцию свою фотографию, не присовокупив при этом, что ненавидит «паблисити». Она никогда не нацепит орхидею, не объяснив всякому встречному, что ей так хотелось приколоть к груди скромный букет фиалок. Никогда с полной уверенностью нельзя сказать, хочет ли она извиниться за свой бешеный успех у публики или же она нарочно способствует ему всеми доступными средствами. По ее понятиям в этом и заключается «демократизм». Я предпочитаю честный снобизм.

– Полина! – запротестовал Род. – Ты несправедлива.

– Несправедлива? – Полина вздернула кверху подбородок и взглянула на него. – Мне кажется, что ты уже почти влюблен в нее!

– Это глупо! – воскликнул Род. – Просто мы – хорошие друзья.

– Это звучит так, как будто речь идет о старой разведенной чете! – Полина захлопнула альбом и резко встала с дивана.

– Может, подвезти кого-нибудь в центр?

– В это число включен и я? – поинтересовался Род.

– Да, конечно.

Полина вытащила из своей сумочки узенький конверт и протянула его Базилю.

– Вот ваш билет на сегодняшнюю премьеру. – Она вложила конверт в его ладонь. – Приходи, я умоляю тебя. Только в лучшем костюме. Ванда обожает, чтобы на ее премьерах все было экстр-класса. Ну, мне пора!

Полина исчезла в толпе. Родней Тейт последовал за ней.

В глазах Леонарда Мартина сновали искорки удовольствия, полученного от разыгранной здесь сцены. Пристально рассматривая своего собеседника, Базиль заметил, что у него истощенный, больной вид. У него было темное, смуглое лицо, выцветшие голубые глаза, челка белобресых волос. Он обладал мягкими, учтивыми манерами, как будто постоянно извинялся. Базиль никак не мог себе представить, какую же роль играет этот потертый, усталый, тихий, словно в воду опущенный, маленький человек в такой живой, стремительной мелодраме, как «Федора».

– Мне кажется, – заметил Леонард, – нам все же удалось утвердить вас во мнении, что все люди театра «с приветом»?

– Я бы употребил в этом случае слово «с притворством», – ответил Базиль.

– Ванда, конечно, притворяется, – глубоко вздохнул Леонард. – Она похожа на рентгеновский луч. Когда вы впервые приближаетесь к ней, то уверены, что она никакого вреда вам не причинит. Ее «техника» настолько открыта! Но через несколько дней, а может, и месяцев вы вдруг обнаруживаете, что у вас ожог, и не такой маленький. Честно говоря, мне все это непонятно. Но Ванда должна оставить Рода в покое. Ведь он еще совсем мальчик и вряд ли захочет, чтобы я ему откровенно сообщил, сколько лет она уже играет на сцене... Ну, мне пора. Увидимся на премьере?

– Думаю, что да. – Базиль бросил взгляд на конверт с билетом, зажатый в руке. Он был отпечатан аккуратным набором, но два слова стояли отдельно, набранные крупным шрифтом: «Королевский театр».

– Вы посмотрели картины? – внезапно спросил Леонарда Базиль. – Там есть замечательное полотно художника-анималиста.

Они протиснулись через толпу в первые ряды группы посетителей, расположившихся полукругом перед картиной небольшого формата, выполненной маслом. На ней была изображена коричневая долина, далеко уходящая к бирюзово-голубоватому небу, испещренному желтоватыми облаками. На переднем плане был воспроизведен целый ряд старинных облупившихся колонн. Маленькая коричневая обезьянка сидела на одной из них, скрестив передние лапы и сжимая в них желтую птичку. Только что, видимо, она оторвала ей

одно крылышко. Три грушевидные капельки черно-красной крови стремительно падали на землю и при свете были похожи на крохотные рубины.

Леонард смотрел на картину, а Базиль на Леонарда. Казалось, в глазах его плясали все те же искорки удовольствия, которое он испытывал, когда шел колкий разговор Полины с Вандой.

– Искусство рисовальщика здесь бесспорно, – сказал он. – Но мне кажется, что сюжет не слишком доступен для моего понимания. Что выражает сюжет – жалость или жестокость? А вообще-то картина вызывает у меня только отвращение. Может, оттого, что я не люблю обезьян. Но обожаю канареек.

Глава третья ВЫХОД ПЕРВОГО УБИЙЦЫ

Вечер только наступал, когда Базиль собрался в театр. Времени до начала спектакля еще было много, и он решил немного прогуляться. С Пятой авеню он свернул на 44-ю улицу. Несмотря на свойственное деловому человеку упрямство, он все же подчинился требованию Полины «одеться поприличнее». Теперь он чувствовал, как пружинят тонкие подошвы лакированных модных ботинок, а замшевые элегантные перчатки просто мешали ему выудить из заднего кармана мелочь, когда он остановился перед газетным киоском, чтобы купить вечернюю газету. Его забавляла мысль, что никто не смог бы опознать в этом дэнди доктора Уиллинга, активного сотрудника в управлении окружного прокурора, или же просто доктора Уиллинга, прилежного врача-психиатра.

Подойдя к Королевскому театру, он перешел на противоположную сторону, к самому дальнему краю тротуара, и задрал вверх голову. Сумрачный фасад из темно-фиолетового камня с белыми прокладками напоминал ему клинообразный кусок фруктового торта с ванильной сахарной глазурью. Над большим порталом, нависшим над входом в театр, ярко горевшие огни высвечивали рекламу:

**Сэм Мильхау представляет
Ванду Морли в спектакле «Федора»
с участием Роднея Тейта и Леонарда Мартина**

Длинная очередь выстроилась в кассу, а какой-то дополнительно выделенный для охраны порядка полицейский убеждал толпу любителей автографов разойтись и не мешать уличному движению.

Базиль посмотрел на часы. Было только восемь вечера, а занавес поднимался, как обычно, не раньше 8.40. Он оглянулся, ища глазами местечко, где можно почитать газеты. Налево от здания театра стоял отличавшийся безвкусицей бродвейский отель, направо – одно из тех низеньких зданий, которые называют «налогоплательщиками», так как получаемых с них доходов едва хватает на уплату федеральных налогов. В том, которое находилось ближе всех к театру, разместился целый рой крохотных лавчонок и небольших ресторанов и в придачу к ним коктейль-бар.

Войдя в это заведение, Базиль сразу почувствовал пряный аромат смешанных напитков. Звучала мягкая музыка. Бармен, обращаясь к нему, спросил, нет ли новостей в вечерних газетах по поводу премьеры, которая должна состояться тут, рядом с его заведением.

Базиль раскрыл газету на театральной странице.

Сегодняшняя премьера

«Сегодня вечером в Королевском театре Сэм Мильхау возобновляет постановку известной пьесы Сарду „Федора“. В главной роли выступит Ванда Морли. Все актеры будут выступать в современной одежде, хотя действие пьесы Сарду разворачивается в России в конце прошлого столетия. Мисс Морли, конечно, будет играть роль, которую создала для себя, с позволения автора, сама великая Сара Бернар. Родней Тейт, играющий главную мужскую роль, сегодня впервые предстанет

на Бродвее после серии успешных выступлений на Западном побережье. Кроме того, в замечательном театральном коллективе вновь выступит незабываемый Леонард Мартин, который вернулся в Нью-Йорк после годового отсутствия из-за болезни...»

- И это все? – бармен был явно разочарован.
 - Нет, есть еще кое-что под рубрикой «Актерские сплетни».
- Они прочли сообщение вместе.

«Вполне вероятно, что в некоторых театральных труппах существуют зависть и пересуды, но, по словам Сэма Мильхау, труппа, которая сегодня дает премьеру в Королевском театре, – это одна дружная, счастливая семья, и ни один из членов этой семьи не пользуется меньшей любовью, чем ее звезда, Ванда Морли. Даже рабочие сцены не скрывают перед ней своего восхищения. Они в складчину купили корзину цветов и преподнесут ее Ванде в день премьеры. „Все потому, что она – своя в доску, – сказал один из осветителей, – и пусть она не сомневается: все мы болеем за нее!“

Бармен ухмыльнулся.

- Нанятые ею разбойники пера выдумывают всякий вздор.

В этот момент дверь в баре резко отворилась, словно ее подтолкнул сильный порыв ветра. Какой-то молодой человек развязной походкой подошел к стойке. Он был примерно такого же роста, что и Базиль, и столь же изысканно одет, – лаковые модные полуботинки, темный плащ, белые перчатки и шарф. На голове у него была шляпа, которую французы обычно называют «шляпой с восемью углами». Ничто больше, вероятно, не может сообщить о характере человека, чем тот угол, под которым он водружает на свою голову такую шляпу. Робкий всегда носит ее прямо, балансируя ею на самой макушке. Непреклонный задвигает ее как можно дальше, чтобы продемонстрировать окружающим свои упрямые, взъерошенные кудри. Веселый сдвигает ее на одну сторону. Этот юноша был высокомерным и надменным типом. Его шляпа опасно балансировала где-то над переносицей, он смотрел на окружающих из-за полосы тени, отбрасываемой на глаза краем убора, как через полумаску. Он сделал заказ так: «Ром, жвачка, лимон».

Бармен, не торопясь, наводил глянец на высокий стакан. Затем подождал немного и, не спеша, растягивая слова, ответил:

- Прошу прощения, но для меня – это что-то новенькое.

– Два стаканчика рома, один – лимонного сока и еще один – сахарного сиропа из тростника, – резко и торопливо повторил юноша. – Если у вас нет тростникового, можете заменить гранатовым. И добавьте туда содовой со льдом.

Бармен бросил выразительный взгляд на Базиля. Ишь, чего, мол, захотел! Сахарного сиропа из сладкого тростника! Что ж еще он пожелает?

Юноша выпил коктейль. Вытащил бумажник из тюленевой кожи. В него была втиснута пухлая пачка зеленых долларовых бумажек и какая-то официальная карточка в целлофановой обертке. Он выудил пятидолларовую банкноту, бросил на стойку и с размаху прихлопнул ладонью.

– Не скажете, где здесь служебный вход в Королевский театр? Я ищу его по всей площади.

Бармен дал ему четыре доллара сдачи.

- Дверь находится совсем рядом. Пройдите немного по переулку. Там увидите надпись.

Юноша вышел из бара, широко раскрыв дверь.

- Какой-то юный дурачок с большими деньгами, – предположил бармен.

Базиль заплатил за выпивку и вышел на улицу.

Уже наступила ночь. В конце короткого переулка, который пролег между театром и «налогоплательщиком», над вывеской «Вход на сцену» горела тусклая лампочка. Посередине переулка, приткнувшись к дальней стене «налогоплательщика», стояла нескладная развалюха. На ней виднелась грубо сработанная вывеска с неуклюже нацарапанными белыми буквами:

**Маркус Лазарус.
Точим ножи и ножницы.
Правим пилы.**

Любопытство подтолкнуло Базиля, и он подошел поближе к месту совершения ограбления «со взломом». В маленьком незашторенном окне мастерской горел огонь. Через разбитое стекло он увидел старика в жилетке, который натачивал ножницы. Шлейф голубых искр сверкал над жужжащим точилом, которое приводилось в движение ножным приводом, как у простой швейной машинки. Свет от керосиновой лампы освещал испещренное морщинами лицо старика, оставляя его фигуру, да и всю мастерскую, в густой темноте. Эти тени, огонь, освещенное лицо мастера очень походило на жанровую сценку с картины художника голландской или фламандской школы.

Взгляд Базиля пошарил вверх, там, где царил плотная тень, отбрасываемая дрожащим светом лампы. Какой-то предмет, покрытый куском мешковины, свисал на проволоке, закрепленной на крюке, под самым потолком. Похоже, это была клетка для птиц...

Странный шуршащий звук внезапно заставил Базиля вздрогнуть. Он повернул голову и заметил, как что-то промелькнуло перед его глазами и упало к ногам с легким стуком. Судя по всему, это был завернутый в бумагу буклет размером с театральную программку, но значительно больше по объему.

Базиль часто замечал, что большинство людей никогда не поднимают глаз выше определенного, обычного уровня, только если к этому их не принудит что-то неожиданное. И он, конечно, не был исключением, хотя постоянно озирался вокруг, когда шел по переулку, но ни разу не посмотрел вверх. Теперь он высоко задрал голову. Пожарная лестница змеилась вверх по стене театра. На последней площадке Базиль заметил чью-то темную безликую фигуру. Она была так плотно закутана в пальто или в какой-то длиннополый плащ, что никак нельзя было разобрать, кто же там торчал наверху – мужчина или женщина. Фигура оставалась абсолютно неподвижной и вела себя точно так, как любое животное или насекомое, которое, ощущая грозящую опасность, притворяется, что «умерло».

– Эй, послушайте! Вы что-то уронили!

Никакого ответа. Может, ветер отнес в сторону его слова.

Базиль поднял буклет. Это была отпечатанная на машинке рукопись, завернутая в плотную бумагу. Когда он снова посмотрел наверх, то заметил, что фигура пришла в движение.

Не отдавая себе отчета, Базиль, засунув рукопись в карман пальто, полез по лестнице наверх. Где-то на полпути его настиг свистящий, беснующийся, как дервиш, злой ветер. Чем выше он поднимался, тем яростнее становились его порывы. Одной рукой он поддерживал шляпу, а другой вцепился в перила. Полы его пальто, раздуваемые ветром, хлестали его по коленям. Он видел, как молчаливая фигура задвигалась снова. Вдруг она, как ему показалось, растворилась, исчезла в стене здания театра. Когда Базиль добрался до последней площадки, там уже никого не было.

На этой высоте красные блики, которые он наблюдал снизу, теперь водили хоровод вокруг него, и он мог различить над крышами более низких, чем небоскребы, зданий источник этой кровавой свистопляски – аршинные огненные буквы, которые то ярко загорались, то медленно угасали, передавая с неизменным ритмом рекламу:

А теперь время для чашки чая «тилбери»!

Другие газовые трубки светились непрерывно и не гасли: они освещали циферблат и стрелки огромных часов. С первого взгляда казалось, они были подвешены между небом и землей и не имели под собой никакого прочного основания. Но потом, когда глаза постепенно привыкли к этому мигающему свету, Базиль заметил, что часы укреплены на монументальной стене, но, как ни странно, ни цифры на часах, ни стрелки не были прикрыты стеклянным футляром. Было двадцать пять минут девятого. Базиль посмотрел на свои часы и увидел, что они отстают ровно на десять минут. Машинально он поставил их по большим часам на небоскребе.

Рядом с ним в стене театрального здания находилась пожарная дверь. Кто-то, второпях проходя через нее, несильно захлопнул ее изнутри, а ветер, очевидно, не позволил сработать автоматической защелке. Базиль вступил в темноту и хотел закрыть за собой тяжелую дверь. Но ему стоило немалых усилий, чтобы побороть чудовищный сквозняк, пока он наконец не услышал сухой щелчок.

Он стоял на последней, самой верхней площадке уже другой железной лестницы – такие лестницы обычно можно встретить на фабричных чердаках, где требуются дополнительные помещения или какие-то склады, и при их создании надежность вытесняет всякие представления о красоте и комфорте. Внизу, четырьмя этажами ниже, царила привычная закулисная предпремьерная суета. На лестнице никого, кроме него, не было. Двери актерских гримуборных выходили на эту лестницу, а далеко внизу выстроились в несколько рядов кулисы, среди которых сновала разноликая толпа актеров, рабочих сцены, пожарников, костюмерш, рекламных агентов и прочих ответственных за спектакль лиц из режиссерской команды.

Никто из них не обращал никакого внимания на Базиля, просто его не видели, а он стоял наверху, рассматривая всю картину как на ладони. Никому и в голову не приходила мысль посмотреть наверх без какой-то особой для этого причины, или, как говорят медики, провокации. «Каждый из них, – думал Базиль, – мог быть той темной фигурой, которую я видел. А может, все это была лишь иллюзия, порожденная движением теней?» Он опустил руку в карман, нащупал рукопись. Во всяком случае, буклет был вполне реален.

Он вытащил его из кармана, наклонился к свету, бьющему снизу вверх. Обложка была сделана из грубой голубой бумаги – она-то и показалась ему оберткой. На ней красовалась белая этикетка: «ФЕДОРА», драма в трех действиях. Пьеса французского драматурга Сарду».

Базиль начал листать страницы. Это был перевод старой французской пьесы, правда, несколько переделанной и осовремененной. Все реплики, которые должен был произносить внезапно заболевший Дезире, были старательно вычеркнуты, а все слова, произносимые Федорой, были отмечены синим карандашом. Должно быть, текст пьесы принадлежал Ванде. Вначале ему показалось, что других пометок в тексте нет. Но вдруг он наткнулся на фразу, которую произносил другой персонаж, она была жирно подчеркнута черным карандашом:

«С и р и е к с . Е му не у й ти от сю да, те перь все про тив не го !»

Базиль спустился по лестнице. На каждую лестничную площадку выходило несколько дверей. На уровне сцены он увидел еще одну такую же, правда, украшенную великолепной серебряной звездой. Он тихо постучал. Дверь резко распахнулась.

– Вы опаздываете, мой друг... Ах! Это...

На пороге стояла сама Ванда. Ее распущенные волосы мягко спадали на плечи. Что-то змеиное было в этой маленькой, плоской головке, удлиненной шее, гибком теле и раскосых, блестящих, как два бриллиантика, глазах. Ее желтоватое свободное одеяние было похоже на оперенье канарейки, от горла до самой нижней кромки оно было наглухо застегнуто маленькими пуговичками на крохотных петельках, сделанных из того же материала. Их было по крайней мере двадцать или даже тридцать. Могла ли она застегнуть столько хитроумных петелек за две-три минуты, прошедшие с того времени, когда он увидел в последний раз на пожарной лестнице исчезнувшую в стене фигуру?

Когда Ванда узнала Базиля, то улыбка мгновенно сошла с ее лица, как будто кто-то щелкнул выключателем. На какое-то мгновение ее лицо превратилось в холодную, глиняную, ярко раскрашенную маску. Затем она изобразила искусственную радость.

– Доктор Уиллинг! – на этот раз улыбка далась ей определенным мускульным усилием. – Ради бога, простите меня. Я выхожу уже в первом действии, и мне нужно одеться. Надеюсь, вам понравится спектакль...

– Он уже начинает мне нравиться.

– Что вы имеете в виду? – Она посмотрела на него широко раскрытыми глазами.

– Разве ваша пьеса уже не началась? Или, по крайней мере, какая-то другая?

Он протянул ей текст.

– Кажется, этот текст пьесы принадлежит вам, – и он показал ей синие галочки на первой странице мелодрамы «Федора».

– Да, конечно, – ответила она, даже не посмотрев на книжку.

Ее взгляд сосредоточился на руке, державшей пьесу.

– Что вы делали в своих перчатках?

Он посмотрел на свои руки. Его перчатки были испачканы черной грязью. Он рассмеялся.

– Мне кажется, что нужно привести в порядок вашу пожарную лестницу к весне, подмести, почистить. Я прогуливался в переулке в тот момент, когда вы уронили свой текст, я поднял его и устремился за вами по пожарной лестнице.

– Вы что, с ума сошли? Я никогда не была на пожарной лестнице! Что мне там делать?

– Не знаю, я сам теряюсь в догадках. И разве не странно, что вы подчеркнули фразу, которую произносит один из персонажей, а вовсе не вы. Довольно зловещая строка! – Базиль прочитал вслух: «Ему не уйти отсюда, теперь все против него!»

Зрачки у Ванды расширились.

– Я никогда не подчеркивала эту реплику!

– Тогда кто же?

– Не знаю. Кому это взбрело в голову подчеркивать карандашом фразу в тексте пьесы, который принадлежит мне?

Она устремила взгляд поверх его головы. Он повернулся. Позади никого не было, но у него сложилось такое впечатление, что она кого-то ожидает.

– Простите меня, доктор Уиллинг, мне нужно торопиться, – сказала она. – Надеюсь увидеть вас после премьеры.

Сделав шаг назад, она закрыла дверь, забыв взять у Базиля текст пьесы. Пожав недоуменно плечами, он засунул буклет в карман пальто и отправился на поиски двери, ведущей к главному входу в театр.

На сцене все уже было готово для первого акта.

Куда бы Базиль ни направился, куда бы ни повернул, Везде путь ему преграждала легкая, воздушная сцена из муслинового полотна, натянутая на деревянных подрамниках, укрепленных на распорках, прибитых гвоздями к полу. Это было левое крыло коробки из декораций, совершенно закрывавшей сцену с трех сторон. В тыльной стене находился небольшой трехсторонний выступ, вероятно, лицевая сторона какой-то ниши или алькова, выходящая на сцену. На правой стене, чуть дальше за альковым, находилось раскрытое окно. За окном на заднике были нарисованы покрытые снегом кровли домов – таким, очевидно, должен был быть вид, открывающийся из окна. Осветитель как раз устанавливал фонарь с голубоватым стеклом, чтобы создать впечатление лунного света, мерцающего на снегу. Над Базилем в небольшом свободном пространстве свисали перепутавшиеся провода, и он, круто повернув, пошел к противоположному краю сцены. Там в полотняной стене он обнаружил дверь. За ней находился еще один задник, разрисованный под мраморную стену.

Вдруг дверь отворилась. Базиль на какое-то мгновение был просто поражен, так как подумал, что спектакль уже начался и публика застанет его врасплох на сцене. Но это была Полина, которая вышла откуда-то из глубины декораций и затворила за собой дверь. Она закрылась с характерным лязгом, который издает обитый цинком деревянный предмет, и он заметил, что действительно дверь была отлично сделана из фанеры, обита дранкой и цинковой лентой.

Увидев Базиля, Полина нахмурилась.

– Что ты здесь делаешь? – спросила она.

– Ищу выход.

– И тебе всегда удается найти утерянное?

– А что пропало?

– Ничего особенного. И действительно пропало... Только... Ни Род, ни Леонард не могут отыскать. Не могу и я.

– Тогда это точно потеряно. И навсегда. А что, собственно?

– Нож.

Обычно сдержанный, Базиль был поражен.

– Какой нож?

– Послушай, Базиль, я расскажу тебе, что случилось, – неуверенно начала Полина. – Сэм Мильхау, по-моему, абсолютно чокнулся на том, что он называет «стопроцентным реализмом». Это отнюдь не означает, что он страстно стремится к правдивой передаче человеческих характеров, типов или возникающих в жизни головоломных ситуаций. Нет, это просто означает, что он обожает в собственных постановках учитывать все детали в самом прямом, буквальном смысле. Только он не называет их «буквальными», а зовет «аутентичными». Если в пьесе речь идет об ужине, то это должен быть настоящий ужин, с настоящей едой, если упоминаются цветы, то это должны быть непременно настоящие свежие цветы. Сегодня Род должен играть роль хирурга, который зондирует рану, чтобы удостовериться, нет ли в ней пули, и вот Мильхау упрямо настаивает, чтобы Род работал на сцене с настоящим хирургическим инструментом, с настоящими зондами, скальпелями и прочей чепухой. Конечно, Мильхау не хотел платить кучу денег за свой реализм и поручил помрежу достать подержанный инструмент. Но его достать непросто, так как все хирурги обязаны сдавать старый инструментарий Красному Кресту под расписку. Не забывай, преступность у нас растет, как снежный ком. Тогда Род вспомнил, что один из его дядей – старый хирург, который, правда, уже давно на пенсии, и он уговорил старика отдать ему свою сумку. Лезвия стальных ножей и скальпелей чудовищно затупились и поржавели, конечно, но их немного почистили наждаком, и они вновь заблестели. «Абсолютный реализм» был достигнут. Род таскал с собой эту сумку с инструментами на все репетиции и прогоны. Но сегодня вечером, всего десять минут назад, открыл сумку и обнаружил, что одного хирургического ножа не хватает. Он уверяет, что это тот самый нож, которым он пользовался на последнем прогоне. Я пришла сюда, чтобы поискать его, может, он где-то преспокойно лежит и смотрит на нас. Но его здесь нет. Может, пойдём к Роду в гримборную и поищем вместе.

Полина пошла впереди Базиля, указывая дорогу, приблизилась к какой-то двери на уровне стены и легонько постучала. Чей-то голос откликнулся:

– Войдите!

Они вошли в комнату не более шести квадратных метров. Родней Тейт стоял перед туалетным столиком и тщательно осматривал содержание выдвинутого ящика. Халат из мягкой голубой фланели туго был перехвачен на его талии ремнем. Леонард Мартин ходил взад-вперед по комнате, – пять шагов в один конец, затем остановка, поворот, пять шагов назад и так далее.

На нем тоже был халат, но из ярко-красного шелка.

Увидев вошедшего Базиля, Род криво усмехнулся.

– Что, пожаловал криминалист? Подвернулась работница?

– Ножа на сцене нет, – сказала Полина и села на подлокотник кресла. – Может, его украли?

Леонард засмеялся.

– Ты подумай, Полина, ну кому нужен старый хирургический нож? Может, какому-то чокнутому активисту из Красного Креста?

– Вы уверены, что в сумке был весь инструментарий? – спросил Базиль.

– Нет, не очень. – Род резко задвинул ящик. – Я никогда не обращал на содержимое сумки особенно пристального внимания до сегодняшнего вечера, но у меня сложилось такое впечатление, что все кармашки были заполнены, когда я впервые взял сумку с собой на сцену. Что ты скажешь? – повернулся он к Леонарду.

– Да, но это лишь смутное впечатление, – ответил Леонард. – Я тоже мог ошибиться.

– Но ведь ты не мог забыть нож на сцене, – решительно заявила Полина. – Я обшарила весь альков, осмотрела всю сцену – там ничего нет.

Хирургическая сумка стояла на туалетном столике – обычная кожаная сумка, потертая, вся в складках и морщинах. Базиль открыл ее и заглянул внутрь. Все карманчики и петельки были заполнены инструментами. Все, кроме одного. Трудно было определить, когда здесь, в этом гнезде, в последний раз торчал нож. Базиль вытащил один из скальпелей наугад, поднес его к яркому свету лампочек, обрамлявших зеркало на столике, и принялся тщательно его рассматривать. На лезвии было отчеканено имя какого-то бостонского фабриканта. Скальпель был изготовлен из отличной стали, которая, очевидно, недавно была почищена, но лезвие было

тупым.

– Вот инструмент, который нужен вам для зондирования пули, – сказал Базиль, протягивая Роду зонд.

– Правда? – заинтересовался Род. – Тогда мне нечего беспокоиться об утерянном ноже. А как извлекают пулю этой штуковиной?

– Род, не будь идиотом! – воскликнула Полина. – Как будто кто-то из публики сможет разобрать, чем именно ты пользуешься, якобы извлекая пулю там, в алькове. Все, что могут увидеть зрители, – лишь отраженный лезвием свет, яркий блик, вспышку. С таким же успехом ты можешь пользоваться там и простым кухонным ножом.

– Плевать мне на это – видят они или нет, – огрызнулся Род. – Я целиком солидарен с Мильхау – мне нужен реализм. Все должно быть в спектакле аутентично.

Полина с Леонардом рассмеялись. Очевидно, этот «реализм» Мильхау был в театре расхожей шуткой. Но Род говорил вполне серьезно.

– Даже если публика не видит ножа, я же его вижу?

– «Боги все видят», – процитировал Базиль.

– Совершенно верно. Но я не могу как актер избежать психологического эффекта, если я не уверен, что создаю в роли что-то настоящее, в истинной ситуации, независимо от того, отдает себе в этом отчет публика или нет. Я никогда не считал вздорным того парня, который, играя роль Отелло, вымазывал себя сажей с головы до ног. Я сам бы это сделал!

– Вы уверены, что во время репетиции в руках у вас был скальпель?

– Это был такой же хирургический нож, как вот этот, – и Род поднял со стола скальпель. – Это еще раз подтверждает, что нож пропал. Я точно помню, что было две таких штуковины, а теперь, как видите, осталась одна...

– Вы хорошо осмотрели сцену? – спросил Базиль, повернувшись к Полине.

– Конечно. Очень тщательно. Я провела там более пяти минут и заглянула во все углы.

– А вы уверены, что хирургического ножа здесь нет? – спросил Базиль, на сей раз обращаясь к Роду. – Вы могли случайно засунуть его куда-то здесь, в этой комнате, после репетиции и не положить обратно в сумку.

– Я уже об этом думал, – ответил Род. – Но я обшарил всю комнату. Леонард тоже, но мы ничего не нашли.

Базиль оглядел артистическую. Скромная обстановка – коврик, кушетка-диван, туалетный столик, скамья, гардероб и умывальник. Вся способная к передвижению мебель была придвинута к стенам, оставляя «жизненное пространство» около четырех квадратных метров.

– Здесь нет окна? – заметил Базиль.

– За кулисами вообще нет окон, даже в артистических, – объяснил Леонард. – Если бы их прорубили, то дневной свет мог бы свободно просочиться туда, где он вовсе не нужен. Или же возникли бы сквозняки, которые заставили бы глухую кирпичную стену трепетать, как флаг на ветру, а публика сразу бы догадалась, что вся эта стена – всего лишь размалеванный холст.

Базиль сел на диван, на котором не было чехла, запустил руку в щель между сиденьем и спинкой. Он вытащил оттуда сигаретный окурочок, две женские заколки, сломанный карандаш, но ничего, что хотя бы отдаленно напоминало хирургический инструмент, не было.

Полина с любопытством наблюдала за его действиями.

– Неужели вы считаете, что это все так серьезно?

– Видишь ли... остро наточенный нож вообще не рекомендуется оставлять в доступном месте. – Он постарался сказать это самым равнодушным тоном.

– Но в том-то и дело, что он не был острым! – возразил Род. – Этими ножами никто не пользовался многие годы.

– Значит, ваш «абсолютный реализм» не простирается так далеко, чтобы позволить вам орудовать остро наточенным ножом? – пробормотал Базиль.

– Нет, нет, я предпочитаю работать со старыми, тупыми, зазубренными ножами, такими, как вот этот. Кроме того, я так неумело пользуюсь своей бритвой, что эти многочисленные порезы отбивают у меня всякую охоту возиться с режущим инструментом еще и на сцене.

– Но эти инструменты и так довольно остры, – сказал Леонард и продемонстрировал маленький темный порез на правом указательном пальце. – Вот видите, я слегка порезался,

когда Род попросил меня пошарить в своей проклятой хирургической сумке.

– Помажьте йодом, – посоветовал Базиль. – Микробы столбняка кучами обитают в местах, где много пыли.

Леонард засмеялся, но Полина достала бутылку с йодом и уговорила Леонарда смазать палец.

Базиль выдвинул ящик стола. Там не было ничего особенного, кроме обычного набора косметических средств, гребенок и щеток.

– Когда вы впервые обнаружили, что нож пропал?

– Около десяти минут до вашего прихода. Я открыл сумку, чтобы положить туда несколько бинтов, которые я купил накануне – уж если реализм, то полный! – и вдруг увидел, что один из кармашков пуст. Я не помню точно, какой именно инструмент в нем находился. Спросил у Леонарда, но и он не мог припомнить. Он уверял меня, что все инструменты были на месте, когда я в последний раз вчера был со своей сумкой на сцене. Он пришел сюда, ко мне, чтобы помочь поискать этот скальпель. Но по дороге в мою артистическую мы встретили Полину и попросили ее пойти на сцену и посмотреть, уж не оставил ли я действительно нож на сцене.

Базиль кивнул головой. Совершенно ясно, что десять минут назад каждый из них находился в одиночестве. Каждый из них мог быть той темной фигурой на площадке пожарной лестницы...

– А может быть, ваш нож попал в какие-то другие декорации?

Род отрицательно покачал головой.

– Доктор Лорек, которого я играю, появляется со своими хирургическими инструментами только в первом акте. Я играю еще одну роль во втором акте, но это уже совсем другая, эпизодическая роль. Мильхау – человек прижимистый...

– Мне очень жаль покидать столь приятную компанию, – медленно растягивая слова, произнес Леонард, – но через три минуты поднимут занавес, а мой выход ровно через семь минут.

Базиль поднялся с дивана.

– На вашем месте я был бы поосторожнее с этим ножом на сцене, – обратился он к Роду. – Может, на этот раз будет разумнее позабыть об «абсолютном реализме» и выйти на сцену с пустой сумкой. Или, на худой конец, воспользоваться простым зондом. Вы, в конечном счете, можете просто симитировать, что зондируете и скальпелем надрезаете рану, не имея никакого инструмента в руках.

– Ну тогда все будет испорчено! – в отчаянии воскликнул Род. – Ведь вся «изюминка» этой сцены заключается в яркой вспышке света, отраженной от стали ножа! Нож – главное действующее лицо в этом трагическом эпизоде.

Леонард с удивлением смотрел на Базиля.

– Неужели вы считаете, что весь этот вздор с ножом может иметь какое-то серьезное значение?

– Может, просто его куда-то зачихнули... в этой предпремьерной горячке... суতোлке... Но ведь... – Базиль смешался, не мог подобрать нужные слова.

«Что в конце концов все это значило? – думал он про себя. – Потерян хирургический нож... грабитель, который проникает в точильную мастерскую и ничего там не трогает... выпускает канарейку из клетки... текст пьесы Сарду «Федора» падает ему под ноги с этой зловещей подчеркнутой строчкой... Но все это лишь «атмосфера», но отнюдь не доказательства. Окружного прокурора не интересует «атмосфера», как не интересует она и полицейское управление...»

Полина быстро пошла впереди Базиля по яркой освещенной сцене, резко сворачивая то вправо, то влево, чтобы не натолкнуться либо на тугое переплетение канатов, либо на пучок свисающей проволоки. Полотняная стена находилась слева от них, а кирпичная стена театра – справа. Крыша была так высоко над их головами, что потолок терялся где-то вверху, в мрачной, непроницаемой тени. Они прошли мимо фанерной двери и дошли до края холстяной стены. Между ней и аркой просцениума просвечивала узкая щель. Проходя мимо, Базиль на какую-то секунду уловил смазанное изображение четырех мужчин, устраивавшихся за столом для партии

в домино, – собравшихся там актеров сразу же должна была увидеть публика, как только занавес поднимался вверх. За ними, в глубине сцены, была двустворчатая дверь. Базиль, остановившись, заметил, как она вдруг распахнулась и из нее вышла какая-то женщина, притворив за собой плотно створки. Она прошла по всей сцене уверенной медленной походкой. Свет рампы упал на загорелое лицо, низко посаженные глаза, острый носик, решительные тонкие губы. Волосы, прямые, как иголки сосны, были собраны в аккуратный пучок на затылке. Ее загорелая кожа была почти такой же по цвету, что и волосы, но глаза у нее были светлые. На лице у нее не было косметики, лишь тонкий слой помады на губах. Платье ее было сшито из упругого, словно накрахмаленного, шелка с диагональными черно-белыми полосками. На плечи был накинут черный плащ, на руки натянуты черные атласные перчатки. Глядя на развевающийся позади нее шлейф плаща, Базиль вдруг вспомнил, что та фигура на верхней площадке пожарной лестницы тоже была одета в черное.

Женщина направилась к проходу между кулисами. Ее бледный, почти выцветший взгляд на секунду остановился на Базиле – холодный, безжизненный взгляд. Она прошла мимо и пропала где-то за сценой.

Полина коснулась его руки.

– Ну чего ты здесь ждешь? Нужно поторапливаться! Скоро поднимут занавес!

Прямо перед ними находилась тяжелая дверь, обитая зеленым сукном. За ней слышалось приглушенное жужжание, как будто там роились пчелы. Базиль толкнул дверь, пропуская вперед себя Полину, и невнятное жужжание превратилось в многоязыкий шумный гомон. Они только что пересекли границу между реальностью и иллюзией.

Здесь, по эту сторону тяжелого занавеса, вся бахрома блистала позолотой, простой холст на сцене превращался в скалу, подсветка становилась загадочным лунным светом, а намалеванный на щеках румянец – первой свежестью молодости.

Все как будто только и ожидало их прихода. Как по сигналу свет во всем зале погас, оставались гореть лишь красные лампочки над выходами. Гомон голосов постепенно становился все глуше и совсем затих. В зале установилась чуткая тишина, в которой чувствовалось какое-то напряжение, ожидание.

Посередине прохода их остановила билетерша с фонариком.

– Ваши билеты, пожалуйста!

Она провела их к проходу ближе к сцене, к четвертому ряду, где были их места, и вручила каждому из них по программке-сувениру – невообразимо роскошное «издание» из пергамента красноватого цвета, перевязанное глянцевою ленточкой. На обложке красовался рисунок, выполненный карандашом самой звезды – Ванды Морли. Она отнюдь не намеревалась зарывать свой талант в землю...

В зале все места были заполнены, и заполнены кем! Премьера с участием Ванды Морли была одним из тех редких событий, которые превращали нью-йоркский театр по значению в настоящую оперу! Вероятно, все фермы на западе, занимающиеся разведением соболей или норок, внесли свой вклад в это праздничное великолепие. А какая дивная экспозиция лысых голов и накрахмаленных рубашек! Несмотря на тщательно подобранные ожерелья из искусственных бриллиантов, шелка, элегантные прически, лица женщин все же не скрывали напряженности, и в холодных сумерках театра их глаза жадно впивались в беспристрастный занавес, скрывавший пока неизвестный, фантастический мир.

Блуждающий взгляд Базиля остановился на Полине и выразил полное удовлетворение ее простеньким платьицем с длинными рукавами светло-голубого, почти лазурного цвета.

– По-моему, ты здесь единственная особа, которая не принадлежит к воскресному торжеству мартышек!

– Разве тебе не известно, что дизайнер по одежде должен в ней кое-что понимать. – Она энергично вскинула руку вверх, выражая тем самым свой протест. Тыльная сторона ее белой перчатки была испачкана черной пылью.

– Что это у тебя?

Позади них зашуршало шелковое платье, и раздраженный хриплый голос какой-то театральной дамы произнес:

– Ша! Не могли бы вы помолчать?

Занавес медленно поплыл вверх...

Акт I. Санкт-Петербург. Зима. Дом графа Владимира Андреевича. Гостиная в древнемосковском стиле с парижской обстановкой...

Художник Сэма Мильхау блистательно справился с указаниями Сарду. Низкий куполообразный потолок подпирался стрельчатыми сводами. Синтетическое пламя отбрасывало чудовищные тени на стены, раскрашенные в голубые, красные, желтые и зеленые тона.

В стене слева Базиль сразу же нашел ту единственную дверь, которую он видел с обратной стороны. Так это, значит, и был тот самый альков. В него можно было попасть только через переднюю часть сцены, через эти двустворчатые двери, которые в настоящую минуту были закрыты. Очевидно, они служили и единственным выходом оттуда.

Поднявшийся занавес открыл всю сцену, на которой за столом сидели четверо и играли в домино. Это те самые люди, которых он мельком видел из-за кулис. Им была отведена роль слуг, которые непринужденно болтали между собой, так же как и рабочие сцены во времена самого Сарду. Вся публика дружно кашляла, ерзала в креслах, шелестела программками – это означало, что зритель волнуется. Нервное премьерное возбуждение, казалось, сковало актеров, игравших эти второстепенные роли. Они говорили и двигались по сцене, как мухи, ползающие по покрытой клеем бумаге.

И вдруг все разом изменилось, преобразилось. Раздался звонок в дверь.

– Графиня!

Слуги рассыпались, как горох, по сцене, с виноватым видом торопливо пряча костяшки домино. Один из них стремглав помчался открывать единственную дверь, расположенную слева. Раздался взрыв рукоплесканий.

Федора в прекрасном вечернем туалете, вся до самого подбородка закутанная в дорогие меха, быстро вошла в прихожую...

Сама Бернар не сумела бы выглядеть в этой сцене более величественно. Ванда была одета в темные, мягкие, пышные соболиные меха, несколько хлопьев искусственного сценического снега лежали на ее капюшоне и плечах, как будто она только что сошла с тройки, лихо подкатившей к крыльцу особняка. Подойдя к камину, она бросила маленькую муфту на стул и, ставив лайковые перчатки, протянула озябшие руки к огню.

Больше уже никто не шаркал ногами, не шелестел программкой. В Ванде было что-то такое, что просто околдовывало публику. Она обладала каким-то умением прожженного политикана заразить толпу безотчетным энтузиазмом. И через несколько мгновений судьба Ванды в роли Федоры стала личной судьбой каждого зрителя. Узнает ли она, что Владимир отправился покутить с другими женщинами как раз накануне их свадьбы?

Ванда тяжело опустилась в кресло перед камином. Отсвет огня делал ее одежды розовато-золотыми. В то время, когда слуга отвечал на ее вопросы, ее взгляд внезапно остановился на двустворчатой двери.

– Куда ведет эта дверь?

– В спальню, госпожа.

Ванда не обратила внимания на коварный полутон в голосе слуги. Снова раздался звонок в дверь. Снова слуга заторопился к входу, расположенному слева. Ванда, углубившись в собственные мысли, не повернула головы, когда в комнату быстрым шагом вошел человек в форме полицейского.

– Проводите меня к графу! Живо!

Этого актера Базиль не узнал, но он был похож немного на его приятеля, инспектора Фойла. Это был универсальный тип полицейского – крепко сбитый, туповатый, лишенный всякого воображения мужлан, исполнявший свои обязанности точно так, как от него этого требовали начальники.

Греч, такова была фамилия полицейского, резким движением снял свои тяжелые кожаные рукавицы и заткнул их за пояс. Слуга, не произнося ни слова, молча указал кивком головы на двустворчатую дверь. Греч широким твердым шагом направился с левого края сцены к ее центру и резко распахнул двери обеими руками.

Что-то вроде сдержанного рыдания послышалось в зале. Альков представлял собой

продолговатую комнату, ту самую, которую Базиль видел с обратной стороны. Там не было ни дверей, ни окон ни в задней, ни в боковых стенах, единственный свет в алькове исходил от красновато мерцающего пламени свечи, горевшей перед черной, в золотом окладе, иконой, висящей на тыльной стене. На полу был постлан коврик, из мебели – маленький столик и низенькая кровать. На ней лежал на спине человек – длинная фигура, вытянувшаяся во весь рост под розовым стеганым одеялом. Только голова и одна рука не были им прикрыты. Рука безжизненно свисала, пальцы касались пола. Голова была повернута к зрителям. Несмотря на полутьму, Базиль узнал бы это красивое мрачное лицо повсюду, в любой обстановке, где бы он его ни увидел. Это был тот молодой человек, которого он встретил в коктейль-баре. Кроме него, в алькове никого не было.

«Да, над его гримом изрядно поработали», – подумал Базиль. На лице «графа» отчетливо проступала та синевато-белая тень, которую ему приходилось так часто наблюдать на лицах умирающих или уже мертвых людей. По долгу медицинской службы, конечно. Грумер исхитрился даже заострить ему нос, а синеватые штрихи вокруг рта создавали впечатление, что губы у него крепко сжаты.

Публика затаилась, сидела тихо, словно в каком-то оцепенении. Ведь Владимир был тяжело ранен и, может, даже умирал в этой маленькой спальне в глубине особняка в то время, как Федора, ничего не ведая о его присутствии, ожидала его возвращения. Его меховая шапка, мундир и сапоги лежали брошенные прямо на полу, в одной куче, как будто он скинул все это впопыхах, чтобы поскорее, на ощупь, приползти к своей кровати, из последних сил, возможно, даже в полусознательном состоянии...

Даже сейчас Владимир не двигался и молчал.

Греч первым вошел в альков. Он наклонился над кроватью, стоя спиной к публике и закрывая таким образом Владимира от зрителей. Через минуту он выпрямился, повернулся с достоинством и произнес деловым, бесстрастным голосом свою реплику. Всего одно слово: «Ранен».

Ванда, сидящая у камина, повернула голову, услышав звук отворившейся двери. Когда Греч подошел к кровати, она поднялась со своего места. Теперь, услышав страшное слово «ранен», она с диким воплем, который, казалось, вырвался у нее из самой глубины сердца, стремглав вбежала в альков и упала на колени перед кроватью. Руки ее обвили голову Владимира. Она громко рыдала, уткнувшись лицом в его плечо.

Греч отошел немного от центра сцены вбок и спросил, обращаясь к ближайшему к нему слуге:

– Кто эта женщина?

Только сейчас, когда Греч стоял на этом месте при полном освещении огней рамп, Базиль наконец узнал в нем Леонарда Мартина. Базиль настолько обрадовался своему открытию, что не мог оторвать глаз от актера несколько минут. Его бесцветные брови и ресницы были посурьмлены, парик скрыл его лысоватый череп и тонкую прядь песочных волос. Меховой полушубок с широкими плечами делал его крупнее, импозантнее. Все было в Леонарде иным: и голос, и походка, и жесты – все поведение было поведением совершенно другого человека... Ванда была Вандой Морли в образе Федоры, но не самой Федорой. Она могла контролировать свои эмоции по собственному желанию, но они оставались всегда только ее личными эмоциями. Она не умела сыграть персонаж, абсолютно чуждый ее темпераменту. Но у Леонарда все было иначе. Греч не играл Греча, он был самим Гречем. Этим громогласным полицейским, не имевшим ничего общего с тихим, болезненным, маленьким актером по имени Леонард Мартин. Ванда была лишь соблазнительной женщиной. Леонард поистине артистом.

Вероятно, Ванда опасалась нелестных для себя сопоставлений и прямо-таки выходила из себя, чтобы привлечь внимание публики только к собственной особе. «Как это так! – вероятно, думала она в этот момент про себя. – Неужели зрители могут следить за тем, как какой-то Греч допрашивает домашних слуг, стоя возле самой рамп, в то время как она, Ванда, в полутемном алькове старалась изо всех сил – поправляла подушку Владимира, гладила его по щеке, заботливо накрывала его одеялом».

Дверь слева вновь отворилась, и на пороге появился доктор Лорек. Его выход совершенно разрушил иллюзию реально происходящего действия, которую столь искусно создал своей

игрой Леонард Мартин. Снова холодный лунный свет стал простым голубым фонарем, а заваленные снегом крыши – нарисованным холстом. Даже если бы Базиль не знал, кто играет доктора Лорека, он без труда сразу узнал бы Роднея Тейта. По пьесе он должен был играть известного хирурга, который вызван для того, чтобы спасти жизнь важному пациенту, находящемуся на грани смерти. Но он был самим собой, и только: красивым, привлекательным молодым человеком, добродушным и веселым, которому абсолютно наплевать на все, что происходит в мире.

С безыскусной торжественностью он освободился от мехового пальто, шапки и отороченных мехом рукавиц, аккуратно сложив вещи на стуле. Можно было представить равномерный стук метронома в его бывшей драматической школе, который отсчитывал точные секунды между каждым тщательно вымеренным словом, когда он, словно одереvenев, спросил:

– Несчастный случай?

– Попытка преднамеренного убийства, – ответил Греч.

Род подхватил свою черную сумку с инструментами и подошел к алькову. Там, обследуя Владимира, он с механической точностью изобразил все жесты врача: поднял ему веко, пощупал пульс, в зловещем предчувствии нахмурил брови. Он выписал рецепт и послал одного из слуг за лекарством. Попросил принести горячей воды.

Ванда быстро направилась к левому краю сцены, чтобы передать просьбу доктора слугам. Род остался наедине с Владимиром в алькове. Он поставил свою сумку на стоящий рядом с кроватью столик, открыл ее и склонился над раненым. Свет от горящей свечи яркой вспышкой отразился в лезвии скальпеля настолько ослепительно, что Базиль не смог рассмотреть, что же держал Родней в руках – скальпель или же зонд. Но ему вдруг показалось, что он наконец понял, почему Род все же решил захватить с собой на сцену хирургическую сумку. Он, вероятно, считал, что тончайшие детали «сценического бизнеса» скрасят его актерские изъяны.

Прошло несколько секунд. Род положил нож на столик и вышел из алькова, чтобы обсудить с полицейским происшествие.

– Самое быстрое в истории медицинской практики извлечение пули! – прошептал Базиль, наклонившись к Полине. – Видишь, чего на самом деле стоит этот «абсолютный реализм»?

Она улыбнулась. В эту минуту Базиль вздрогнул от неожиданности, когда вдруг раздалась знакомая ему реплика: «Ему не уйти теперь, все против него!»

Эту реплику произнес какой-то актер, которого до этого момента Базиль просто не замечал, – пожилой человек, он вышел сразу за Леонардом и сам объявил о себе, громко сказав, что он – по пьесе, разумеется, – Жан де Сириекс, сотрудник французского посольства. Базиль принялся торопливо листать увесистую программку, пропуская бесконечные рекламные объявления о самых модных товарах, о том, какие наряды будут носить истинные джентльмены в текущем году, пока наконец не нашел то, что искал, – состав актеров на сегодняшней премьеры.

– Жан де Сириекс – Сеймур Хатчинс, – прочитал он.

Полина, наклонившись к Базилю, прошептала:

– Посмотрите, кто играет Владимира.

– Разве ты не знаешь?

– Понятия не имею. На прогоне они пользовались манекеном.

Базиль скользил взглядом по листу, на котором были отпечатаны фамилии актеров. Федора – Ванда Морли. Греч, полицейский, – Леонард Мартин. Лорек, хирург, – Родней Тейт.

– Здесь не указано, кто играет Владимира!

– Жаль! Он отлично играет. Вот это я и называю реализмом.

Базиль вновь поднял глаза на сцену. «Слишком реалистично, чтобы было реальным!» – подумал он про себя.

Базиль припомнил, что этот парень, которого он видел в баре, совсем не похож на актера. Теперь, глядя на него, Базилю казалось, что он сильно переигрывал. Поэтому то, что он делал, казалось фальшивым, неестественным – обычная ошибка любителя в искусстве. Базиль слышал от актеров, что сцена смерти в театре удается всегда, независимо от того, какой бы плохой ни были пьеса или актеры. Сам драматизм смерти преодолевает ограниченность актерских средств. Но на этот раз старое поверье не подтвердилось. Сцена смерти проваливалась прямо на

глазах самым печальным образом. Владимир лежал абсолютно неподвижно с полузакрытыми глазами, впалыми щеками и бескровными губами, которые исторгали какой-то почти неслышимый стон. Хотя всем своим видом он пытался вызвать у зрителей сострадание и жалость к себе и даже заронить в их души ледяной ужас, все же вполне естественная реакция любого зрителя была примерно такой: «Черта с два меня обманешь! Как только дадут занавес, вскочишь как миленький и побежишь в буфет лакать шампанское!» Базиль почувствовал некоторое облегчение, когда Родней вернулся в альков и спиной снова заслонил Владимира от публики.

Теперь действие быстро набирало темп, достигая высшей эмоциональной точки. Налетчик, который ранил Владимира, скрылся. Этот факт позволил Леонарду – полицейскому Гречу – в коротком монологе представить, каким образом он поведет расследование, как поймает преступника.

Род вышел из алькова и, пройдя через сцену, подошел к Ванде Морли – Федоре.

– Мадам, все кончено.

Федора сцепила руки, бросила на него пронзительный взгляд.

– Умер? – выдохнула она. Род наклонил голову.

Ванда выжала все, что могла, из этой мелодраматической сцены, которая разыгралась за какие-то несколько минут.

– Владимир! – дико закричала она и вбежала в альков. – Разве ты не узнал меня?

Она обвила руками его неподвижное тело, целовала его застывшие губы.

– Владимир, скажи хоть одно слово! Ведь это я – Федора!

Она навзничь упала на неподвижно лежащего Владимира и разразилась рыданиями.

Базиль почувствовал легкое прикосновение. Это была Полина.

– Давай проскользнем поскорее, не дожидаясь суматохи!

Занавес пошел вниз, и она, торопливо увлекая за собой Базиля, быстрым шагом направилась по главному проходу, затем свернула в боковой, ведущий к двери на сцену. Они остановились в тесном пространстве между кулисами. Ванда с Леонардом и Роднеем выходили на аплодисменты, а посыльный, пройдя через весь зал с сияющей позолотой корзиной с роскошными розами в руках, передал ее Ванде через рампу. Когда занавес упал, Родней с Леонардом отошли к кулисам напротив того места, где стояли Базиль с Полиной. Последний раз вышла и поклонилась публике Ванда – она стояла одна на опустевшей сцене со своими кроваво-красными розами. Правда, не совсем. Владимир по-прежнему лежал на кровати в алькове. Базиль в душе был даже благодарен ему за это. Он терпеть не мог смешных метаморфоз в театре, когда вдруг труп поднимается и как ни в чем не бывало принимается раскланиваться.

Наконец занавес опустился в последний раз, и теперь уже все было кончено. Гром аплодисментов постепенно стихал. Ванда посмотрела на кулисы. Казалось, что она кого-то искала, потом оглянулась, посмотрела на альков и улыбнулась.

– Вставай, вставай, дорогой! – весело сказала она. – Первый акт сыгран, и твоя работа на этом закончена. Ну что, трудно было?

Никакого ответа. Ванда рассмеялась, взяла свою шубу со стула и подошла к нему поближе.

– Ну вставай же! Что за дурацкий розыгрыш! Сюда идут рабочие сцены. Они должны передвинуть сцену, сменить декорации. Следующий акт – в Париже.

Все еще смеясь, она наклонилась над Владимиром и дотронулась до его плеча. Улыбка замерла у нее на губах. Она стремительно поднесла руку ко рту, как будто хотела подавить рвущийся наружу вопль.

Базиль быстро подошел к ней. Полина, Родней и Леонард стояли за его спиной, почти рядом. Темно-желтые глаза Ванды были широко раскрыты, она молча уставилась на Базиля.

– Он... мертв. – Вырвавшийся тяжелый вздох едва разделил два слова. Она закрыла глаза, покачнулась, осела и повалилась на сцену. Полина опустилась на колени возле Ванды, накрыла ее меховым мантио, вытащила из ее сумочки стеклянный флакончик с нюхательной солью. К ним подошел рабочий сцены и сказал:

– Послушайте, нам нужно передвигать сцену...

Никто не обращал на него внимания. Все смотрели, не отрываясь, на человека, лежащего на кровати. Его полузакрытые глаза уже подернулись непрозрачной пленкой, а раскрытые губы были бледными и сухими. В уголке рта скопилась слюна, а в ней – капелька крови. Может, это был след от укола булавкой.

Базиль стащил с Владимира пунцовое стеганое одеяло, под которым он пролежал весь первый акт. Ручка хирургического ножа торчала в его груди как раз напротив сердца. Он не дышал. Пульса не было. Свисающая с кровати Рука одеревенела.

– Кто этот человек? – спросил Базиль, обращаясь к Роднею и Леонарду.

– Не знаю, – ответил Родней.

Леонард кивком головы дал понять, что и ему об этом ничего не известно.

– Я никогда в жизни прежде его не видел.

Рабочий сцены выступил вперед.

– Я не знаю этого парня. Он здесь никогда не был. Что с ним?

– Мертв, – медленно и тихо проговорил Базиль. – вероятно, убит. Немедленно сообщите в полицию.

– Ну а как же представление?

На его лице промелькнуло что-то вроде гримасы.

– Это как раз тот случай, когда представления не будет...

Он посмотрел на часы.

– Сейчас девять часов сорок минут... и...

– Минутку, – перебил его Родней, – на моих девять тридцать...

– Ваши отстают.

Леонард, взглянув на свои, сказал:

– Сейчас ровно без двадцати минут десять. Доктор прав.

– Ладно, разделим разницу пополам. Сообщите в участок, что труп обнаружен где-то около 9.35.

– Ради всего святого, объясните, что здесь произошло!

Смуглый, полный, низенький человек, которого, казалось, чем-то до предела нашпиговали и покрыли жирным лаком, в огромном возбуждении большими прыжками мчался по сцене.

– Что вы здесь делаете? – вопросительно уставился он на Базиля. – Я – Мильхау, продюсер, и должен попросить вас как можно скорее убраться со сцены. Рабочие из-за вас не могут повернуть сцену и помен...

Он осекся и, не отрываясь, смотрел на ручку ножа, торчащую из груди Владимира.

– Что это? А? Розыгрыш?

– Нет. Все на самом деле.

– Боже мой! – взвыл Мильхау, выламывая свои пухлые ручки.

– Кто этот актер? – спросил Базиль.

– Какой он актер! Он – не актер! Боже мой!

– Тогда кто же он? И что ему было здесь нужно?

– Не знаю.

Базиль начинал терять терпение.

– Вы утверждаете, что вы продюсер пьесы, в которой вот этот человек играл роль Владимира, одновременно вы уверяете, что он – не актер и что вы даже не знаете, кто он такой!

– Совершенно верно! – подтвердил Мильхау. – Я понимаю, что это звучит глупо. Но я могу все объяснить. У Владимира по пьесе нет никаких реплик. И ему не нужно ничего и никого играть. Он должен просто тихо лежать в глубине сцены в полутьме и изображать мертвого. Зачем для этого быть актером? Совсем не актеры играли в подобных обстоятельствах в других театральных постановках и даже в кино! Поэтому его имя и не упоминается в программке. Когда Сара Бернар играла Федору в Париже, то роль Владимира, если вы можете назвать это ролью, обычно играли ее друзья, которые вовсе не были актерами. Представляете, однажды на кровати во время спектакля весь первый акт пролежал сам Эдуард VII, и никто во всей публике не узнал английского монарха! Золотая молодежь в Париже устраивала грандиозные скандалы и даже драки из-за права получить у всех на виду поцелуй Бернар на сцене – почувствовать пронизывающее возбуждение подмостков, практически ничего не делая.

Когда Ванда узнала об этом, она захотела пригласить одного из своих поклонников сыграть роль Владимира на премьере. Я ничего не имел против. После нашего разговора я напрочь позабыл об этом. Во время репетиций мы обходились манекеном. Думаю, что она пригласила его, но, говорю вам, как перед богом, я понятия не имею, что это за человек!

Глава четвертая РЕПЛИКА В СТОРОНУ

Огромные руки-стрелки на циферблате часов на небоскребе, прославляющие тилберский чай, показывали десять часов пятьдесят минут, когда длинный черный лимузин свернул с Бродвея на 44-ю Западную улицу. Толпа была настолько густой, что автомобиль полз, как черепаха, проталкиваясь вперед на дюйм-два после каждой вынужденной остановки. Конный полицейский, свесившись с седла, заорал на шофера: «Что, тебя не касается?» Но он мигом осекся, стремительно приложив ладонь к козырьку фуражки, когда бледный луч от уличного фонаря упал на строгий профиль человека на заднем сиденье. «Сюда, инспектор!» Он пришпорил лошадь, грубо осадил толпу, освобождая место для проезда. Автомобиль остановился у самого начала переулка. Дверца открылась, и хорошо сложенный, крепко сбитый, высокий, отвечающий всем профессиональным требованиям нью-йоркской городской полиции человек вышел на тротуар. Его глаза живо забегали, внимательно изучая переулок, дома и гудящую толпу. Затем, словно еще сильнее сгорбившись под тяжестью свалившейся на него новой ноши, инспектор Фойл зашагал вниз по переулку, направляясь прямо к служебному входу Королевского театра.

Возле входа его встретил молоденький лейтенант из криминального отдела и лично проводил на сцену. Занавес был поднят, театр пуст. Ярко освещенная огнями рампы сцена вместе с двумя рядами ослепительных фонарей над головой казалась явным абсурдом – как будто все здесь было приготовлено для второго акта какого-то затасканного детектива. Помощник эксперта по судебной медицине склонился над неподвижной фигурой человека, лежащего на кровати в алькове, в глубине декораций. Сидящий за столом на переднем плане полицейский что-то стенографировал в своем блокноте. Дактилоскопист суетился со своими линзами и различными трубочками возле серебристого самовара, у набора чайных чашек из севрского фарфора. Полицейский-фотограф настраивал камеру, направляя ее из-за кулис на сцену. Несколько сыщиков сличали план декораций, выполненных художниками, с архитектурным планом здания, внимательно изучая каждый квадратный сантиметр настоящего и бутафорского дерева.

Когда инспектор Фойл проходил через дверь в театр с улицы, то туда же прошмыгнула, жужжа, жирная муха. Теперь она совершала ленивые круги над сценой и, казалось, тоже была занята изучением сцены, причем делала это самозабвенно, с каким-то почти научным интересом, почти так же, как делали это люди, находившиеся в театре.

Не снимая ни пальто, ни шляпы, инспектор Фойл сел в кресло перед «очагом», где Федора ожидала Владимира в первом акте. Сгорбившись, опустив подбородок на грудь, он с безразличным видом выслушивал устный доклад лейтенанта.

– Значит, в театре так никто и не смог опознать Владимира?

– Никто.

– Где в данный момент находится мисс Морли?

– Служанка отвела ее в артистическую. Когда мы прибыли сюда, мисс Морли здесь уже не было. У нее сейчас доктор. Все остальные – в кабинете Мильхау.

– Это все?

– Да, сэр. Кроме одного. Какой-то свидетель утверждает, что знает вас лично. Его имя вроде как... Биллингз. – Лейтенант заглянул в свой блокнот. – Простите, сэр. Уиллинг. Доктор Базиль Уиллинг. Я не обратил на него особого внимания и запер вместе с другими в кабинете Мильхау. Знаете, в подобных переделках всегда найдется какой-нибудь ушлый парень, который непременно заявит, что он ваш лучший, самый близкий друг, а может, даже и самого Верховного комиссара. Но потом, как всегда, выясняется, что когда-то, лет этак двадцать назад,

он сидел рядом с вами на бейсбольном матче.

– Вы, я вижу, новичок в отделе криминалистики?

– Меня перевели сюда из отдела по борьбе с наркоманией.

– Ничего. Скоро вы узнаете, что в нашем деле доктор Уиллинг – просто незаменимый человек, которого всегда полезно иметь под рукой, когда сталкиваешься с трудным делом. Между прочим, он один из помощников окружного прокурора по судебно-медицинским расследованиям. Приведите его сюда. И немедленно.

Лейтенант густо покраснел и скрылся за кулисами. Вскоре они с Базилем шли рядом по сцене, оживленно разговаривая.

– Если бы вы мне сказали сразу, что служите в управлении окружного прокурора... – мямлил незадачливый юный детектив.

– Вначале я и хотел так поступить. Но потом понял, что стоит мне произнести эти слова, как все свидетели в моем присутствии тут же проглотят язык и следствие пойдет в тупик с самого начала. Вот я и решил сыграть роль человека-невидимки.

Фойл приказал лейтенанту собрать все вещи Владимира, а затем, пожав руку Базилю, слабо улыбнулся и спросил:

– Как вы думаете, доктор, чьих же рук это дело?

– Не рановато ли задавать такой вопрос? – ответил Базиль. Он взял шляпу и пальто из рук билетерши, бросил их на диван, сел. – Вы переоцениваете мои способности, инспектор.

– Отнюдь нет. Ведь у вас – редчайший дар видеть то, чего не замечают другие. Где вы сидели во время первого действия?

– В четвертом ряду, как раз в центре.

– Боже, значит, вы сидели почти на сцене?!

Фойл встал и уставился на Базиля.

– Насколько мне известно, у вас отличное зрение. К тому же вы – медик. Как же вы не сумели разглядеть на таком близком расстоянии, что Владимир на самом деле умирает?

– Вы, инспектор, недооцениваете убийцу, – Базиль вытащил портсигар. – Коль я теперь на сцене, а не в зале, то, надеюсь, могу закурить?

Фойл пожал плечами.

– Обратитесь к пожарникам. Это – не моя забота. Насколько мне известно, в театре сцена – это единственное место, где разрешается курить.

Базиль зажег сигарету и глубоко затянулся.

– Подумать только, как помогает! Не могу себе представить, как актеры ухитряются соблюдать запрет и не курить за сценой? И так каждый вечер! Чудовищно!

Он придвинул к себе одно из севрских блюдец, намереваясь использовать его в качестве пепельницы. Устроился поудобнее на диване, откинувшись на спинку.

– Это преступление было подготовлено изобретательным человеком.

– Что вы имеете в виду?

– По пьесе Владимир должен умирать на протяжении всего первого акта. У него нет ни одной реплики, ни одного жеста. Он должен просто лежать на кровати в своей спальне в глубине сцены. Единственный источник света в алькове – горящая свеча перед иконой на сцене. Кроме того, там установлена лампадка из красного стекла. Свет от свечи отбрасывает загадочные, пляшущие тени, а красноватый свет не отличается особой яркостью. Кроме того, Владимир еще и загримирован под умирающего – у него сине-белое лицо, голубые тени возле глаз и рта, серые губы. Он должен был выглядеть так, как выглядит изнуренный болью человек, едва пребывающий в сознании. Теперь вам легко понять, какую уникальную, поистине единственную возможность давал весь этот «антураж» убийце. Никто, ни один человек, где бы он ни сидел в зале – четвертом ряду или в каком-либо ином месте, – не в состоянии определить, в какой именно момент выражение боли и изнеможения на лице Владимира перестало быть искусственным, актерским, и стало, так сказать, совершенно реальным. Никто не в состоянии сказать, когда его лицо, под маской жирного грима, действительно побледнело от полученной смертельной раны...

Фойл бросил быстрый взгляд на альков, а затем на четвертый ряд партера.

– Хорошо, я могу понять, что и вы, и другие зрители могли ошибиться, не рассмотреть

детально из-за слабого освещения и расстояния, что на самом деле произошло на сцене. Но что вы скажете об актерах, которые в это время находились рядом? Не хотите ли вы меня убедить в том, что и они не заметили, что Владимиру явно не по себе?

– Даже если они нам что-то и скажут, то каким образом мы уличим их во лжи?

Значит, заговор?

– Вполне вероятно. Может, так и есть. В любом случае выигрывает убийца. По словам продюсера Мильхау, первый акт должен по расписанию длиться ровно сорок восемь минут, от 8.40 до 9.28. В рамках этого времени мы не можем установить, когда именно произошло убийство. Поэтому практически невозможно определить, кто же убийца.

– Почему вы все это связываете со временем?

– Когда поднимается занавес, то на сцене сидят за столом четыре актера и играют в домино. Все четыре заняли свои места перед самым началом, когда из-за кулис появился Владимир, прошел по сцене, живой и здоровый, вошел в альков до поднятия занавеса. Говорят, что на какое-то замечание одного из них он ответил ухмылкой и затворил за собой створки двери спальни. В алькове нет другой двери, нет окон, нет никакого иного прохода за сценой. В нем даже есть потолок, так что ни один человек не мог перелезть через стену декорации. После того как Владимир вошел в альков, к нему мог кто-то приблизиться, лишь пройдя по сцене к двустворчатой двери на виду у актеров, сидящих на сцене, и на виду у всей публики.

В первом акте только три человека входили в альков. Каждый из них поодиночке приближался к Владимиру в трех разных случаях, как это и требуется по ходу пьесы.

Таким образом, убийство, вне всякого сомнения, было совершено на виду у публики одним из этих трех актеров. Но мы не можем зафиксировать точный момент совершения убийства в течение тех сорока минут, пока длился первый акт. Мы не располагаем доказательствами, кто из трех актеров убил Владимира.

Как правило, убийца стремится избежать рук правосудия, отрекаясь от совершенного преступления с помощью ложного алиби, но как раз именно такое поведение и ведет его в тюремную камеру. Этот убийца прекрасно понимал, что его безопасность гарантирована несколькими находящимися на сцене лицами. Вместо того, чтобы заручиться правдоподобным алиби, он просто лишил его двух других. Они и оказались в равной с ним ситуации. Он поровну разделил подозрения между тремя действующими лицами. Он очень хочет, чтобы мы знали, что кроме него на месте преступления в одно и то же время были еще двое. При обычных обстоятельствах ни один убийца не пойдет на риск совершения преступления при двух свидетелях. Но самые обстоятельства пьесы, роль Владимира предоставили ему возможность совершить свое черное дело перед лицом сотен свидетелей, стоящих на сцене, за кулисами, сидящих в зале. Это совсем не похоже на обычно сработанное «мокрое» дело... Ни к чему не придерешься... Все физические законы против нас. Я видел собственными глазами, как совершалось преступление, как убивали человека, и все же я не знаю, когда все это было сделано и кто убийца...

Фойл поднялся с кресла и прошел в альков. Базиль остался сидеть на диване, куря сигарету. Инспектор кивнул криминалисту и принялся прохаживаться по алькову, постукивая по холстяным стенам, изучая пол и потолок. Он вернулся на свое место, остановился и, повернувшись спиной к «очагу», заметил, обращаясь к Базилю:

– Странное чувство вызывают эти бумажные стены, издали кажется, что их выложили из кирпича чуть ли не в метр толщиной с настоящим раствором.

– Ради этого все и делается, – ответил Базиль. – Вы, очевидно, заметили, что через них нельзя пройти. Холст туго натянут, а филенки основания подрамников накрепко прибиты гвоздями к полу. Их нельзя приподнять, как простой полог палатки. Это настоящая комната-бокс на сцене без всяких щелей. Чтобы подойти к двери алькова, нужно обязательно пройти по сцене, как вы и сделали, инспектор, причем вы должны войти сюда через единственную дверь, расположенную слева. Других дверей в декорациях нет. Потолок над альковым и гостиной сделан из одного куска фанеры. Невозможно приподнять с помощью какого-то инструмента часть его, не привлекая при этом внимания актеров или зрителей.

Та самая жирная муха, которая влетела через служебный вход с улицы, продолжала совершать круги над их головами. Инспектор отогнал ее взмахом руки.

– Кто же, по-вашему, эти люди, которые приближались к Владимиру, чтобы прикончить его?

Базиль ожидал этого неизбежного вопроса. Тяжело вздохнув, он медленно произнес: «Ванда Морли, Родней Тейт и Леонард Мартин». Ему понравились оба актера и было немного жаль Ванду.

– Вы уверены, что все трое находились достаточно близко от Владимира и могли убить его на виду у публики? – спросил Фойл.

– Абсолютно. Ванда, играя роль Федоры, оставалась с Владимиром в алькове в двух случаях, причем все остальные актеры в это время находились у самой ramпы. Оба раза она обвивала руками его шею, прижималась к нему, стонала, изображая свое неумное горе. Она запросто могла заколоть его, и никто – уверяю вас – даже и не понял бы, что, собственно, она делает.

Леонард, который по пьесе играет роль полицеймейстера Греча, первым после поднятия занавеса растворил двери, ведущие в альков. Он уверенным, тяжелым шагом подошел к кровати Владимира и оставался на своем месте почти целую минуту. Spина его была обращена к зрителям, когда он наклонился над Владимиром. По ходу действия он таким образом должен был якобы удостовериться, жив ли еще Владимир. Он повторил всю сцену перед уходом, пообещав немедленно заняться расследованием обстоятельств убийства.

Родней, который играл роль хирурга Лорека, должен был по замыслу автора совершить медицинское обследование огнестрельной раны Владимира и извлечь пулю. Для этой цели он захватил с собой хирургическую сумку, вытащил оттуда скальпель и, орудуя своим инструментом в течение нескольких минут, принялся делать вид, что занят плечом Владимира. Никто в зрительном зале не видел, что именно он делал... Инспектор скорчил недовольную мину.

– Выходит, что каждый из этих трех человек мог совершить убийство в пяти разных случаях, и только у одного из них в руках был нож.

– Совершенно верно. План совершения преступления был разработан человеком оригинального ума. Смелые люди зачастую глупы и опрометчивы, расчетливые – робки и дотошны. Но на сей раз мы имеем дело с комбинацией смелости, отваги, расчета, чудовищной жестокости и беспощадности: ведь двум невиновным предстоит выстрадать столько же, сколько, по всей логике, положено лишь одному, то есть убийце.

Криминалист подошел к ramпе и положил на стол скальпель.

– Да, Уиллинг, вы правы, – это был флегматичный молодой человек, для которого убийство было «простым делом», и не больше.

– Удар прямо в сердце, что я вижу и без всякой аутопсии... Но под странным углом... так самоубийцы не поступают... очень небольшое внутреннее кровотечение... – бесстрастно докладывал эксперт.

– Значит, все это дело рук человека, понимающего толк в медицине? – с надеждой в голосе спросил Фойл.

– Вообще не обязательно. Как известно, у нас в стране каждый военнообязанный, мужчина или женщина, проходит небольшой курс оказания первой медицинской помощи при ранении. Найденный нож – это хирургический скальпель. Судя по потускневшей ручке, инструмент старый. Но лезвие было отменно наточено, судя по всему, недавно. На ручке много спиралеобразных глубоких нарезков. Следовательно, об отпечатках пальцев нечего и думать. Идеальное орудие для убийства.

Базиль заметил, что это был точно такой скальпель, который ему показывал Род перед началом спектакля, если, конечно, не считать пятен свежей крови на лезвии.

– Могли бы вы зафиксировать время наступления смерти в рамках этих сорока восьми минут? – спросил Фойл судебного медика.

– Могу. Но все же оно будет неточно, – ответил тот. – Начало окоченения трупа зависит от конституции тела и обстоятельств убийства. Поэтому в данном случае трудно положиться на температурные показатели. Обычно в помещении, в теплой комнате мертвое тело теряет тепло со скоростью двух градусов в час.

– Что вы можете сообщить нам об убитом?

– Молодой человек тридцати – тридцати пяти лет. Здоров, опрятен, атлетическая фигура, довольно упитанный, загорелый. Насколько я вижу, на теле – никаких шрамов, деформаций, признаков хронических заболеваний. Может быть, был наездником. Несколько искривлены ноги. Но он человек высокого роста, так что этот маленький дефект едва различим при ходьбе. Это все, что я могу вам сообщить. Я еще нужен?

– Нет, можете идти. Спасибо.

Знакомый нам лейтенант – новичок из криминального отдела – вошел через дверь на сцену, неся в охапке пальто, домашнюю куртку, белый жилет, широкополую шляпу и какие-то мелкие предметы, узелком завязанные в носовом платке. Он положил вещи на стол.

– Вот – личные вещи Владимира, я обнаружил их в артистической мисс Морли...

Фойл быстро перерыл все руками.

– Отличное качество. Нет торговых клейм. Он был в этом костюме там, на сцене? – поинтересовался инспектор.

– Не совсем, шеф. По пьесе на Владимире должна быть рубашка, брюки и носки.

Когда Фойл взял в руки широкополую шляпу, то Базиль тут же вспомнил того молодого человека в шляпе, надвинутой на самый нос, когда он чуть ли не бегом ворвался в коктейль-бар.

– Что в карманах?

Лейтенант развязал платочек.

– Золотые часы, серебряный портсигар, пять монет по 25 центов, три – по десять и одна – в пять, кожаный бумажник. Маленький клочок линованной бумаги, на котором написано несколько корявых букв и одна цифра – К.Т.Ф.:30.

– Это по вашей части, головоломки и загадки, – Фойл отодвинул клочок бумаги к Базиллю и взял в руки бумажник.

– В нем должна быть какая-то визитная карточка в целлофановой обертке, – сказал Базиль. – Я заметил ее, когда этот молодой человек расплачивался за выпивку в баре напротив, неподалеку от служебного входа в театр.

– Здесь нет никакой карточки, – заверил его лейтенант.

– Могли ли вытащить ее у него здесь, на сцене? – спросил Фойл.

– Насколько я заметил, он носил бумажник в нагрудном кармане жилета, – ответил Базиль, – но на сцене он был без него.

– Отправьте двух людей, пусть обыщут весь театр и найдут мне эту карточку! – приказал инспектор. – Имеются ли отпечатки пальцев на портсигаре или зажигалке?

– Да, мы уже их сфотографировали. Все они принадлежат убитому.

Фойл тщательно вытер оба предмета собственным носовым платком.

– Узнайте, лейтенант, готова ли мисс Морли для допроса...

Офицер возвратился через несколько минут.

– Врач мисс Морли утверждает, что в данный момент она не в состоянии давать какие-либо показания, но я сказал, что она нужна для опознания тела...

За холстными стенами послышались шаги. Резко отворилась дверь с левого края сцены. Фойл и Базиль с удивлением поднялись со своих мест, когда Ванда Морли совершила свой самый драматический за всю свою долгую артистическую карьеру выход на сцену. Она все еще была в платье Федоры из прозрачной золотистой ткани. Темные волосы свисали волнистыми локонами. Ее поддерживали под руки личный врач с одной стороны, с другой – служанка. В двух шагах сзади важно шествовал ее адвокат, за которым следовали агенты по связи с прессой и Мильхау собственной персоной. Гримерша несла ее роскошное меховое мантио, шкатулку с драгоценностями и стеклянный пузырек с нюхательной солью.

– Мне жаль, мисс Морли, что я вынужден вас беспокоить в такую минуту. Я – помощник главного инспектора полиции. Мое имя – Фойл.

Ванда окинула его тусклым, скучным взглядом. Вся сцена шла без репетиции, текста не было, реплики не рассчитаны по минутам, все перипетии сюжета не предусмотрены заранее.

Голос ее дрожал. Она заикалась. «Ох, да... да... ничего... пожалуйста... нет-нет...»

– Следуйте за мной, – приказал Фойл и повел всю группу прямо в альков. Ванда медленно шла за ним. Было заметно, какого усилия стоило ей взглянуть на лицо убитого. Оно еще было

покрыто толстым слоем грима – безжизненная пепельно-серая кожа с голубыми разводами вокруг глаз и губ. И все же это было довольно привлекательное, миловидное лицо молодого человека, отражающее, вероятно, его несколько угрюмый характер, – лицо, которое уже никогда не оживет. Ванда прикусила нижнюю губу, ее охватила дрожь.

– Я... – она резко повернулась к инспектору. В ее глазах застыл страх. – Мне очень жаль, инспектор, – чуть слышно произнесла она. Это был не голос, просто выдох. – Я не знаю этого человека.

Уж не померещилась ли вся эта сцена Базилю? Или на самом деле было что-то чудовищное в этом отрицании. Оно было похоже на предательство... Он попытался вспомнить ее улыбку, когда она, повернувшись к этому человеку, лежавшему на кровати в алькове, произнесла нежно: «Вставай, дорогой! Вставай! Первый акт отыграли, и твоя работа закончена...» Разве то была улыбка, которую она могла подарить незнакомому человеку?

– Но ведь вы назвали его «дорогой», – тихо напомнил ей Базиль.

Ванда закрыла глаза.

– Ну и что? Я всех так называю. В театре это абсолютно ни о чем не говорит.

– Но, мисс Морли, – вмешался инспектор Фойл, – насколько мне известно, именно вы нашли этого человека и пригласили его для исполнения роли Владимира в сегодняшнем спектакле?

– Я? Что вы!

Ванда, прикрыв веки, посмотрела в сторону Мильхау.

– Я только думала пригласить кого-нибудь из своих друзей на эту роль, но ты, Сэм, ответил, что отдаешь предпочтение актеру-профессионалу. Разве ты не помнишь о нашем разговоре? Я не настаивала. Что мне за забота? Таким образом, сегодня вечером я вполне естественно предположила, что... что этот человек от тебя!

Теперь в театре наблюдался явный «перебор» абсолютного реализма, на который так полагался продюсер Мильхау. Настоящие свечи, настоящая еда – это одно, но настоящее убийство – совсем другое. Круглое, жирное лицо Мильхау покрылось крупными каплями пота. Он заломил над головой руки, как актер-любитель.

– Но послушай, Ванда! Ты заупрямилась, как ослица. Разве не помнишь? В конце концов мне это надоело и я сказал: «Ладно, делай, как знаешь!» Поэтому я никого не приглашал, а сегодня вечером, когда появился этот парень, я был в полной уверенности, что он – от тебя! Боже, так кто же его сюда прислал? И зачем? Я вложил восемьдесят тысяч из собственного кармана в этот спектакль, и вот теперь – все погибло! Я разорен! Ты – тоже!

Ванда сомкнула веки.

Фойл умел прекращать сентиментальное ломание.

– Мисс Морли, – резко начал он. – Находясь на сцене, вы целовали убитого в губы как раз за несколько минут до того, как опустился занавес. Вы хотите сказать, что в эту минуту вы не знали, жив ваш партнер или нет? Или вы сами прикончили его в эту минуту?

– Ах, я... – Ванда медленно начала оседать, но крепкие руки доктора подхватили ее. Вероятно, она потеряла сознание.

Доктор строго заметил Фойлу:

– Как вы видите, инспектор, мисс Морли более не в состоянии давать показания. Она – великая актриса, и ее Нервная система слишком хрупка, чтобы выносить подобные потрясения.

– Ладно, – сказал инспектор, – отвезите ее домой.

Гримерша накинула на нее ее меховое манто. Адвокат помог доктору довести ее до машины. Агенты по связи с прессой последовали за ними, чтобы разогнать толпу репортеров на улице.

Следующий исполнитель. Доктор Лорек. Галстук развязан, твердый, накрахмаленный воротничок расстегнут, а пот, пропитавший розовую пудру и жирный грим, превратил лицо в какую-то ярко-красную сияющую массу. Сев, он провел пятерней по волосам каким-то нервным жестом, который безвозвратно нарушил нарядные, аккуратно вздыбленные гребенкой волны. Казалось, он был сильно расстроен, но всем своим видом давал понять, что он абсолютно невиновен.

– Мистер Тейт, вам знакомы эти вещи? – Фойл указал на одежду Владимира,

разложенную на столе.

– Нет.

– Вы никогда не видели этот предмет? – и Фойл протянул Тейту портсигар. Род повертел его в руках, не сознавая, что оставляет на нем превосходные свежие отпечатки своих пальцев, и вернул инспектору. Отрицательно покачав головой, твердо сказал: «Нет».

– Мистер Тейт, во время спектакля, в первом акте, находясь на сцене, вы подходили к актеру, играющему роль Владимира. Был ли он жив в этот момент или нет?

– Боже, я... я не знаю...

– Вы хотите сказать, что, находясь близко от человека, почти рядом с ним, не в силах сказать, дышит он или нет?

– Но ведь там почти не было света, какой-то полумрак! – воскликнул Род. – Он был загримирован под труп. Владимир должен был играть умирающего человека – полузакрытые глаза, неподвижное, одеревенелое тело... Когда люди лежат, то дышат очень тихо. По сути дела, нельзя определить, дышит в таком положении человек или нет, если только он не страдает одышкой или не храпит во сне. Разве я могу вам сказать – играл ли он роль умирающего или же на самом деле умер? Я вообще об этом тогда не думал. У меня была своя роль...

– Но постарайтесь подумать об этом теперь, – предложил Фойл.

В разговор вмешался Базиль.

– Давайте разберемся во всем постепенно. Когда вы в первый раз вышли на сцену, то сняли верхнюю одежду – шляпу, пальто, перчатки. Насколько я помню, вы снимали все нарочито медленно и сложили свои вещи на стуле. Что, это была ваша собственная идея или так того требует сама пьеса?

– Нет, это была идея Мильхау. Он – режиссер, Леонард в роли Греча должен был второпях вбегать на сцену, на ходу стащить свои рукавицы и засунуть их за пояс, чтобы освободить руки и при необходимости пустить в ход револьвер. – Род улыбнулся. – По мысли Мильхау, полицейский в сцене убийства должен проявлять какую-то дисциплинированную торопливость. Я же, по его замыслу, должен был спокойно войти в гостиную, методически снять верхнюю одежду, аккуратно сложить ее на стуле – то есть представить таким поведением профессионала, который если и торопится, то медленно. Нужен контраст. Понимаете?

– Таким образом, режиссер Мильхау предполагал, что вы должны снять перчатки? – продолжал излагать свою мысль Базиль.

– Да, конечно. – Этот вопрос, судя по всему, озадачил Рода.

– Потом вы вошли в альков и... продолжайте, начиная с этого места.

– Я приблизился к кровати и в этот момент впервые взглянул на Владимира, – продолжал Родей Тейт. – Мне показалось, что он отлично играет. Он действительно умирал, но как он это замечательно делал! Он был абсолютно недвижим, не произносил ни единого слова, даже шепотом. Лицо его было каким-то расслабленным и отрешенным. Обычно когда играешь на сцене мертвого, все время так и подмывает чихнуть – нервы, конечно, – и эта вполне естественная реакция заставляет вас напрягать мышцы лица. Я взял его руку, поднял, чтобы пощупать пульс...

– Ну и вы почувствовали пульс?

– Не знаю! Черт побери, я ведь не доктор! Я, конечно, прошел краткосрочные медицинские курсы, как и все остальные, но я не в состоянии ни найти пульс, ни измерить давление, уверяю вас. Я просто «сыграл», что определяю частоту его пульса. Вообще-то я его не почувствовал.

– Вам не следовало поднимать его руку, – сказал Базиль, – легче найти пульс у человека, когда рука его лежит или свисает с кровати. Была ли его рука тяжелой, как у мертвеца

– Нет, она была расслаблена. Но она и должна быть Слабой, безвольной. Этого требует роль.

– Но она не была одеревенелой?

– Нет, что вы!

– А кожа была теплой?

– Да.

– Что случилось потом?

– Я поднял его правое веко. Ну, как это обычно делают доктора.

– И тем не менее вы не можете сказать, был он жив или нет! – саркастически заметил Фойл.

– Трудно определить, жив человек или уже мертв, когда он находится на грани смерти, – напомнил Базиль инспектору. – Даже опытные доктора, обнаруживающие все признаки смерти, в такие минуты могут допустить ошибку. Скажите, мистер Тейт, двигалось ли глазное яблоко? Расширился ли зрачок?

– Не знаю, не скажу. Я твердо помню, что он изо всех сил старался лежать как можно тише и неподвижнее.

– Ну и что произошло потом?

– Я попросил принести горячей воды и сделал вид, что выписываю рецепт. Затем я открыл хирургическую сумку, вытащил оттуда тот зонд, которым, как вы мне объяснили, настоящий хирург воспользовался бы на моем месте, отвернул стеганое одеяло до ключицы и стал играть сцену «извлечения пули из его шеи». Затем я наложил тампон на то место, где по разработанному сценарию должна находиться рана, – просто кусочек марли, на повязку. В этот момент я вышел из алькова, чтобы посоветоваться с Гречем, что нам делать. Через несколько минут я вернулся к раненому с кувшином горячей воды и с тем лекарством, за которым посылал слугу, сделал вид, что промываю рану, и наложил более плотный тампон. Потом я немного посуетился возле него, пощупал снова его пульс, сделал вид, что вливаю несколько капель лекарства в рот, прошел по сцене, подошел к ее правому краю и громко объявил, что пациент мертв.

– По сцене, к ее правому краю? – уточнил Фойл.

– Да, я подошел к самой рампе, – продолжал рассказывать Род.

– Направо – это значит «направо» на сцене, когда я стою перед зрительным залом. Для зрителей это означает «налево».

– Естественно, – улыбнулся Базиль. – После этого вы подходили еще раз к Владимиру?

– Нет, я просто стоял там, возле рампы, пока не дали занавес. Потом я вышел на первый вызов вместе с Вандой и Леонардом, – остальное вам известно.

– Судя по вашему рассказу, Владимир ни разу не пошевелился за весь тот промежуток времени, в течение которого вы находились рядом с ним. Может, сейчас вам легче вспомнить какой-то его жест? Ну, скажем, не моргнул ли он? Может, дернулись губы, он пошевелил пальцем? Не заметили ли вы отталкивающий рефлекс при вашем к нему прикосновении?

Род на несколько мгновений закрыл глаза. Вдруг он внезапно их открыл и решительно мотнул головой.

– Я предупреждаю заранее, что вы не должны руководствоваться в своем расследовании тем, что я сейчас скажу. Ведь это что-то вроде попытки вспомнить сон. Образ настолько расплывчат, неуловим, что нельзя особенно сильно стараться ухватить его. Если, совершая усилие над собой, вам кажется, что вы что-то вспоминаете, то на самом деле это может оказаться чистой фантазией. Мне кажется, что он был недвижим, но я не могу в этом поклясться. Я не обращал на него особого внимания и не могу ничего придумывать, так как если он в тот момент не двигался, то это означает, что либо Ванда, либо Леонард покончили с ним до моего появления возле кровати умирающего, а моя клятва подвергнет их жизни опасности!

– Звучит слишком альтруистично, мистер Тейт, – холодно прокомментировал Фойл. – Но что вы скажете о собственном положении? Вы принесли хирургическую сумку. Все зрители видели в ваших руках нож, когда вы склонялись над Владимиром. Из трех человек, у которых была возможность заколоть его, только у вас в руках было орудие убийства.

Впервые на лице Рода отразился испуг.

– Но ведь один из скальпелей у меня украли!.. – воскликнул он, повернувшись к Базилю за поддержкой.

– Посмотрите повнимательней, – указал рукой Базиль на скальпель, лежавший на столе, это тот самый, которого не доставало в сумке?

Род внимательно посмотрел на нож и поморщился, заметив темные кровавые пятна на его лезвии.

– Вполне возможно... – сказал он, покосившись на Фойла. – Но этот нож был бы на месте, в сумке, если бы я... я...

– Напротив, – возразил Фойл. – Если бы убийцей были вы, то самый надежный способ отвести от себя подозрение – это представить дело так, будто один из хирургических ножей был похищен перед самым началом спектакля. Ну теперь вы намерены сказать нам правду? – он наклонился вперед, далеко выдвинув подбородок, руки его все еще были за спиной. – Я не прошу вас высказывать здесь догадки, давать какие-то клятвы. Я прошу об одном: честно рассказать нам о вашем впечатлении – был ли Владимир жив, когда вы впервые прикоснулись к нему?

Род потупил глаза. У его рта образовался какой-то трагический изгиб. Казалось, ответ у него вытаскивали щипцами.

– Да.

– Был ли он жив, когда вы дотронулись до него в последний раз?

Сейчас ответы становились все более неохотными.

– Мне кажется, что был, но это лишь предположение.

– Сколько человек приближалось к нему после этого момента?

– Один.

– И кто этот человек?

– Мисс Морли.

– Спасибо, мистер Тейт. На сегодня достаточно.

Род встал со стула и, спотыкаясь, побрел к проходу между кулисами. Вдруг он остановился. Там, в тени, отбрасываемой аркой просцениума, стояла Полина.

– Род! – она схватила его за руку, подняла на него глаза. – Не отчаивайся. Все будет хорошо. Я отвезу тебя домой.

– Я доеду сам.

Голос его звучал глухо, хрипло, и он побрел, тяжело волоча за собой ноги, к своей гримуборной.

Базиль встал со своего кресла и пошел навстречу Полине.

– Ах, это ты, Базиль! Ну что, теперь ты вместе со стаей?

– Извини, но я просто хочу докопаться до истины. Это лучшее целебное средство. Почему бы тебе не помочь?

– Что я могу сделать?

– Ну если ты дизайнер по костюмам, то должна разбираться в тканях, фактуре, цвете. Нам нужен человек, который мог бы обшарить весь театр – артистические, костюмерные, подсобки – и попытаться отыскать длинный плащ, или пальто, или халат, который может укутать с головы до ног человека среднего роста и выглядеть издали черным после наступления сумерек. Может, возьмешься?

– Почему бы и нет. – Она отвернулась с безразличным видом.

Фойл с удивлением прислушивался к их разговору. Когда Полина скрылась за кулисами, он упрекнул своего приятеля:

– Разве тебе неизвестно, что мой лейтенант уже дал это задание нашему человеку минуту спустя после того, как услышал твой рассказ о той фигуре в темном плаще.

– Ей нужно чем-то заняться, – серьезно ответил Базиль. – Кроме того, всегда интересно располагать несколькими сведениями, а затем сравнить их...

Леонард Мартин все еще был в темном парике, в тулупе с широкими плечами, в высоких сапогах Греча, этого полицеймейстера, но он уже им не был. Тихий голос, вкрадчивая улыбка, которой он ответил на приветствие Фойла, были его собственные, Леонарда Мартина.

– Мне очень понравилась ваша игра, – начал, обращаясь к нему, Базиль. – У Сарду Греч – просто случайная фигура, отнюдь не профессионал, а вы в своем отлично разработанном скетче показали истинного полицейского за работой.

Леонард был приятно удивлен.

– Я рад, что вам понравилось. Большинство людей предпочитают маловыразительных лиц как на сцене, так и на экране.

– Хотелось бы мне посмотреть вас на сцене, – ухмыльнулся Фойл. – Глядишь, и удалось

бы найти какой-то ключик, случайную подсказку. Вам знаком какой-нибудь из этих предметов?

– Нет.

– Никогда не приходилось раньше видеть вот это? – и Фойл протянул ему зажигалку.

Но Леонард до нее не дотронулся. Его руки неподвижно покоились, как и прежде, на коленях. Он просто наклонил лову, вытянул ее поближе к зажигалке и занял прежнее место.

– Нет, думаю, что нет.

Фойл положил зажигалку на стол.

– Итак, вы дважды подходили к Владимиру, не так ли?

При упоминании этого имени довольная улыбка исчезла его губ. Руки, лежавшие спокойно на коленях, слегка вздрогнули. Очевидно, он тоже это заметил, так как топливо засунул их в карманы брюк.

– Первый ваш выход... – начал Фойл, заглядывая в блокнот лейтенанта. – «Входит Греч, решительно, второпях из единственной двери, расположенной слева. Он быстро, возбужденно подходит к двустворчатой двери и широко, обеими руками, ее распахивает...» Ну и что произошло дальше?

– Ничего. – Леонард начал говорить низким, достаточно напряженным голосом, но не теряя контроля над собой. – В алькове никого не было, кроме Владимира, лежащего на кровати. Перед иконой горела свеча. Была зажжена лампада. Я постоял рядом с ним около минуты, делая вид, что рассматриваю его, повернувшись при этом спиной к публике. Потом я пошел по сцене направо, где должен был произнести следующую реплику.

– Во второй раз вы подошли к нему как раз перед своим уходом со сцены, – продолжал читать указания по ходу пьесы Фойл в блокноте лейтенанта. – «Греч встает из-за стола и направляется в альков, к кровати...» Что происходило на сей раз?

– Я несколько мгновений смотрел на Владимира, снова стоя спиной к зрительному залу. По мнению Мильхау, публика должна видеть лишь лицо Ванды. Все для нее, как обычно. Затем я вытащил из кармана револьвер, прошел по сцене, бросив следующую фразу: «Люди, за мной, мы настигнем его!» После чего я вышел в левую дверь.

– Теперь постарайтесь быть повнимательней и хорошенько подумайте. Был ли Владимир еще жив или уже мертв в тот первый раз, когда вы посмотрели на него?

– Не знаю.

– Ну а во второй?

– Не знаю.

– Бросьте, мистер Мартин! Должны же вы были что-то заметить! По словам доктора Уиллинга, который видел первый акт с четвертого ряда, то есть сидя почти рядом, в самом центре, вы по сути дела оба раза возились с его постелью. Не заметили вы там кровь? Никакого бугорка в том месте на одеяле, где из груди торчала ручка скальпеля?

– Ничего подобного я тогда не заметил.

– Ну а если бы в этот момент было что-либо подобное, то, вероятно, заметили бы?

Этот вопрос, казалось, сбил Леонарда с толку. Какая-то зловещая тень промелькнула в его глазах. Фойл, воспользовавшись его замешательством, продолжил:

– Даже если вы не заметили никаких признаков, подтверждающих, что Владимир был в этот момент жив или мертв, то все же у вас должно сложиться собственное мнение, общее впечатление, основанное на каких-то мелочах, пустяках, которые вы все же заметили. Все же вы находились довольно близко от него, ближе, чем даже сейчас я от вас, и могли даже дотронуться до него рукой. Вы, вероятно, не отдавали себе отчета в том, что он уже был мертв или умирал, когда вы предполагали, что он играет роль умирающего. Теперь вам известно, что он умирал на самом деле в какую-то минуту в первом акте пьесы. Не могли бы вы бросить взгляд назад в свете этих, ныне известных фактов и сказать, когда же это печальное событие произошло? Вы ведь несколько не менее наблюдательный человек, чем мистер Тейт, это бесспорно!

Леонард посмотрел на инспектора с удивлением.

– Вы хотите тем самым сказать, что Род сообщил вам, что знает, когда...

– Он сделал все, чтобы честно сообщить нам о своих впечатлениях. Теперь я надеюсь, что вы последуете его примеру. И поступите так же честно.

– Но это чудовищно! Нас было трое, и все мы близко подходили к Владимиру, лежавшему на кровати. Сегодня, на сцене, – все мы старые друзья!

Инспектор терпеливо ждал ответа на свой вопрос.

– Хорошо. – Леонард, казалось, просто швырял в него свои слова. – Я выскажу свое мнение. В то время, конечно, я предполагал, что Владимир был в полном порядке. Жив-здоров. Теперь, когда я мысленно возвращаюсь ко всему в свете того, что произошло... то... я думаю...

– Ну?

– Я знаю, что он был жив, когда я открыл двери в альков. Не могу сказать с полной уверенностью почему. Просто – знаю. Но вот во второй раз, ну... он был либо уже мертв, либо на волосок от смерти.

– Почему?

– Я не могу этого объяснить. Просто интуиция, какое-то предчувствие.

– Сколько человек подходило к кровати Владимира в интервале между двумя вашими появлениями в спальне? – спросил Фойл.

– Два.

– И кто эти двое?

– Ванда Морли и Родней Тейт.

Когда Леонард ушел, Фойл устало посмотрел на Базиля.

– Ну вот, мы снова на том месте, откуда начали. Поздравляю! Родней и Леонард пытаются обелить друг друга. Если Род не лжет о времени наступления смерти, то убийца – Ванда. Если прав Леонард, то им может быть либо Ванда, либо Род. А что если кто-нибудь из них лжет? Или просто ошибается? Мы не можем добраться до истины! Мы располагаем тремя свидетелями, но ни один из них не годится в этом качестве. Родней подозревает Ванду, а Леонард – Роднея и Ванду. Вопрос заключается в следующем: сознательно или бессознательно поступают они, давая свои показания?

– Они могут действовать подобным образом из чистого упрямства, – предположил Базиль. – Но вряд ли бессознательно. Какой же актер может невольно запомнить сценическую топографию и последовательность событий в пьесе, только что сыгранной да к тому же не однажды отрепетированной?

Фойл зевнул и встал.

– Думаю, на сегодня все. Или, может, у вас в рукаве найдется пара козырных карт?

– Во всяком случае не тузы, а так – двойка или тройка. Перед тем как пожелать вам спокойной ночи, я хотел бы повидать того актера, который играл Сириекса, а также того, который перебрался парой фраз с Владимиром, когда тот проходил по сцене к своему алькову до поднятия занавеса.

Сеймур Хатчинс, игравший роль сотрудника французского посольства, выглядел так, как и должны выглядеть князья и послы, но на деле это у них получается крайне редко. Темные, горящие, интеллигентные глаза смотрели из глубоких глазниц из-под сухой челки волос. Нельзя было представить себе Ванду или Леонарда занимающимися какой-то иной профессией, кроме сцены, но у Базиля сложилось впечатление, что этот Хатчинс – очень одаренный человек и смог бы добиться успеха почти в любой области. На сцену он, вероятно, был занесен ураганом обстоятельств либо просто ранним, юношеским увлечением.

– Вы выходите на сцену вместе с Гречем и остаетесь там в течение всего первого акта, – начал Базиль. – Не могли бы вы припомнить, не заметили вы что-то неладное с Владимиром в какое-то время, скажем, в какой-то определенный отрезок времени?

Хатчинс внимательно поразмыслил над вопросом, прежде чем дать на него ответ.

– В конце первого акта мне показалось, что Владимир, играя умирающего человека, несколько переборщил. В этот момент я подумал, что «умирание» неестественно, так как он явно переигрывал. Теперь я уверен, что оно казалось мне неестественным потому, что как раз и было вполне естественным, а это всегда нарушает тональность в мире условного искусства.

– Интересно, – задумчиво произнес Базиль, – интересно потому, что у меня лично сложилось такое же впечатление, а когда два свидетеля приходят к одному и тому же заключению, независимо друг от друга, то тогда они близки к истине. Не могли бы вы сказать, в какой именно момент началось его «переигрывание»?

– Вряд ли. А вы?

Базиль печально покачал головой и вытащил какой-то сверток из кармана пальто – это была отпечатанная на машинке рукопись пьесы, переплетенная в обложку из плохого голубоватого картона.

– Вы узнаете этот текст?

– По-моему, он принадлежит мисс Морли.

– В роли Сириекса вы должны произнести следующую фразу на странице девятнадцать первого акта. – Базиль громко зачитал ее, открыв рукопись на нужной странице: «Ему теперь не уйти отсюда, все против него!» – Это вы подчеркнули эту реплику в тексте мисс Морли?

– Что вы! Конечно, нет.

Было видно, что Хатчинс искренне озадачен.

– Подчеркнута ли эта фраза в вашем собственном тексте пьесы?

– Нет. Я всегда отмечаю свои строки чуть заметной «галочкой» ручкой с красными чернилами. Я не подчеркиваю фразы.

– Можете ли вы объяснить причину, в силу которой кто-то другой пожелал привлечь внимание к этим произносимым вами словам в тексте мисс Морли?

– Нет, не могу.

Он нахмурился, пытаясь до конца осмыслить такой Странный вопрос.

– Конечно, это переработка, вольный перевод оригинального текста «Федоры». Мы столкнулись с определенными трудностями, пытаясь отыскать экземпляр пьесы. Мы обращались к букинистам, в библиотеки, но так и не смогли ее найти. У всех были другие пьесы Сарду, но как назло «Федоры» не было. А мисс Морли взбрело в голову оставить именно эту пьесу. Наконец мы нашли у одного музыкального издателя либретто оперы Джордано, написанной по мотивам пьесы Сарду. Оно было написано на итальянском, и Мильхау заказал перевод, внося в него кучу всевозможных поправок, адаптации, модернизаций. Некоторых «лишних», по его мнению, персонажей он убрал, и в ходе такой переделки моя реплика была перенесена с конца сцены в ее начало, а слова заменены другими. В оригинале она звучала примерно так: «Ему не уйти теперь, все тени сгущаются над его головой!» Конечно, фраза относится к убийце Владимира, когда полиция стремится напасть на его след. Но эта реплика вовсе не столь важна в пьесе, ибо вы, бесспорно, помните, что убийца Владимира скрывается в конце первого акта. Эта строчка не имеет никакого отношения к мисс Морли, кроме того незначительного факта, что она в роли Федоры прислушивается к Сириексу, когда он ее произносит. Я не вижу никакой причины, в силу которой мисс Морли или кто-то другой должен подчеркивать эту строчку в тексте пьесы. Я не вижу никакой причины, в силу которой кто-то должен ее подчеркивать, если только...

– Что «если только»?

Сеймур Хатчинс принялся кончиками пальцев тереть глаза, как будто хотел отделаться от какого-то видения.

– Принимая во внимание случившееся, не могла ли эта подчеркнутая фраза быть каким-то знаком, вестью? Предупреждением? Или даже угрозой?

– Предупреждение... но кому?

– Не знаю. Просто так... промелькнула мысль...

У последнего из пяти свидетелей, с которыми в этот вечер беседовали Базиль и инспектор Фойл, был несколько агрессивный вид. Его похожая на пулю голова была слишком мала для такой мощной выдающейся вперед глотки, сильных мускулистых предплечий, полных запястий, которые он демонстрировал благодаря своей рубашке с короткими рукавами и расстегнутому вороту. Его рыжеватая шевелюра казалась мохнатой шапкой. Карие, с красными прожилками глаза светились лукавством и дерзостью.

– Так вы и есть доктор Уиллинг, психиатр по специальности? – спросил он.

– Да.

– Тогда, может, вы поможете мне с моей пьесой. Я пишу о нимфоманах и хотел бы узнать...

– Мы находимся здесь, – перебил его хриплым, усталым тоном инспектор Фойл, – для того, чтобы расследовать убийство. Ваше полное имя – Дерек Адеан, и вы являетесь актером.

– Это мое сценическое имя. Настоящее мое имя – Даниэль Абелаан, но оно слишком длинно для световой рекламы.

Базиль подумал, действительно ли длина фамилии стада единственной причиной, из-за которой сменил ее тевтонский владелец. Его пулеобразная голова говорила о том, что в его жилах течет прусская кровь, и Адеан, кроме того, обладал типично прусской, лишенной воображения бесчувственностью по отношению к окружающим его людям. Он начал беседу с инспектором Фойлом не с той ноты и, не осознав собственной оплошности, продолжал в том же духе.

– По сути дела, я не актер, – нагло вато заявил он, – я просто временно занимаюсь этой профессией, пока не найду продюсера для собственной пьесы. Первый ее акт происходит в салуне, неподалеку от морского побережья...

Фойл вновь его перебил.

– Мы еще поговорим о Вашей пьесе.

– Конечно, когда только пожелаете.

В голосе Адеана звучала неприкрытая ирония.

– Насколько мне известно, вы играли роль одного из слуг, которые сидели за столиком для домино?

– Так точно. Я играл роль Никиты, одного из слуг Владимира.

– И вы видели Владимира, когда он проходил по сцене к алькову и входил в него до поднятия занавеса?

– Угу.

Быстрые, бегающие глазки Адеана следили за мухой, которая все еще совершала круги и пикировала вниз, на нож, лежавший на столе. Ее прозрачные крылышки сложились, и муха приземлилась на ручку скальпеля. Инспектор снова ее отогнал. Она вновь сердито зажужжала и взмыла вверх. Но не улетела далеко. Сделав два круга над их головами, она опять села на ручку ножа.

– А теперь расскажите нам, что случилось, – спросил его Фойл.

Адеан зевнул. У Базиля возникло впечатление, что Адеану становится смертельно скучно, как только беседа переходит с таких интересных предметов, как он сам, его карьера, его пьеса, на что-то малопривлекательное, недостойное внимания.

– Владимир вышел из того вон прохода в кулисах, прошел через сцену, – сказал Адеан. – Двустворчатая дверь была закрыта. Он распахнул ее, вошел и закрыл за собой створки.

– Как он выглядел? Ничего вы не заметили в нем особенного, привлекающего внимание?

– Нет, ничего такого.

Глаза Адеана все следили за мухой. Брови нахмурились, как будто в этот момент его что-то сильно озадачило. Казалось, что он вообще не обращал на инспектора никакого внимания.

– Само собой разумеется, он был загримирован, как того требует роль Владимира, – белое лицо с голубыми разводами под глазами, вокруг рта, серые, безжизненные губы. Он прошел по сцене несколько торопливо, так как опаздывал. Занавес должен был подняться через три минуты, а ему еще нужно было устроиться поудобнее в постели, так как после начала спектакля из алькова не должно раздаваться никакого шума, даже шороха. Эти двери сделаны из дешевой фанеры и матового стекла. Если бы он продолжал разгуливать в алькове после поднятия занавеса, то публика заметила бы его движения по тени на стекле.

– Во что он был одет?

– Черные носки, брюки, белая рубашка, без галстука, расстегнута на шее.

– Кто-нибудь еще входил в альков после этого?

– Никто, до прихода Греча, то есть Леонарда Мартина. Он обеими руками широко распахнул дверь в первом акте. Он, Ванда Морли, Родней Тейт – все должны были по ходу пьесы побывать в алькове.

– По свидетельству других актеров, находившихся на сцене в это время вместе с вами, только вы разговаривали с Владимиром, когда он шел по сцене. Что вы ему сказали?

Адеан нахмурился, словно силясь вспомнить свои слова.

– Боже, теперь это звучит довольно смешно!

– Почему же?

– Я вот что сказал... – Он опять рассмеялся, словно все это его страшно забавляло. – Я сказал ему: «Привет! Так это вы наш труп?»

Когда Адеан ушел, Фойл задумчиво, мелкими шажками вновь подошел к своему креслу.

– Несомненно, какой-то странный случай! Я легко прочитываю эмоции на лицах людей, многое замечаю по их поведению. Это моя специальность. Но актеры так натасканы в искусстве притворства, настолько мастерски маскируют свои чувства выражением глаз, движением голоса, осанкой, манерой разговаривать, игрой рук, походкой – словом, всем на свете. И это им превосходно удается, и не только на сцене. Они ведь живут в вымышленном мире, где ложные имена, ложные лица! Как же догадаться, когда один из них начинает незримо играть свою роль?

– Как раз все это и усложняет расследование, когда преступление совершается либо в театре, либо на сцене, – согласился с ним Базиль.

– Черт подери, на что же еще необходимо обратить внимание?

– На расчет времени.

– Расчет времени?

– Да. В любой пьесе каждая строка, каждый жест, каждое действие рассчитаны по времени с аккуратнейшей точностью, так что все представление идет ровно столько, сколько ему выделено времени. Каждый актер говорит свою реплику в определенный, строго фиксированный момент, вся пьеса обладает своим ритмом и должна быть хорошо скоординирована. Большинство из нас не отдает себе отчета в том, сколько времени затрачивается на то или на это, – скажем, прохожу по диагонали по комнате, продолжительности беседы. Но актеры умеют помнить свои слова и жесты и в то же время действовать с точным расчетом времени. Мне кажется, убийца совершенно точно знал, сколько времени у него займет убийство, и он, бесспорно, рассчитал все время, чтобы самым аккуратным образом «вписать» его в хронологическую мозаику пьесы. Многие попадают на том, что неправильно рассчитывают время. А актер, если он убийца, такой ошибки никогда не допустит.

– Но это просто какое-то рационализированное убийство, – взорвался Фойл. – Всего трое подозреваемых, никакого «ключа», никакого алиби, никаких проливающих Свет на убийство сведений, никаких взглядов, жестов, наконец!

– У нас с вами – три отправные точки, – сказал Базиль.

– Итак!

– Ни один преступник не может до конца избавиться от трех вещей: жертвы, орудия убийства и психологии преступления. Прежде всего – орудие убийства. Это единственная материально осязаемая вещь, которой мы располагаем и можем быть уверены, что она находилась в непосредственном контакте с убийцей. Второе – жертва. Пока мы не знаем, кто она, но как только мы установим личность, то одновременно получим и кое-какие сведения и о личности преступника. Третье – психология убийства – едва заметная черточка характера, которая оставляет свой след во всех действиях преступника, в его поведении. Этот убийца очень разумно уничтожил все обычные «ключи» к разгадке. Но обязательно остается жертва, орудие убийства и тот разум, который двигал рукой, совершившей убийство. И, скорее всего, его способ мышления является нашим сильнейшим козырем, а он у человека так же индивидуален, как и отпечатки пальцев. Нам предстоит выяснить, кто из этих трех людей обладает таким разумом, который мог бы заставить действовать так, как действовал настоящий убийца.

– Я не вижу, каким образом орудие убийства может оказать помощь в нашем деле, – мрачно сказал Фойл и снова взял в руки нож со стола. Муху словно ветром сдуло с ручки скальпеля.

– Любой человек в театре мог похитить его из гримуборной Рода Тейта, включая и его самого. Любой мог наточить этот нож в точильной мастерской, которая находится почти рядом со служебным входом в театр. А на предметах с глубокими нарезками отпечатки пальцев не остаются. Они «ломаются».

Вздохнув, Фойл положил нож на стол. Муха покружила немного над лезвием ножа, но, сделав очередной заход, замысловато повернула и снова опустилась на ручку.

Базиль подошел к столу, тихо-тихо, почти подкрался, так, что муха ничего не почувствовала и продолжала спокойно сидеть на своем месте.

– Очень странно...

– Что странно?

– На лезвии пятна свежей крови, но муха почему-то упрямо садится на ручку ножа. Лишь только раз она села на лезвие за все то время, что мы с вами находимся здесь.

Муха вновь ракетой взвилась кверху, когда Фойл поднял нож со стола, взяв его осторожно за ручку.

– Она липкая. Что же кроме крови может привлечь внимание мухи? Соус?

– Возможно. Или же сахарный сироп.

Базиль почувствовал какой-то щекочущий, едва уловимый аромат, когда он поднес ручку поближе к носу, аромат, похожий на тот приторный, терпкий запах, который пропитывает надежно огороженный фруктовый сад.

– Попросите Ламберта сделать соответствующий анализ и поискать здесь следы какого-то сахаристого вещества.

Ламберт был известным в городе токсикологом, который стал знаменит благодаря своей способности определять химические ингредиенты в ничтожных долях вещества – жирных пятнах на жилетке, грязи под ногтями, скоплениях пыли в ранте ботинка и т. д.

– Почему именно сахар? – спросил Фойл.

– Просто идея, – ответил Базиль. – Может, глупость. Я еще не разработал ее до конца.

– Я вам помешала? – раздался чей-то голос у них за спиной.

Это была Полина. Она вышла из-за кулис. Волосы ее были в живописном беспорядке, глаза поблекли.

– За эту работу я должна получить премию от полицейского управления! Это ужасно! – устало сказала она, опустившись на стул, который ей любезно пододвинул Базиль. – И все же мне не удалось отыскать ваш длинный черный плащ. Вот, я составила опись.

– Давайте посмотрим, – Фойл несколько опасался этой подозрительной помощницы-любительницы.

Базиль стал за ее спиной, поглядывая на листок бумаги в ее руках.

– Итак, в гримборной Ванды я обнаружила женский халат из желтого сатина, а также пеньюар из шерстяного крепа зеленоватого цвета. Ни то, ни другое не подходит. Федора не носит ни пальто, ни плащ в остальных актах пьесы. Так что это все. Леонард был в летнем пальто, когда вечером пришел на спектакль, – темно-серое твидовое пальто на рыбьем меху. Мундир, в котором он был одет на сцене, играя роль Греча, темно-голубой с серебряными галунами и серебряными пуговицами, которые были бы видны даже в самой кромешной темноте. Его халат – ярко-красного, пунцового цвета. Больше в его комнате нет носильных вещей...

Она помялась, помолчав в нерешительности, а затем нахмурилась.

– Ну а Родней Тейт?

– Я с самого начала была уверена, что здесь он вне «сяких подозрений... В противном случае я даже не стала бы и искать, – она улыбнулась. – Пальто, в которое он был одет по приезде в театр, бежевого цвета и сделано из верблюжьей шерсти. Его халат – из голубоватой фланели. Длинное пальто, в котором он играл на сцене доктора Лорека, – черное, но оно подбито мехом с блестящим серым воротником. При любом освещении этот воротник будет казаться бледно-серым, и каждому станет тут же ясно, что пришит он скорняком-профессионалом. Он не мог его отпороть, а потом быстренько пришить, так же как и Леонард не мог спороть серебряные галуны и пуговицы со своей темно-голубой шинели, а потом быстро пришить их. Я обошла все артистические, даже заглянула в кабинет Мильхау. Осмотрела все костюмерные и даже подсобные помещения, которыми пользуются рабочие сцены. Но нигде не удалось обнаружить длинный плащ черного цвета, даже темное пальто или, на худой конец, халат, которые в темноте могли выглядеть черными.

– А что вы скажете по поводу норкового мантио, в которое была одета Ванда в первом акте? – спросил Базиль.

– Ах, я об этом и не подумала! – испуганно спохватилась Полина. – Я не была в ее

артистической! Наверное, она в нем уехала домой.

– Оно было густого черно-коричневого цвета, – продолжал Базиль. – Она была в него закутана с головы до пят, и, насколько я помню, был еще и капюшон. Если бы она надела его поверх своего желтого халата, то был бы желтый сатин виден снизу?

– Вряд ли, – улыбка исчезла с лица Полины. – Я не люблю Ванду, но вряд ли она способна совершить преступление. Только подумайте, что это означало бы для нее. Провал премьеры, гибель пьесы, может, даже всей карьеры. Ну вот, инспектор, я передаю вам опись. На сегодня я сделала все возможное. Или вы не удовлетворены? Во всяком случае, я еду домой...

– Я подвезу тебя, – сказал Базиль. – Сегодня здесь больше нечего делать.

На улицах уже почти никого не было, за исключением редких прохожих. Базиль остановил такси, и они поехали домой к Полине, которая жила где-то в верхней части Ист-Энда.

– Как мне следует себя вести? Поблагодарить тебя за замечательный вечер, доктор Уиллинг? Мне так понравилось убийство, что мы просто обязаны повторить все с самого начала еще раз! – Она горестно улыбнулась и протянула руку.

– Но ведь это ты предоставила мне билет вместе с убийством! Мое представление о развлекательном вечере значительно менее амбициозно...

Он пожал ей руку и повернул ее тыльной стороной вверх. Ее перчатка была по-прежнему испачкана.

– Как же это произошло?

– Ах, это! – она посмотрела на свою перчатку с нескрываемой гримасой отвращения. – Должно быть, на пожарной лестнице. Скопившаяся там грязь превратилась в прессованную пудру черного цвета.

– Ты что, вышла поглазеть на звезды?

– Нет, сегодня их на небе не было. Мои часы остановились в 7.30, и я захотела поставить их по точному времени. Площадка пожарной лестницы – единственное место в театре, откуда видны часы, прославляющие ароматный чай компании Тилбери...

Вдруг она осеклась. Смех ее оборвался.

– Уж не думаешь ли ты, что я была той мистической фигурой в черном, которую ты заметил на верхней площадке пожарной лестницы?

– Нет. Твое пальто и платье – бледно-голубого цвета, а голубой цвет, как известно, темнеет значительно позже всех прочих, когда наступают сумерки. Вот почему безоблачное небо кажется голубым даже по ночам, когда нет никакого света.

Полина резко выдернула руку.

– Значит, ты все же думал обо мне? Базиль Уиллинг, что за страшно подозрительный, отвратительный, безобразный у тебя характер.

Он засмеялся.

– Ничего не вижу смешного! До свидания!

Базиль вернулся к себе домой уже после полуночи, в свой старомодный дом из коричневого кирпича на Первой авеню сразу за Большой центральной улицей. Пошарив в кармане пальто, пытаясь выудить оттуда ключи, он вдруг бросил взгляд на пол в вестибюле – мозаичное полотно из черно-белых каменных квадратов.

Эта картинка внезапно возродила в памяти деталь его походов за сценой, которую он забыл в сумятице последовавших за этим событий. Подобно миниатюрному киноаппарату, его память начала распутывать кадр за кадром видение той женщины в платье с диагональными черно-белыми полосками, которая, открыв дверь, прошла по слабоосвещенной сцене и исчезла в проходе между кулисами. Эти двустворчатые двери вели в альков. Владимир в это время, очевидно, уже лежал в кровати, в своей спальне, так как до поднятия занавеса оставалось несколько минут, по словам Адеана, тот видел, как туда входил Владимир за три минуты до начала спектакля.

Таким образом, подозреваемых становится уже не три, а четыре. Может, нет смысла и доказывать, что Владимир был жив до какого-то момента во время первого акта? Возможно его закололи еще до поднятия занавеса? Он мог преспокойно лежать мертвым во время всей этой глупой кутерьмы в течение первого действия, и никто, ни на самой сцене, ни в зрительном зале,

даже не догадывался об этом...

Глава пятая ЮНОША, ИГРАЮЩИЙ ГЛАВНУЮ РОЛЬ

Квартира Базиля становилась особенно привлекательной рано утром, когда солнце ярким светом заливало его комнаты. Он жил на широкой улице, а дома напротив были все приземистые, невысокие, так что выходящие на них его окна весь день были светлыми.

На следующее утро, сидя в залитой солнечным светом столовой, Базиль, принимаясь за грейпфрут, бросил взгляд на свежую газету: «Убийство на сцене. Хирургическим ножом убит человек во время премьеры Ванды Морли».

Лишь самые незначительные подробности вчерашнего убийства смогли попасть в утренние выпуски газет. Базиль посмотрел театральную страницу. Впервые какой-то критик обращал внимание на то, что происходило на сцене:

«Ванда Морли в «Федоре». Обозрение Мильвертона Тробрриджа.

Сенсационное убийство человека на сцене Королевского театра прервало вчера спектакль по пьесе Сарду «Федора», поставленной Сэмом Мильхау, главную роль в котором играла Ванда Морли. Невозможное произошло вчера вечером на сцене Королевского театра, и теперь оно скорее является материалом для раздела текущей жизни, а не случаем, подходящим для комментария на этой странице. Личность убитого статиста, играющего роль Владимира, не установлена. Очевидно, это был актер-любитель, который не связан с профессиональной сценой. Это один из многих необъясненных фактов этого чрезвычайного происшествия. Многие из нас, находясь в театре, неоднократно испытывали такое чувство, что убийство актера может быть вполне оправданным шагом, и нам, к тому же, приходило видеть немало пьес, которые вполне могли бы оправдать насильственную смерть самого драматурга, но в данном случае очень трудно понять, кому понадобилось предпринять нападение с целью отвратительного убийства какого-то безобидного статиста, которого, вероятно, никто из актеров, находившихся в тот вечер на сцене, даже не знал.

Любой человек, имеющий отношение к театральному миру, не может не выразить глубокого сожаления по отношению к мисс Морли, которой, вероятно, пришлось испытать сильное нервное потрясение, явный шок, когда она обнаружила мертвое тело. Судя лишь по первому акту, можно сказать, что ее Федора получила теплую, колоритную интерпретацию, внесла новую жизнь в застывший декор поскрипывающей от возраста мелодрамы Сарду. Когда же наконец наш театр предоставит мисс Морли тот движитель, который сможет стать вровень с ее талантом актрисы?

Леонард Мартин, как всегда, отточено и блестяще сыграл роль Греча, полицеймейстера. Родней Тейт, дебютировавший на Бродвее, был явно не к месту в образе доктора Лорека, который значительно старше его по годам. К сожалению, мы были лишены возможности увидеть его в другой, более подходящей ему роли Лориса Ипатова, так как Лорис, по замыслу автора, должен появиться только во втором акте.

Сегодня вечером спектакль «Федора», к сожалению, не состоится. В настоящий момент остается неизвестным, будет ли эта пьеса возобновлена в конце недели...»

Эта рецензия подействовала Базилю на нервы. Он прочитал ее, чтобы выудить какие-то новые подробности убийства, какой-то новый взгляд со стороны другого свидетеля. Но театральные критики писали об убийстве так, как он привык писать обо всем, что происходит на сцене. Базиль, пожав плечами, отложил газету в сторону.

Его слуга Юпитер вошел в столовую, неся на подносе нарезанный ломтиками бекон и вареные яйца.

– Кофе остывает, – предупредил он Базиля бесстрастным угрюмым голосом.

– А мне, Юпитер, как раз нравится холодный кофе!

В эту минуту раздался звонок в коридоре.

Юпитер открыл дверь, послышалась какая-то возня, возмущенные восклицания, топот, и, наконец, в дверях предстала Полина вместе с Роднеем Тейтом.

– Базиль! Ты должен нам помочь.

Крайне удивленный Базиль был уже на ногах.

– Чем могу быть полезным? Что стряслось?

– Ты можешь найти того, кто вчера убил этого человека. Пожалуйста! Если ты этого не сделаешь, они арестуют Рода. Я знаю их нравы. Они допрашивали его несколько часов кряду.

Базиль бросил быстрый взгляд на Роднея. У него были красные припухшие глаза, как будто он всю ночь провел без сна. Губы были упрямо сжаты.

– Мне кажется, нельзя врываться к человеку, который завтракает, – начал было он извиняющимся тоном.

– Ничего, ничего, – заверил его Базиль вполне искренне. – Садитесь вот здесь оба и рассказывайте. Хотите кофе?

– Нет, спасибо. Но мы позаимствуем у вас по сигарете.

Они сели справа и слева от него, лицом друг к другу. Полина была в том же платье, в котором была вчера в театре. Она бесстрашно, не мигая, смотрела на жгучие солнечные лучи. Род повернулся к окну спиной и ему на глаза упала тень. На лбу у него залегла глубокая складка. Руки дрожали.

Судя по всему о вчерашней ссоре было забыто. Полина посмотрела на Рода, хотя и обратилась к Базилю.

– Послушай, ведь ты – полицейский! Не так ли?

– Нет, не так.

– Но ты же – помощник окружного прокурора или что-то в этом роде. Этот инспектор Фойл ведет себя так, словно вы – закадычные друзья. Что, так ведут себя все полицейские?

– Официально я – помощник окружного прокурора по судебно-медицинской части, специалист по психиатрии. Они обращаются ко мне лишь в тех случаях, когда нужно определить, в какой степени здравого рассудка пребывает либо подозреваемый, либо свидетель.

– Но ведь ты многим занимаешься и неофициально. Ты консультируешь их по различным психологическим аспектам дела. Но и у этого преступления, бесспорно, есть свои психологические оттенки. Полиция без твоей помощи ни в чем здесь не разберется. Только два человека могли убить этого неизвестного, и Род – один из них. Полиция тянет кота за хвост. Они уже «отвели» Ванду и Леонарда. Остался только Род. Теперь они примутся за него. Ты должен помочь, Базиль, должен!

Молча Базиль налил себе вторую чашку кофе. Закурил первую с утра сигарету.

– Почему ты в этом так уверена?

– Я не уверена, я просто знаю. Частично из-за ножа. Они просто не могут пройти мимо того факта, что он принадлежал Роду и находился в той хирургической сумке, которой он вышел на сцену. Как чертовски все просто. Родней прихватывает с собой в сумке скальпель, протыкает им Владимира, стоя спиной к публике, а затем продолжает играть дальше, как ни в чем не бывало!

Базиль затаился.

– Мне кажется, что ты не до конца со мной откровенна.

– Почему ты так считаешь?

– Прошлой ночью полиции стало все известно. Но не было и речи об аресте Рода.

Полина бросила взгляд на Рода через разделяющий их стол.

– Может, скажем ему?

– Нам не следовало беспокоить доктора Уиллинга со всем этим вздором, – пробормотал Род.

Но Полина, видно, заупрямилась, все решила про себя и, прервав Рода, сказала, повернувшись к Базилю:

– Они считают, что нашли мотив.

– Неужели?

– Помнишь, однажды Мильхау заметил, что Сара Бернар имела обыкновение брать на роль Владимира своих «поклонников». Полиция не пропустила это мимо ушей. Они считают, что Ванда знала убитого. Они не верят ее отпирательству. Он мог быть ее любовником.

Базиль повернулся к Роду.

– А для вас это могло стать мотивом?

– Конечно нет! – поспешно возразил Род. – Но полиция считает именно так. Полина такого же мнения.

– Но разве я могу думать иначе? Ты вечно вертелся возле нее. Ты вчера притащил ее в картинную галерею. Обо всем этом было столько слухов, что полиции тут же все стало известно, когда произошел этот дикий случай. И он может немало объяснить... даже очень много...

Базиль опять повернулся к Роду.

– Ну теперь послушаем вашу версию.

Род вспыхнул, засунул руки в карманы брюк, чтобы не выдавать своей дрожи.

– Я уверен, что вы назовете меня отъявленным негодяем, если я заявлю вам официально, что она бежит за мной, не дает прохода!

Брови Полины поползли вверх в скептической гримасе.

– Как бы не так! Это ты бегаешь за ней! Я сама это видела.

– Нет, не я. – Он взглядом просил у Базиля защиты. – Я знаю, что это звучит неправдоподобно, может, даже подло, но она преследует меня. Но она мне ничуть не нравится, вот в чем беда.

– Вы считаете, что она влюблена в вас? – с нажимом на слово «считаете» спросил Базиль.

– В том-то и дело, что нет, – порывисто ответил Род. – Как это ни странно, но, по-моему, я ей абсолютно безразличен. Ей на меня наплевать!

– Очень скромненько! – прошипела Полина.

– Видите ли, она никогда не делала мне двусмысленных предложений, – с явным облегчением рассмеялся Род. – Может, я кажусь вам девицей, ломакой, недотрогой и т. д. Но во всей этой истории есть что-то странное. Где бы я ни был – в ресторане, театре, картинной галерее, – там неизменно появляется Ванда, просит поухаживать за ней, принести коктейль, зажечь сигарету или сделать еще что-нибудь для нее, постоянно болтает со мной, не спускает с меня глаз. Она постоянно бывает там, где бываю и я. Я просто не могу от нее избавиться, и все это происходит на людях, на виду у всех... Но стоит нам остаться наедине, она мгновенно меняется, меняется все ее поведение, манеры, она не пристаёт ко мне, оставляет меня в покое, и, кажется, в такие минуты я просто для нее не существую. Все шло шиворот-навыворот. Я не мог отделаться от нее на виду у публики, не прибегая к грубости. Но я не могу воспользоваться столь радикальным средством, так как целиком завишу от нее как актер, ее партнер на первых ролях. А это – моя работа. Если бы она была влюблена в меня, то тогда все встало бы на свои места. Но я клянусь, этого никогда не было! Такое двусмысленное положение ужасно меня злило, расстраивало, особенно после того, как это заметила Полина. А теперь все становится значительно серьезнее, так как если полиции удастся доказать, что Владимир был ее любовником, то, следовательно, у меня был мотив, чтобы расправиться с ним, – ревность. Это да плюс нож – что может быть убедительнее в обвинениях, направленных против меня? Какая замечательная чепуха – быть обвиненным в убийстве человека из-за женщины, которая не вызывает у меня никакого интереса!

– Станет ли Ванда отрицать, что вы были в нее влюблены? – спросил Базиль.

– Кто же знает? В том-то все и дело. Я не знаю, как она поступит, так же как я не знаю, ради чего она меня всегда преследовала.

– Род, – нетерпеливо перебила его Полина, – ты, конечно, знаешь притчу о цветах и пчелках. Так что тебе должно быть совершенно ясно, почему она не давала тебе покоя.

– Но дело совсем не в этом! Сколько раз я должен тебе повторять одно и то же, чтобы ты наконец мне поверила?

– Во всяком случае, речь идет не об этом, – продолжала Полина. – Дело в том, что она вовлекла тебя в дело об убийстве. Не понимаю, почему я должна так переживать по этому поводу, но я не могу ничего с собой поделать...

Они оба улыбнулись. Ее очаровательная улыбка вдруг заставила пожалеть Базиля о тех его двадцати годах, которые остались где-то в далеком прошлом, за его спиной.

– Вы помолвлены? – прямо, без обиняков спросил Базиль.

Полина покраснела. Род потушил глаза.

– Может, я допустил бестактность, – продолжал Базиль, – но я не смогу помочь вам, если мне не будут известны подробности взаимоотношений, связывающих всех действующих лиц.

Полина погасила сигарету, придавив ее пальцем в пепельнице.

– Ну, может, расскажем ему и об этом?

– Наверное, мы должны это сделать, – ответил Род. Было видно, как он смущен.

Полина вскинула глаза на Базиля:

– Мы были помолвлены до вчерашнего вечера, до того момента, когда я встретила тебя в картинной галерее. Теперь между нами все кончено и нам наплевать друг на друга... Но я не желаю, чтобы Рода арестовывали за убийство, которого он не совершал.

Теперь Базиль начинал понимать, почему Полина была так бледна и рассержена накануне.

– Почему расторгнута помолвка?

– Ну, знаешь... несовместимость характеров... обоюдное желание и т. д.

– Мне нужна действительная картина, как обстояло дело.

Полина с вызовом вздернула подбородок.

– Я хотела о помолвке объявить публично, при всех, Род не пожелал этого сделать. Я некоторое время терпела, но все это тянулось по-прежнему, и мне показалось, что лучший выход из создавшейся ситуации – это ясный недвусмысленный отказ.

Базиль посмотрел на Рода.

– А почему вы отказались от публичного объявления?

Род густо покраснел.

– Ну... из-за Ванды, конечно. Я имею в виду... ну, свою работу, карьеру, которая целиком зависела от нее, мой успех на Бродвее. Я думал, что если сообщу ей об этом до премьеры нашей пьесы, то после такого признания у меня исчезнут все шансы на успех.

– Значит, ты открыто признаешь, что она обхаживала тебя по вполне обычным причинам? – воскликнула, давая выход своей ярости, Полина.

– Нет. Я не знаю. Понятия не имею, почему она постоянно преследовала меня... Это – святая истина. Конечно, я не мог ничего с собой поделать, но мне не хотелось усложнять свое положение, оно уж и без того было отчаянным! Представляете, если бы я в этот момент сообщил ей о помолвке?

Слушая Рода, Базиль внимательно его разглядывал.

– Не считаете ли вы, что все это может иметь гораздо более опасные последствия, чем тот факт, что нож принадлежал вам?

– Это почему же? – спросила Полина.

– Это ближайший переход к мотиву, которым до настоящего времени располагает полиция. Разузнав, что человек, игравший роль Владимира, был ее любовником, она сосредоточит все внимание на вашей личности...

Наступила неловкая тишина. Через минуту нервы Рода не выдержали и он взорвался:

– Какая-то чертовщина!

– Вовсе нет. Вы признаете, что вас постоянно видели вместе.

– Ну и что? Это ничего не доказывает. Я уже был помолвлен с Полиной.

– Но вы не хотели заявить об этом публично из-за Ванды. И, наконец, помолвка была расторгнута опять же из-за Ванды. Полиция может сделать вывод, что ваша помолвка с Полиной была лишь прекрасной уловкой, чтобы скрыть истинные отношения с Вандой.

– Боже мой, все это звучит так, как будто кто-то все заранее спланировал! – В прерывистом голосе Полины явно чувствовался страх.

– Да, действительно, – сказал Базиль, не отрывая глаз от Рода. – Вы говорите правду, утверждая, что Ванда всегда скучала с вами, оставаясь наедине? Подумайте, постарайтесь вспомнить, поточнее. Это очень важно. Выказывала она хоть какие-то признаки личной в вас заинтересованности, даже, скажем, малозаметные, ненавязчивые?

– Под прилагательным «личный» вы, конечно, имеете в виду «эротический»? Нет, этого с ее стороны не было. Ну... кроме того, что все это глупо и я не любил ее все же я оставался живым человеком и чувствовал себя несколько раздосадованным всем происходившим, разве не оскорбительно для мужчины, если какая-то женщина преследует его, ищет его компании и в то же время остается абсолютно безразличной к нему. Дошло до того, что я почти возненавидел

Ванду, и вот в этот момент случилось то...

– Может, как раз Ванда чувствовала себя презируемой женщиной? – на всякий случай поинтересовался Базиль. – Вы ведь были довольно холодны по отношению к ней?

– Она была не жарче! Может, именно так она и воспринимала меня.

В глазах Полины заплясали огоньки.

– Базиль, я вижу, что тебе это небезынтересно. Ты сможешь нам, да? Если действительно кто-то все это тонко спланировал, только ты можешь разобраться и дойти до истинной причины убийства. Предположим, Ванда знала, что должно произойти с Владимиром. Предположим, она преследовала Рода на протяжении нескольких недель, чтобы бросить в конце концов на него подозрение, когда все это совершится. Ведь это она захотела играть «Федору». Это она настояла, чтобы Мильхау отдал Роду роль хирурга, который появляется на сцене с ножом в руке. Я уверена, что Владимир – не чужой для нее человек. Скорее всего, это ее приятель и это она пригласила его сыграть роль Владимира, даже если она впоследствии от этого отпиралась.

– Другими словами, вы верите, что Ванда сама убила Владимира? – спросил напрямик Базиль. – И разработала детальный план совершения преступления, чтобы бросить подозрение на Рода?

– Разве это не очевидно? – резко откликнулась Полина. – Какой смысл Мильхау лгать и отказываться от того, что он знает Владимира? Он не находится среди подозреваемых лиц, его даже на сцене не было во время совершения убийства. Мильхау мог говорить только правду, а это означает, что лгала Ванда. Владимир, должно быть, был тем человеком, которого она привлекла на роль, как об этом и сообщил в своих показаниях Сэм Мильхау. Это означает, что Ванда знала этого человека, возможно, он даже был ее любовником. Никто из тех людей, которые находились в тот вечер на сцене, не знали его и не видели раньше, – значит, только Ванда и могла его убить.

Род вертел в руках кусочек пиленого сахара, как будто ему было просто необходимо занять чем-то дрожащие руки. Базиля не удивляло его состояние: еще бы, положение мужчины, преследуемого женщиной, которую он не любит, не назовешь приятным.

– Когда вы впервые встретились с Вандой? – спросил его Базиль.

– Год назад, в Чикаго.

– Как это произошло?

– Ванда привезла туда один из своих нью-йоркских спектаклей, пользовавшихся бешеным успехом. Пьесу Гитри. Леонард Мартин играл главную роль и вдруг внезапно заболел. Нужно было срочно его кем-то заменить. Я обратился к Мильхау с просьбой сыграть за Мартина и неожиданно получил роль, скорее всего потому, что под рукой в эту минуту никого не оказалось. Я в то время находился в Чикаго в составе одной странствующей труппы. Ванда сама занялась со мной, и я неплохо справился с этой ролью.

– Ты просто потряс публику! – вмешалась Полина в разговор. Род улыбнулся, оценив ее энтузиазм.

– Это просто была удача, роль оказалась мне по плечу, а репетиции под руководством Ванды оказались большим подспорьем. За несколько дней я подпрыгнул от незначительных, крохотных ролей в бродячих труппах до исполнения ведущих мужских ролей в театре, прибывшем с самого Бродвея! Я ей был благодарен, но я не испытывал к ней абсолютно никакого чувства, кроме чувства благодарности. Все стало еще тягостней, когда она начала вести себя так, словно по уши в меня влюблена...

– Не хотите ли вы предстать передо мной галантным кавалером, уверяя меня, что она вовсе не интересовалась вами? – спросил Базиль.

– Нет, это чистая правда. Я никогда не стремился быть галантным.

– Это действительно так, – вставила Полина.

– И с тех пор вы не разлучались с труппой? – продолжал Базиль.

– Когда мы приехали в Сан-Франциско, то Сэм Мильхау предложил мне подписать контракт на главную роль в «Федоре» на Бродвее на всю осень. Несколько кусочков сахара выпало из пачки. Дрожащими руками Род выстроил их рядом на столе.

– Но доктор Лорек – это не главная мужская роль в «Федоре», – заметил Базиль.

– Вы правы, – согласился с ним Род, не отрывая глаз от кусочков сахара. – Большая

мужская роль в пьесе – это роль Лориса Ипатова, но его выход – лишь во втором акте, так что мне пришлось еще играть и Лорека в первом. Мильхау – продюсер прижимистый, а мне как новичку, который был вне себя от радости из-за свалившегося на его голову счастья, было, конечно, неудобно отказываться от двух ролей в спектакле. Роль хирурга Лорека была далеко не выигрышной, но другая – Лориса Ипатова – могла много мне дать, сулила успех.

Он пожал плечами:

– И вот теперь это убийство может отбросить меня туда, откуда я начинал ровно год назад...

– Скажите, а когда Леонард присоединился к вашей труппе?

Выстроенная Родом сахарная стенка, покачнувшись, Рухнула, и он снова принялся собирать кусочки сахара в кучу.

– Мильхау все еще набирал актеров на пьесу «Федора», когда в Нью-Йорке, всего несколько недель назад, объявился живой и здоровый Леонард Мартин и заявил о своей решимости начать все сначала. Конечно, он хотел сыграть Лориса Ипатова. Но Мильхау уже подписал со мной контракт на эту роль, а большая часть остальных ролей уже была роздана. Самое лучшее, что Мильхау мог предложить Мартину, была роль полицеймейстера Греча. Он был готов согласиться и на это, так как заранее был уверен в успехе. Конечно, он заслуживал лучшего. Он ведь не гримасничает, не играет в «театр», это настоящий актер, знающий свое дело.

– Ты тоже не «гримасничаешь», – возмутилась Полина, – ты тоже хороший актер, очень хороший!

– Ты действительно в этом уверена? – Род с большим удовлетворением глядел на нее, страшно довольный столь высокой оценкой.

– Это вы сообщили полиции о тех сплетнях и слухах, которые связывают ваше имя с Вандой?

– Н-нет, кажется, – он нахмурился.

– А ты считаешь, что нам именно так и нужно поступать? – воскликнула Полина.

– Все равно они выяснят. Они всегда занимаются тщательным выяснением личности, биографии всякого кто каким-то боком причастен к делу. Они могут пройти мимо каких-то незначительных деталей, но всегда обращают пристальное внимание на сведения, которые многим известны, и всякая попытка что-то скрыть вызывает у них еще большее подозрение. Лучше вам все выложить и не дожидаться, пока они сделают это сами.

– Но что мы можем им сообщить? – спросил Род. – Послушайте, инспектор, Ванда Морли постоянно меня преследовала, но мне было наплевать на ее приставания, и я уверен, что при всем при этом я был ей абсолютно безразличен. Но если до вас дойдут кое-какие слухи, то, поверьте мне на слово, все это дым без огня. Но вы понимаете, доктор Уиллинг, что подобный вздор стыдно нести перед кем угодно, не говоря уже о полицейском. Разве он поверит всей этой чепухе?

– Видите ли, – улыбнулся Базиль, – «В аду нет ярости сильнее, чем ярость презираемого мужа», особенно если ему вдруг предоставляется отличный случай заколоть ножом удачливого соперника прямо на сцене.

– Базиль! – негодуяще воскликнула Полина. – Не говори этого даже в шутку!

– Полина, дорогая, – ласково сказал Род. – Он ведь только предполагает, что может сказать полиция.

– Я знаю, что предпринять! – Полина повернулась к Роду. – В полиции мы заявим, что мы помолвлены...

– Но я не...

– Ты это запросто можешь сделать. Стоит только захотеть.

Род отрицательно покачал головой.

– Ты же знаешь, я не хочу вмешивать тебя в эту грязную историю.

– Почему, собственно, и нет?

– Потому.

Из кусочков сахара Род выложил на столе звезду.

– Ты себе представить не можешь, какое удовольствие мы доставляем всем этим

непристойным газеткам, что он» сделают с нами, со всеми тремя, если только мы сообщим им обо всем, как это было.

– Со всеми тремя?

– Ты же знаешь, ты, я, Ванда – это известное всем трио старых друзей!

– Вы забываете о Владимире, – вставил свое замечание Базиль. – Принимая его во внимание, треугольник становится четырехугольником.

– Какое это имеет значение? Даже если тебя обвинят в убийстве, я все равно заявлю, что помолвлена с тобой! Тогда они не смогут утверждать, что ты ревновал Владимира к Ванде, даже если это было на самом деле...

– Конечно, они могут сказать что угодно! – согласился Базиль. – Они могут сказать, что ты любила Рода, а он тебя нет. И они обязательно об этом скажут, если только им станет известно, что вчера была расторгнута ваша помолвка.

В глазах Полины застыли слезы.

– Тогда, Базиль, ты должен найти убийцу, как я тебя просила с самого начала. Полиция не станет выслушивать наших оправданий, но они прислушаются к твоим словам. Вчера вечером этот инспектор обращался с тобой, словно ты какой-то оловянный божок.

Базиль засмеялся.

– Это только потому, что уши у меня похожи на уши окружного прокурора.

Он посмотрел Полине прямо в глаза.

– Ты что, действительно хочешь, чтобы именно я нашел убийцу?

– Конечно, конечно!

– Ну а если в конечном счете им все же окажется Род?

Застывшие в ее глазах слезы теперь крупными каплями покатались по щекам. Она их не замечала. Род как-то неестественно принялся хохотать. На лице его выступила красно-кирпичная краска.

Полина пристально, не отрываясь, смотрела в глаза Базиля. Он, в свою очередь, на нее.

– Я отлично знаю, что Роду нечего опасаться правды. Можешь делать все, что хочешь!

«Как молода, в сущности, Полина, – подумал Базиль про себя. – Только очень молодые люди могут так искренне и глубоко верить, что истина не может причинить никакого вреда ни им лично, ни тем, кого они любят». Чтобы не поддаваться грустным мыслям, он заговорил быстро, напористо, как автомат:

– Хорошо. Я сделаю все, что смогу. – Он бросил торопливый взгляд на руки Роднея. – Что, это у вас привычка или же вы просто взволнованы в данный момент?

– Какая привычка? – переспросил Род и, перехватив взгляд Базиля, посмотрел на собственные руки. Они дрожали еще больше, чем в начале их встречи.

– Ах вот что! – Краска на его лице погустела. Он сдвинул кусочки сахара на столе в кучу и бросил их в коробку. – Извините, но когда я волнуюсь, я действительно начинаю терять что-нибудь в руках.

– Особенно кусочки сахара, – подтвердила Полина, посмотрев на своего суженого почти с материнской снисходительностью.

– Странная привычка, – заметил Базиль и встал.

– Может, устроим небольшой перерыв и перейдем в другую комнату? Там я покажу вам кое-что любопытное.

Они прошли по коридору через холл в другую удлиненную комнату. Базиль подошел к письменному столу и вытащил из ящика текст пьесы «Федора».

– Узнаете?

Род перелистал несколько страниц.

– Это – текст Ванды.

– Вы уверены, что он не принадлежит актеру, игравшему роль Сириекса?

– Конечно. Я видел этот текст в руках Ванды на каждой репетиции. У Сеймура Хатчинса был свой, собственный, испещренный маленькими пометками красными чернилами.

– Не можете ли вы предположить, почему строчка, которую должен был произносить Сириекс, подчеркнута черным жирным карандашом в тексте пьесы?

– Нет. Вероятно, это был «ключ» к какому-то плану или какому-то замыслу, который

пришел ей внезапно в голову.

– Ничего подобного, – уверенно возразила Полина. – В этом месте у нее не было никакого особого плана, никакого замысла...

– Вчера вечером Мильхау сообщил полиции, что игровое время первого акта должно занимать ровно сорок восемь минут, – продолжал Базиль. – В прошлый раз, я имею в виду вчера вечером, был ли выдержан график?

– Ну, в любом случае он мог занять на минуту больше или меньше, – признал Род. – Мильхау очень строг том, что касается расчета времени.

– Тогда не могли бы вы составить приблизительный график расчета по времени главных событий, происходящих в первом акте?

– Каких именно?

– Входы и выходы Владимира, Ванды, Леонарда и ваши собственные. Также время подхода к кровати Владимира каждого из вас. Тем самым вы значительно облегчите мне работу.

– Я попытаюсь...

Род сел за письменный стол и принялся старательно изучать текст первого акта, записывая какие-то цифры на полях. Через несколько минут он протянул Базиллю листок белой бумаги, испещренный кривыми буквами и неровными цифрами.

– Это вас устроит?

Базиль взял листок и начал изучать составленный график.

Владимир входит слева, проходит в альков, закрывает за собой дверь
8.35

Поднятие занавеса
8.40

Ванда выходит слева
8.46

Леонард выходит слева и открывает дверь алькова
8.51

Леонард стоит возле Владимира
8.51 – 52

Ванда возле Владимира
8.53 – 9.00

Родней входит слева
9.01

Родней стоит возле Владимира
9.02 – 9.03

Леонард возле Владимира
9.04 – 9.05

Леонард выходит и идет налево
9.06

Родней стоит возле Владимира
9.07 – 9.24

Снова входит Ванда
9.24

Ванда стоит возле Владимира
9.25 – 9.28

Занавес
9.28

Владимир обнаружен мертвым
9.30

– Само собой разумеется, это лишь приблизительно составленная схема, – сказал Род. – Все данные основываются на моей памяти, то есть на продолжительности каждой сцены на репетициях.

– Даже если этот график и неточен до сотой доли секунды, он все же дает какое-то представление о продолжительности каждой сцены, – ответил Базиль. – Именно это мне и нужно.

– Но это ведь так просто, – вмешалась в разговор Полина. – Действующие лица в порядке их приближения к Владимиру: Леонард, Ванда, Род, Леонард, Род, Ванда... Но вряд ли полиция потребует от Мильхау составить для них подобный график. Семнадцать минут, проведенных им рядом с Владимиром, слишком красноречиво говорят обо всем.

– Ив это время я держал в руках скальпель над Владимиром, делая вид, что вытаскиваю этим инструментом засевшую в шее пулю. – Род тяжело вздохнул. – Черт бы побрал этот «абсолютный реализм»! Больше я никогда в своей жизни не возьму с собой на сцену нож!

– Мне кажется, что ты слишком мало выделил времени Ванде, – воскликнула Полина. – На протяжении всей вашей сцены с Гречем и Сириексом она медленно ходила по сцене возле алькова, стараясь сконцентрировать все внимание публики на собственной персоне. Этот ее пиратский грабеж внимания зрителей, которое должно было целиком достаться вам, представлял ей значительно больше времени, которое она провела возле алькова, почти рядом с Владимиром. Если бы она выполняла указания Мильхау, то у нее его бы не было!

– Но ведь она не была в самом алькове! – возразил Род. – Она никак не могла прикончить Владимира, находясь на такой дистанции от него.

– Могла, могла, – упрямо повторяла Полина с явно обиженным видом. – Во всяком случае, она могла что-то заметить, увидеть...

Базиль снова мысленно представил перед глазами сцену, актеров, которые входили, выходили, все их передвижения.

– Еще один маленький вопрос, но теперь к тебе, Полина. Не заметила ли ты случайно проходившую по сцене женщину как раз перед поднятием занавеса? Она быстро проскочила мимо нас там, на сцене, за кулисами.

– Нет, не заметила. Как она выглядела?

– Загорелое лицо, с каштановыми волосами под стать загару. Светлые глаза – либо серые, либо голубые. На лице – ни грима, ни косметики, ничего, кроме губной помады. Правда, на ней был довольно аляповатый наряд: платье с диагональными черно-белыми полосами, а сверху на плечи был наброшен длинный черный вельветовый плащ-пальто. Есть такая женщина в труппе Королевского театра?

Род отрицательно покачал головой.

– Кроме самой Ванды в труппе есть еще одна женщина, но это пухленькая блондинка маленького роста с локонами.

– Загорелое лицо, светлые глаза и такого же цвета волосы? – неуверенным тоном повторила Полина. – Черно-белое платье с диагональными полосами. Похоже, что это Сорока.

– Какая сорока?

– Это одна женщина, которая вечно здесь ошивается, поблизости от театра, – в ночных клубах, кафе, ресторанах, кабаре... Ее настоящее имя – Маргарет Ингелоу. Люди, разговаривая с ней, называют ее Марго, а за спиной зовут по кличке, так как она обожает черно-белые наряды. Она живет неподалеку от Филадельфии в Ханнингтон Вэлли, но, по-моему, в Нью-Йорке у нее тоже есть квартира. Ее муж – Джон Ингелоу – работает в Панаме. Что-то

связанное с военным бизнесом. Он получил в наследство одну машиностроительную компанию. Она была дочерью одного вашингтонского хирурга, но ничем, абсолютно ничем, не выделялась из сотен тысяч других, подобных ей, молодых девушек, пока вдруг внезапно не вышла замуж. Она – отличная наездница. Часто объезжала лошадей, принадлежащих различным владельцам, здесь, в Нью-Йорке, на конных выставках. Там она и встретила Ингелоу. По-моему, сейчас они разведены.

– Она получила образование во Франции? – поинтересовался Базиль.

– Нет, но, насколько мне известно, во Франции учился ее муж. А почему ты об этом спрашиваешь?

Базиль уклонился от ответа.

– Как ты думаешь, что ей нужно было там, за сценой, в театре?

– Может, она знакома с Мильхау или каким-нибудь актером из труппы.

– Понятно...

Базиль подумал немного, затем улыбнулся.

– Обидно, что мы живем не в каком-нибудь маленьком уютном городке, а в этой громадине Нью-Йорке! Там бы мы спокойно, не спеша, отправились в местную аптеку где можно выпить стаканчик содовой, или на почту, чтобы написать открытку и быть на сто процентов уверенными что рано или поздно туда обязательно заглянет Маргарет Ингелоу и я мог бы посмотреть на нее исподтишка, намеренно избегая всякого шума, который неизменно возник бы, если бы я попросил своих коллег из полиции доставить ее ко мне. Но, увы, здесь, в этих каменных зарослях небоскребов, это, по-моему, нереально!

Полина была страшно удивлена таким лирическим отступлением Базиля.

– Послушай, а где ты, собственно, проводишь свободное время в Нью-Йорке?

– Во-первых, у меня его не так много. Большую его часть я провожу в библиотеках, в театрах или в гостях у тех, с кем давно знаком. А почему ты задаешь мне подобный вопрос?

– Пора бы тебе сойти с наезженной колеи, – продолжала Полина. – Так можно и не заметить, как превратишься в заросшее пугало. Неужели тебе до сих пор не ясно, что современный Нью-Йорк – это заштатный городок, население которого обладает типично деревенским мировоззрением. Неужели ты не заметил, что служащие, сидящие в роскошных офисах, болтают об охлажденной воде так же увлеченно, как, скажем, какие-то пейзаже в сирийской деревне – о местном колодце? Ты не найдешь Сороку ни в аптеке, ни на почте, даже если бы она жила в деревне, но если ты непременно хочешь посмотреть на нее со стороны, не вступая с ней в личный контакт, то для этого тебе нужно лишь отправиться в ресторан «Капри» в нашем дичайшем Нью-Йорке и там пообедать. Она там бывает ежедневно.

– Правда? – переспросил ее Базиль, не скрывая своего любопытства. – Тогда почему бы нам втроем там не пообедать сегодня. Вас устраивает час дня?

– Мы обязательно там будем. Род поднялся со стула.

– Да, признаться, я ожидал испытания похуже. Здесь никаких ассоциативных тестов, ни детектора лжи, ни психоанализа. Вы задаете вопросы как заурядный полицейский.

Базиль, услышав эту реплику, не преминул воспользоваться представившейся ему возможностью.

– Вы хотите ассоциативный тест? Я готов предложить вам один из них, очень краткий. Вы должны мне дать немедленно, сразу же, ответ, то есть назвать первое слово, которое придет вам в голову. Готовы?

– Начали! – Род ухмыльнулся, словно это была прочая, безобидная игра для развлечения гостей, но Полина заметно волновалась.

– Канарейка!

– Кровь!

Лицо Базиля не потеряло своего обычного, безразличного, выражения.

– Можете ли вы объяснить, почему образ канарейки подсказал вам такое слово?

– Когда я был ребенком, то в нашем доме жила любимица семьи – канарейка. Однажды она вылетела из клетки и принялась летать по комнате. Я хотел поймать ее, но был страшно неловок. Мне тогда было шесть или семь лет. Я схватил ее за ножку... и... – Род поморщился, как будто то далекое происшествие все еще саднило ему душу. – И... ножка осталась у меня в

кулачке. Бедная птичка тут же сникла, а кровь лилась и лилась. Но она все не умирала. Тогда отец сделал ей укол хлороформа. Самое страшное в жестокости, проявляемой по отношению к животным, заключается в том, что они судят о вас лишь по вашим действиям, а не по словам. Нельзя извиниться перед ними, объяснить, что вы это сделали ненароком, нечаянно... Впервые тогда я увидел, что такое смерть, и впервые увидел, как течет кровь в результате совершенного мной насилия. Тот факт, что мой поступок был необдуманным, вовсе не умерял моего чувства вины. И с тех пор я постоянно испытываю его по отношению к канарейкам.

Полина наблюдала за выражением лица Базиля.

– Ну скажи, разве может убийца разговаривать полным образом? – спросила она его.

– К сожалению, убийцы не обладают какой-то особой манерой разговора, – ответил Базиль, стараясь своей ровной, беспристрастной интонацией смягчить резкое суждение, сделать его как можно безобиднее. – Если бы это было иначе, то нам было бы значительно легче работать...

Когда они ушли, Базиль опять отправился к себе в спальню и начал рыться в своем архиве, где хранились газетные вырезки за последние годы. Наконец он наткнулся на одно воскресное издание, которое отводило много места информации о жизни на сцене и экране. Он обнаружил то, что искал, в том разделе, где обычно помещаются снимки прогуливающихся в пасхальное воскресенье прихожан, всего за несколько дней до того печального события, которое произошло в Королевском театре.

«Мисс Ванда Морли на Пятой авеню рядом со своим главным партнером по сцене Роднеем Тейтом. По слухам в ближайшее время ожидается их помолвка...»

Фотография была не очень ясной, расплывчатой, так как была снята против солнца. Ветер спрессовал платье вокруг фигуры Ванды и далеко в сторону отнес длинную ленту, украшавшую ее широкополую весеннюю шляпу. Она придерживала ее одной рукой, а другой опиралась на руку Рода. Они весело смотрели в глаза друг другу и задорно смеялись. Вероятно, они были счастливы. Базилю показалось, что такая поза для молодого человека, который помолвлен с другой, была несколько фривольной...

Нахмурившись, Базиль вырезал из газеты фотографию и отложил ее в сторону. После чего он засунул под мышку текст пьесы «Федора» и пошел одеваться в коридор. Он решил нанести визит Ванде Морли в ее собственном доме.

Глава шестая ПЕРВАЯ ДАМА СВЕТА

Ванда Морли обитала в маленьком домике с садом, который доходил до самой набережной Истривер. Не дом, а совершенство в миниатюре. Игрушечный домик для принцессы из сказки. Его стены были выложены из покрытых известью кирпичей, крыша и ставни были выкрашены в зеленый цвет, а двери – в желтый. На звонок Базиля ответила служанка-мулатка. Он передал ей свою визитную карточку, строя догадки, примет ли его Ванда или же укажет на дверь. Вскоре служанка вернулась и знаком пригласила его следовать за собой. Хотя уже был почти полдень, Ванда завтракала на балконе – обычный швейцарский легкий завтрак: кофе с горячим молоком, разогретые булочки, намазанные тонким слоем масла, и мед. Она казалось, совсем не была утомленной.

Утреннее солнце освещало морщины на ее лице, которых раньше Базиль не замечал.

– Доктор Уиллинг! – приветливо встретила она Базиля. – Как я рада, что вы пришли. Как приятно, что вы принесли мне мой текст пьесы... Все сегодня покинули меня, – плаксивым голосом начала жаловаться Ванда. – Ни Сэм, ни Род, ни Леонард – никто из них не соизволил даже позвонить по телефону, не говоря уже о личном визите. И все же Сэм – мой любимый продюсер, а Леонард и Род – лучшие друзья. Леонард стоял у истоков моей артистической карьеры. Это он представил меня когда-то Сэму и уговорил его дать мне какую-то роль. То же самое я сделала с Родом, но значительно позже... Хотите кофе?

– Нет, спасибо. Я уже позавтракал.

Базиль сел в плетеное кресло.

– Это абсолютно светский, неофициальный визит, – начал он объяснять цель своего прихода. – Не могли бы вы сказать, когда в последний раз видели этот текст пьесы?

– Вчера вечером в ваших руках.

– А до этого?

– Днем он лежал в моей гримуборной.

– Кто мог взять его оттуда?

– Как это кто? Да любой. – Ванда бросила один за другим четыре кусочка сахара в чашку с кофе. – Все было в таком беспорядке. Вы же знаете, какой хаос царит в театре накануне премьеры. Все время кто-то приходит в артистическую, кто-то уходит. Столько народу...

Базиль внимательно наблюдал за ней, чувствуя себя так, как чувствует себя солдат, которому предстоит выдернуть чеку из ручной гранаты. Правда, граната могла и не взорваться, но все же...

– Мисс Морли, – продолжал он, глядя ей прямо в лицо, – рано или поздно полиция обязательно опознает в убитом Владимире Джона Ингелоу. Так не лучше ли, не мудрее будет с вашей стороны опередить ее в этом?

Глаза Ванды заблестели на солнце, но лицо, носившее привычную эмоциональную маску, оставалось абсолютно неподвижным, бесстрастным. Наконец после продолжительной паузы она заговорила.

– Итак, вам все известно. Как вам это удалось выяснить?

– Вчера вечером перед началом премьеры я случайно видел одну женщину в черно-белом платье. Из моего описания ее внешности Полина заключила, что речь идет о Маргарет Ингелоу. Портрет мужа этой дамы, нарисованный Полиной, целиком соответствовал внешнему виду Владимира.

Казалось, Ванда была чем-то разочарована.

– Вы хотите сказать, что сумели опознать Владимира располагая лишь каким-то описанием его внешнего вида? Но это лишь догадки! Если я стану все отрицать...

– Нет, речь идет не об описании внешности Владимира, – заметил Базиль, покачивая головой. – Я в течение нескольких минут видел Владимира и предположил, или как вы говорите, догадался, что он был единственным сыном в богатой семье, родился в Филадельфии, получил образование во Франции и совсем недавно возвратился из Панамы. Кроме того, он был хороший наездник. Портрет, нарисованный Полиной, включал все вышеназванные детали, которых, как видите, слишком много, чтобы считать их простым совпадением.

– Но если вы утверждаете, что видели Владимира всего несколько минут, то как же вам удалось «догадаться» о столь многом?

– Я видел его в коктейль-баре возле театра вчера вечером. Было еще рано. Оставалось достаточно времени до начала, я зашел туда, чтобы выпить что-нибудь и почитать вечернюю газету. Войдя туда, он нисколько не скрывал привычной наглости. Адлер, этот великий психолог, друг и ученик Зигмунда Фрейда, обычно объясняет такое поведение исключительным положением индивидуума в семье: либо это единственный, либо младший сынок. Потом Владимир заказал экзотический напиток – ром, жвачка, лимон, тростниковый сироп. Это, как известно, любимый заменитель виски с содовой среди младшего офицерского состава армии, проходящего службу в Панаме. Ром, тростниковый сироп и лимонный сок – это очень дешевые продукты местного производства. Только старший офицерский корпус может позволить себе пить в тех местах дорогой импортный виски. Загар на лице Владимира говорит о том, что он недавно побывал в Панаме. Когда он спросил меня, как пройти к служебному входу в театр, то сказал, что искал его «повсюду на площади». Житель Нью-Йорка в этом случае вряд ли употребит слово «площадь», а непременно скажет «блок». Горланый звук «р» выдавал в нем уроженца Филадельфии, именно уроженца, а не временного жителя, так как акцент приобретает с рождения и не зависит от того, сколь долго человек путешествует, расставшись с родными пенатами. После медицинского обследования эксперт заметил, что ноги его немного искривлены. В облике такого здорового, процветающего юноши этот малозаметный дефект мог указывать только на то, что он долгие часы проводил в седле, а не на последствия рахита, перенесенного в детстве. Полиция обнаружила в о бумажнике клочок бумаги, на котором было написано JK.T.F.:30.

Буквы К.Т., несомненно, означают «Королевский театр – напоминание о вашей с ним встрече в день премьеры. Подобное напоминание должно включать еще и время встречи, не только место. Кроме того, было ровно 7.30, когда я увидел его неподалеку от театра. Цифра 30 не вызывает сомнения, но что означает эта корявая буква «F»? Потом я вспомнил, что французы обычно пишут цифру «7» с черточкой посередине, так что довольно часто ее принимают за заглавную букву «F» в обычном письменном тексте, правда, небрежно выписанную, явно в спешке. Оставалось только связать Владимира с вами, и это оказалось отнюдь не трудным делом. Когда вы открыли дверь своей гримуборной передо мной вчера вечером, то улыбались так, как будто встречаете хорошо знакомого вам человека, которого давно ожидаете. Когда вы поняли, что это я, то улыбка сразу исчезла с вашего лица и оно выразило искреннее удивление. Значит, вы ожидали не меня, хотя с первого взгляда, брошенного на меня, вы приняли меня за него. Еще в коктейль-баре я заметил, что Владимир одного роста со мной и одет почти так же, как и я. Я слышал, как он спрашивал, где находится служебный вход в театр, и там, за сценой, я не встретил ни одного человека, одетого так, как я. Очевидно, вы по ошибке приняли меня за Владимира, а это свидетельствует о том, что вы его прекрасно знали, несмотря на все ваши отрицания перед представителями полиции. Надеюсь, это он послал вам корзину красных роз в конце первого акта?

– Да, он.

– Известно ли вам, где он находился в тот отрезок времени, когда покинул коктейль-бар и подошел к вашей артистической?

Вопрос явно озадачил Ванду.

– Разве он не сразу пришел оттуда ко мне?

– Он покинул бар за несколько минут до меня. Но вы, судя по всему, ожидали его, когда я постучал в дверь. Противном случае вы бы не ошиблись и не приняли меня за него.

Ванда внимательно его слушала и, казалось, была поглощена рассказом Базиля. Постепенно улыбка ее становилась не той, что в начале их разговора. На лице явно обозначился страх.

– Я боюсь вас, доктор Уиллинг! Вы слишком много знаете. Слишком быстро все сравниваете, составляя для себя вполне убедительную картину. Я рада, что не знаю, что вы думаете обо мне в данную минуту!

– Я думаю о том, что вы поступили крайне безрассудно, пытаюсь навести полицию на ложный след, притворившись, что не знаете Владимира. Вы, надеюсь, не станете отрицать, что это вы содрали все этикетки с его одежды и разорвали бумажную карточку в его бумажнике?

– Как вы смете предполагать...

– Смею, смею. У вас была прекрасная для этого возможность. Он оставил свой плащ и другую одежду в вашей гримуборной. Костюмерша привела вас туда же после обморока, еще до приезда в театр полиции. Зачем вы это сделали?

– Я испугалась. Я не хотела, чтобы полиция связывала мое имя с убитым. Я надеялась, что им еще долго не удастся опознать труп. Я выбросила все этикетки вместе с карточкой в туалет. Я не знала, как избавиться от его одежды. Моя костюмерша хотела засунуть ее куда-нибудь подальше, но в этот момент приехала полиция. Что мне оставалось делать?

Она, сидя в кресле, наклонилась, подалась вперед всем телом и застыла, как сжатая пружина. В ее голосе послышались нотки раздражения и какой-то отчаянной горечи.

– Все считают меня его убийцей! Все надеются, ждут моего признания. Из всех, кто в это время находился на сцене, только у меня была столь реальная возможность. Помните ту последнюю сцену, когда я сжимала руками его тело, рыдала над ним...

Охватившее ее истерическое возбуждение мешало ей говорить.

– Насколько я помню, было две сцены, когда вы сжимали руками его тело и рыдали над ним. Первый раз это произошло после того, как Леонард в костюме Греча широко раскрыл двери алькова, и Владимир таким образом был представлен публике. Во второй раз это случилось в конце первого акта, когда Родней, игравший роль Лорека, объявил о смерти Владимира. Оба эти действия как бы заключают в скобки первый акт. И в первом, и во втором случае вы действительно прикасались к щекам Владимира, дотрагивались своими губами до его губ, хватили его за руки. Шок от удара ножом должен был вызвать охлаждение кожи, что легко

почувствовать при простом прикосновении к руке. Но губы значительно более чувствительны к температуре, чем пальцы. Не заметили вы какой-то разницы между первым поцелуем на сцене и вторым?

Ванда закрыла на минуту глаза. Может, нахлынувшие на нее эмоции мешали ей говорить? Или она просто пыталась вызвать в памяти этот последний вечер, увидеть его как можно ярче, во всех деталях?

– В то время я об этом не думала. Поцелуй на сцене отличается от обычного поцелуя. Я лишь слегка коснулась его губ своими и ничего не почувствовала. Но теперь, когда я оглядываюсь назад в свете всего того, что произошло, то... мне кажется, что его щеки и губы были холоднее обычного.

– В первый или во второй раз?

– И в тот, и в другой.

– Но ведь в этом случае он был заколот в начале первого акта, и только один человек приближался к нему в первом акте до вас?

Ее золотистые глаза, лицо исказил ужас.

– Боже, что я сказала! Несчастный Леонард никогда не пошел бы на это. Просто смешно. Какой может быть у него мотив? Во всей труппе только одна я знала Джона. Если об этом станет известно полиции, то она непременно заявит, что я – единственный человек, имеющий какой-то мотив для убийства. Вот почему я солгала вчера вечером, отрекаясь от знакомства с ним. Просто из чувства самосохранения.

– Но ведь существуют и другие возможности... Например, Маргарет Ингелю.

– Но ее не было на сцене!

– Да, ее действительно там не было до начала спектакля. Но ее видели, когда она покидала альков и прошла по сцене за несколько минут до поднятия занавеса. Вероятно, она вышла оттуда до того, как Владимир вошел, но была единственным человеком, вступившим в спальню до того, как Греч открыл на сцене двустворчатую дверь.

Рот Ванды искривила усмешка.

– Итак, нас уже четверо. Леонард, Род, Сорока и я! Может, это ее рук дело...

Базиль отметил, что Ванда предпочитала называть Маргарет не сокращенным дружеским Марго, а ироничным, язвительным прозвищем Сорока.

– Джон мог умирать или лежать мертвым на протяжении всего первого акта, и никто из нас даже не догадался о разыгравшейся трагедии. Какой ужас!

– Вы уверены, что никто, ни один человек в труппе не знал в лицо Ингелю?

– Не знаю. – Она заломила руки жестом полного отчаяния. – Мы должны были действовать с максимальной осторожностью, пока не добьемся согласия его супруги на развод. Ни он, ни я не желали громкого скандала, а с Сорокой не так все просто. Она меня ненавидит, так как во многом сама виновата в нашей связи – ведь она сама представила меня ему! Сорока была без ума от сцены, и на этой почве мы сошлись. Джон не увлекался театром и никого не знал из театрального мира до встречи со мной. Конечно, Джон дал денег на постановку «Федоры», но переговоры с Сэмом Мильхау вела я сама. Джон до вчерашнего дня ни разу не был в нашем театре, и, насколько мне известно, никто не знал его в лицо. Он только что вернулся из Панамы, и я случайно рассказала ему старую байку о том, как друзья Сары Бернар играли роль Владимира. Он подумал, что будет презабавно сделать то же самое. Конечно, учитывая все обстоятельства, это было безрассудством с его стороны, мальчишеской выходкой, но мы были уверены, что никто не узнает его, загримированного под труп, а всякий риск для него был простым развлечением, забавой, отвагой. Он был настоящий сорвиголова! Вы бы видели, как он гарцевал на диких, необъезженных лошадях!

– При каких обстоятельствах вы услышали старую легенду о том, что Бернар заставила играть роль Владимира самого Эдуарда VII? – спросил Базиль.

– Ах, да не помню. Кажется, от Сеймура Хатчинса, который играл Сирикса вчера вечером. Вы считаете, что вся эта история была разыграна вновь преднамеренно?

– Вполне возможно. Полина рассказала мне вчера, что вам доставляет огромное удовольствие отождествлять себя постоянно с этой великой французской актрисой, что из-за нее вы возрождаете давно забытые пьесы и даже имитируете все ее слабые стороны. Вполне

вероятно, что вы могли попросить Ингелу сыграть роль Владимира, когда слышали об этой старой басне. А это и предоставило убийце возможность совершить свое дело.

– Но Хатчинс никогда бы этого не сделал!

– Возможно, что напоминание о всей этой истории исходило непосредственно от самого Хатчинса. Он мог слышать это из вторых, а то и третьих уст.

– Какой ужас!

– Почему вы утверждаете, что все «надеялись», что вы убили Владимира?

– Я чувствовала это, находясь вчера в театре. Это и напугало меня. Из-за этого страха я и не создалась в том, что знаю убитого. Вы просто не можете себе представить, как все окружающие меня ненавидят! Даже Род иногда с открытой неприязнью относится ко мне как к звезде театра, так как он таковой не является. А Леонарду не нравится играть вторую скрипку после Рода. Конечно, Леонард – несравненно лучше как актер, но он проболел целый год, а я не могла долго сохранять для него вакансию моего главного партнера, надеясь на его скорое выздоровление. А Сорока ненавидит меня потому, что знает о наших планах женитьбы. Ведь я собиралась выйти замуж за Джона... Теперь вы понимаете, что, независимо от того, кто его убил и в какое точно время, он был либо уже мертвым, либо умирал тогда, когда я рыдала над ним и заламывала руки в конце первого акта? Потому что после этой сцены к нему, уже никто не подходил. Неужели вам не ясно, что за ужасный, злобный поступок был тем самым совершен? Кто бы ни был убийца – он или она, – все они втихомолку издевались надо мной, заставив меня пройти через унижения этой сцены вымышленного горя, испытываемого из-за вымышленного любовника, в то время, когда он на самом деле был моим любовником и был на самом деле мертв, а я ничего об этом не знала? Какой недоброжелательный, злобный поступок, совершенный ради того, чтобы досадить мне и моему Джону. Это настолько же чудовищно, как и та старая известная французская история, когда один злодей заложил кирпичами вход в чулан, Делая при этом вид, что ему ничего не известно о том, что там прячется любовник его жены.

– Значит, вы подозреваете Роднея Тейта?

Она широко раскрыла глаза.

– Но ведь он не мой муж!

– Но он, вероятно, хотел им стать?

Ванда сразу похорошела, на лице у нее появилось довольное выражение кошечки, которую гладят.

– Род, конечно, влюблен в меня... – прошептала она. – Но ведь он еще совсем мальчик.

Базиля заинтересовало такое признание.

– Вы действительно уверены, что он в вас влюблен?

– Видите ли, он постоянно преследует меня. Иногда он крайне назойлив и его поведение становится невыносимо. Да плюс все эти сообщения в газетах и журналах о наших взаимоотношениях! Джону это очень не нравилось но что я могла поделать? Как вы считаете? Да, я знаю, что в книгах, написанных писателями-мужчинами, всегда женщины несут ответственность за то, что в них влюбляются мужчины. Но в реальной жизни ни одна женщина не в силах заставить кого-то полюбить, если он того не хочет. Вот вы, например, не можете загипнотизировать человека, если он этого не желает? Мне кажется, и сам Род должен признаться, что я его никогда ни в чем не поощряла.

– Мог ли Род испытывать ревность к Джону Ингелу? – спросил Базиль.

– Он вообще ничего не знал о Джоне. И разве можно представить Рода убийцей? Я лично не могу, а вы?

Пожав еще раз недоуменно плечами, Ванда вновь принялась за свои булочки с маслом и медом.

– Я никого, в частности, не подозреваю, доктор Уиллинг, но я уверена, что убийца – это человек, глубоко меня ненавидящий, что он все заранее рассчитал, чтобы побольнее уязвить меня, а заодно убить и Джона.

– Мог ли Родней каким-то образом узнать, что вы собираетесь замуж за Ингелу?

– Видите ли, если люди подслушивают у дверей, заглядывают в замочные скважины, окна, то они, конечно, могут кое-что увидеть. Иначе для чего все эти ухищрения?

– Род был в этом замешан?

– Никогда, но он мог что-то узнать в припадке ревности...

– Удивительно, мисс Морли, что, несмотря на все сказанное здесь вами, вы все же удерживали Роднея возле себя, в своей компании.

– Контракты не нарушаются с такой легкостью. Задолго до того, как Род начал испытывать эту глупую страсть ко мне, мы оба подписали у Сэма контракт, по которому должны играть несколько месяцев главные роли в пьесе Сарду «Федора». Сэм был очень благодарен Роду за то, что он взялся играть сразу две роли, свою и роль Леонарда, когда в Чикаго Леонард по неосторожности наехал на этого бедного ребенка и...

Ванда осеклась, заметив на лице Базиля откровенное изумление.

– Я считал, что Леонард Мартин оставил труппу в Чикаго, так как внезапно заболел, не так ли?

– Черт возьми! – тяжело вздохнула Ванда. – Как глупо я проговорила!

– Что же на самом деле случилось с Леонардом?

– Думаю, что вам можно об этом рассказать. Однажды очень спешила, нужно было вовремя прибыть в один ночной клуб, и Леонард взял для меня автомобиль напрокат. По неосторожности он сбил маленькую девочку, которая неожиданно выскочила на проезжую часть, прямо под колеса машины. Она была мгновенно убита. Он до этого выпил только маленький стаканчик виски с содовой, но полиция заявила, что он управлял машиной в нетрезвом состоянии. Его настолько потряс этот инцидент, что он шатался, как пьяный, но это был типичный шок. Его первой мыслью была мысль о том, как все случившееся отразится на мне, на его карьере, и вот, под влиянием какого-то наваждения, чисто импульсивно, он в полиции назвал другое имя – Лоуренс Миллер. У него был фальшивый паспорт на это имя, который ему оставил приятель, уехавший куда-то за границу, кажется, в Мексику. Леонард, поступая таким образом, был уверен, что его никто в Чикаго не узнает, так как во время гастролей театра все его фотографии были сделаны в гриме, а они как раз и были воспроизведены в газетах и журналах. Вы ведь знаете, что он всегда играет такие роли, которые требуют коренного изменения внешности. Можете себе представить, какой удар перенесли бы его многочисленные поклонницы, если бы в один прекрасный день вдруг увидели, что он почти совершенно лысый!

Его судили в Чикаго за преднамеренное убийство и приговорили под именем Лоуренса Миллера к году тюремного заключения. Это печальное происшествие я хранила в глубокой тайне ради самого Леонарда и себя, конечно. Театр существует за счет зрительских симпатий, а убийство ребенка, пусть даже абсолютно не преднамеренное, совершенное нечаянно, из-за неосторожности, в котором вина Леонарда была ничтожной, вряд ли могло придать особую популярность труппе, тем более что полиция утверждала, будто он был пьян за рулем. Уже сам факт, что я была рядом с ним в автомобиле в качестве пассажира, ничего не мог принести утешительного для будущей судьбы нашей пьесы. Поэтому газетам было сообщено, что Леонард временно оставил труппу из-за внезапного заболевания, и журналисты ни о чем не догадались. На суде присутствовало лишь несколько местных полицейских, но и они не могли опознать его личность из-за привычного грима. На следующий год, весной, возвратившись из тюрьмы в Нью-Йорк, он настолько похудел и у него был такой нездоровый вид, что все знавшие его легко поверили версии о его серьезном заболевании...

Чей-то голос, раздавшийся за окном, прервал их беседу

– Не считаешь ли ты, Ванда, что ведешь себя несколько нескромно?

За их спиной, в овале окна, стоял Леонард Мартин. Увидев его, Базиль мысленно сразу же задал себе вопрос, сколько времени он стоял в своем укрытии и как много он слышал из их беседы с Вандой. Внешне в нем не было заметно каких-то явных признаков расстройства из-за вчерашней катастрофы.

Базиль предпринял попытку приободрить его и успокоить.

– Мисс Морли ничего не сказала мне такого, о чем я бы уже сам не догадывался еще вчера вечером. Я с самого начала подозревал, что вы побывали в тюрьме. Я рад, что это было лишь дорожное происшествие. Я сильно опасался, что вас отправили за решетку из-за умышленного убийства.

Леонард тупо уставился на Базиля, явно ничего не понимая.

– Откуда у вас такие подозрения?

Ванда ехидно рассмеялась.

– Послушай, Леонард, если у тебя есть какие-то тайны, то тебе лучше сразу с ними расстаться. Доктор Уиллинг – настоящий провидец!

– Правда? – спросил Леонард, окидывая взглядом фигуру Базиля.

– Совсем нет. Любой новичок в нашем деле признает в вас человека, побывавшего в камере. Вероятно, в данный момент инспектор Фойл пытается отыскать ваше досье, хотя приведенное вами вымышленное имя несколько усложнит его работу. Вчера вечером, когда вы ходили взад-вперед по артистической Родней, вы делали ровно пять шагов в одну сторону, затем останавливались, поворачивались и делали еще пять обратно. Для человека вашего роста вы могли покрыть расстояние около 3,6 метра. Но в центре этой комнаты оставалось еще некоторое пространство до стены. Ничто не мешало вашему движению, так как вся мебель была придвинута плотно к стенам. Я видел, как другие люди, прошедшие какое-то время в одиночной камере, ходили точно так. А ее размеры как раз и составляют 3,6 метра, или 12 футов. Привычка возводит вокруг них те невидимые стены, которым они привыкли там, в одиночке, и от этого не так просто избавиться. Кроме того, вчера вы разгадали, сумели избежать ловушку, уготованную вам инспектором Фойлом, когда он попытался передать вам в руки тщательно вытертый чистым носовым платком серебряный портсигар убитого. Вы не взяли этот предмет в руки, опасаясь оставить на нем отпечатки пальцев. Как правило, лишь тот человек, на которого имеется в полиции досье, стремится избежать этой процедуры и обладает достаточным опытом, чтобы вовремя почуять расставленные силки, особенно в такой момент, когда все потрясены убийством и вряд ли могут сохранить хладнокровие. Родней Тейт тут же попался на удочку, даже не отдавая себе в этом отчета. Фойл никогда бы не прибегнул к такому дешевому трюку, если бы не был уверен, что вы прежде побывали в тюрьме... Более того. Вы дали нам понять о вашем прошлом, связанном с полицией, и своей ролью полицеймейстера, которую вы вчера играли в пьесе Сарду. Это была замечательная сатира на свойственную полицейским манеру поведения, представленная актером, который, несомненно, имел против полиции зуб.

Удивление Леонарда постепенно уступило место выражению полного удовлетворения, того удовольствия, которое испытывает хороший артист от собственного мастерства. На какой-то момент об убийстве было забыто.

– Вам действительно понравилось, как я играл роль Греча? – воскликнул он. – Очень рад. Вы помните, как изменился мой голос между двумя фразами: «Что это за женщина?» и «Графиня!» А этот момент, когда я подхватил меховое манто Федоры и начал мягко поглаживать его рукой, словно наслаждаясь качеством выделки?

– Леонард, дорогой, – перебила его вдохновенную Речь Ванда, – доктору Уилингу совсем не интересна сценическая техника актера!

Ее плечи тряслись от смеха.

– Нет, нет, как раз напротив, – решительно возразил Базиль. – Например, вчера вечером, мисс Морли, даже тогда, когда вы не были в алькове, вы постоянно находись либо посередине сцены, либо очень близко к ней. Это тоже указание Мильхау или же ваша собственная идея?

Комментарий Леонарда опередил ответ Ванды.

– Она всегда там торчит, и это целиком и полностью собственная идея.

– А вам не удалось заметить что-то необычное, пробившее в алькове, когда вы находились почти рядом с ним? – продолжал Базиль, не обращая внимания на язвительное замечание Леонарда.

Ванда уже не смеялась.

– Я даже не глядела в ту сторону! – несколько нервно запротестовала она. – Я целиком была поглощена собственной ролью.

– Эти слова можете принять за чистую монету, прошептал еле слышно Леонард.

– Почему ты стоишь, Леонард? – наконец спросила Ванда самым очаровательным голоском. – Садись. Налить кофе?

– Спасибо, Ванда. С молоком, если можно, но без сахара.

– Булочки, мед?

– Нет, спасибо. Это мед из лепестков розы. Прислан из Гватемалы. Ты же знаешь, я не отличаюсь пристрастием к сладкому.

– Полиция, конечно, без особого труда восстановит всю картину, как только найдет ваши отпечатки пальцев и наведет соответствующие справки в ФБР, – сказал Базиль. – Но все ваши тайны не выйдут за стены их управления, если только эти сведения не будут иметь прямого отношения к обвинению во вчерашнем убийстве.

Леонард сел на чугунную решетку на балконе и медленно пил мелкими глотками кофе.

– Я бы не стал делать из всего этого секрета, если бы был в чем-то замешан. Но этот ребенок выскочил на проезжую часть перед самыми колесами автомобиля, и я не успел нажать на тормоза. Лишь обвинение полиции в вождении автомобиля в нетрезвом состоянии настроило против меня присяжных. Простой медицинский анализ, бесспорно, оправдал бы меня, но такая «мелочь» их абсолютно не интересовала. Они просто заявили на суде под клятвой со свидетельской скамьи, что я был пьян. Так как я был трезв, то вполне отдавал себе отчет в том, что не заслуживал тюремного заключения. Но я не хочу, чтобы это заключение погубило еще и мою карьеру артиста.

Ванда закончила завтрак и вытерла руки салфеткой.

– Скажи-ка мне, Леонард, а как долго ты подслушивал наш разговор, стоя за окном?

– Всего лишь несколько минут. Я, конечно, все слышал о Джоне Ингелоу. Я не сообщу об этом полицию, – ухмыльнулся он, – надеюсь, что ты сделаешь это сама.

– Как же я могу это сделать, не навлекая на себя подозрения?

– Ну кто может заподозрить тебя в чем-то серьезном? – продолжал Леонард. – Совершенно очевидно, что тебя нет никакого мотива. Красивая, обаятельная женщина не убивает привлекательного юношу, обладающего большим состоянием, за которого она должна через несколько месяцев выйти замуж, просто так, без каких-то веских причин, например ревности, даже если он и оставил завещание в ее пользу. Но ведь Ингелоу вел себя идеально, не так ли?

Сердитым жестом Ванда бросила только что зажженную сигарету через балкон.

– Да, представь себе, так именно и было!

Если Леонард хотел отомстить Ванде за то, что она проговорила о его тюремном заключении, то он наверняка в этом преуспел. Она смотрела на него, раздувая от негодования ноздри. Затем она повернулась к Базилю.

– Думаю, что в конце концов все выйдет на свет божий! Джон хотел уладить с женой кое-какие финансовые дела перед тем, как уехать в Рено для получения развода. Там эту процедуру долго не затягивают. Вместо выплаты ежемесячных алиментов он хотел выделить ей кругленькую сумму денег. Конечно, его прежнее, старое завещание было составлено в ее пользу, но как раз вчера он его переделал, на этот раз в мою. Полиция, конечно, ухватится за этот факт, чтобы использовать его в качестве мотива для убийства, каким бы абсурдным он ни был. Как я могла убить Джона ради денег?

– Бывали случаи, что людей убивали из-за денег, – спокойно возразил Базиль, – а у Ингелоу, насколько я понимаю, их было много.

– Да, много, – вздохнула Ванда. – Они и были единственным препятствием к нашему браку.

– Препятствием? – спросил Базиль. Он продолжал вести эту беседу, словно человек, руками нащупывающий путь в кромешной темноте.

– Я так ненавижу жизнь, когда ее усложняют роскошь и всякие формальности, – с самым серьезным видом принялась убеждать его Ванда. – Я часто говорила Джону, чувствовала бы себя значительно спокойнее относительно нашего будущего счастья, если бы он был простым, штатным бухгалтером или даже продавцом, получающим тридцать или сорок долларов в неделю. Видите ли, доктор Уиллинг, я совсем простой человек, у меня обычные, непритязательные вкусы, пристрастия. Если бы я вышла за муж за Джона, то мне пришлось бы вести иную, слишком утонченную жизнь, к которой я не привыкла, – подумайте, только в Нью-Йорке два больших дома, поместье в Ханнингтон Вэлли, вилла во Флориде, целый рой слуг и служанок, шоферов, все время одни развлечения, выезды в свет – это ведь ужасно

ответственно и, откровенно говоря, чудовищно скучно! Если бы я не любила Джона так как люблю, то я просто не смогла бы мириться со всей этой показухой, мишурой и притворством. У меня мировоззрение простого немецкого бургера, который довольствуется пивом с сосисками, – ведь я презираю икру и шампанское. Таким образом, вам должно быть ясно, что я – последний человек в этом мире, способный совершить такое страшное преступление ради денег.

– Понятно.

Базиль понял, что Ванда села на своего излюбленного конька, что все сказанное ею в эти минуты не имеет никакого отношения к убийству. Теперь он размышлял о том, как ко всему этому подойдет полиция, так как завещание, переделанное Ингелоу в пользу Ванды, могло стать вполне возможным мотивом для убийства, если принять во внимание, что она не была лишена обычного для большинства людей ее круга стремления к деньгам и обогащению.

Несколько ироническим тоном он заметил:

– Когда я увидел это простенькое меховое манто из норки, в котором вы вчера появились на сцене, то мне и в голову не пришло, что у вас запросы простой бургерши...

– Ах, вы об этом. Манто не норка, а русские соболя – это подарок Джона, и я вышла в нем на сцену, так как она отвечает моим представлениям о наряде Федоры. Хотя, если быть откровенной до конца, оно мне не нравится: слишком вульгарно и сразу бросается в глаза.

– Мне кажется, с вашей стороны неосмотрительно хранить такую ценную вещь в гримуборной, в театре, где постоянно сует куча всякого люда.

– Я не держу его там все время, – ответила Ванда. – Я все это время хранила его на складе ценных вещей во Флорене, и мне пришлось приложить немало усилий, чтобы получить его обратно к премьере. Посыльный доставил его в последнюю минуту, уже когда был поднят занавес, перед выходом на сцену...

Прощаясь с Вандой, Базиль задал ей еще один вопрос, который внезапно пришел ему в голову:

– Вчера вечером, когда мы разговаривали в картинной галерее, вы сказали что-то о необходимости сократить слова одного действующего лица по имени Дезире. Разве это имело какое-то особое значение для действия пьесы?

– Особой разницы нет, – ответила она. – Конечно, эти слова в какой-то мере отвлекают внимание от главного действия в первой сцене, когда входит Греч, широко распахивает двери алькова и попадает туда. Ты это заметил, Леонард?

– Вряд ли это заметила публика... – Он сардонически улыбнулся. – В пьесе Сарду можно свободно сократить ровно половину текста, и это не принесет особого ущерба ни замыслу автора, ни самому драматическому действию.

Он встал и пошел следом за Базилем по направлению к двери, ведущей в гостиную.

– Ты тоже уходишь?! – воскликнула Ванда.

– Да, я просто зашел по дороге на несколько минут, чтобы узнать, как ты себя чувствуешь, – ответил Леонард. – Можешь быть уверена, я оставляю твой дом с чистой совестью.

Ванда вошла в гостиную вместе с ними. Взгляд Базиля скользнул по длинной, с выкрашенными в бледную краску стенами комнате, по бархатному ковру и гардинам на окнах, выдержанным в легких серых полутонах. Это была комната женщины, отнюдь не презирающей роскошь и уют. Базиль заметил изящную клетку для птиц, свисающую с дугообразной подставки. Как сама клетка, так и подставка были сделаны из дерева, покрашенного в серый цвет, с рельефно выточенными на них маленькими фигурками птичек, раскрашенными всевозможными яркими красками. Внутри, за деревянной решеткой, на двух жердочках си-Дели, тесно прижавшись друг к другу, две маленькие зеленые птички, похожие на попугайчиков, а их клювики постоянно соприкасались, имитируя поцелуй.

Когда он подошел поближе к клетке, птицы не шелохнулись, даже не повернули в его сторону головки. С удивлением он вдруг понял, что это – мертвые, искусно сделанные птички.

– Вы любите птиц? – поинтересовался Базиль.

– Это были мои любимцы, когда жили здесь, в этой клетке. Когда они умерли, я решила сохранить их в таком виде

Базиль когда-то знал одну женщину, которая сделала то же самое со своей любимой лошадей, но сама идея его как-то неприятно поразила.

– Этот зеленый попугайчик несколько выпадает по цвету из общих тонов комнаты, – сказал он, бросая взгляд на лимонно-желтые шторы. – А почему... не канарейка?

Ванда всплеснула руками, схватила себя за горло, как будто у нее внезапно перехватило дыхание.

– Потому... что я ненавижу канареек!

Ее голос заметно дрожал.

– Это отвратительные, ободранные существа с розоватыми ошипанными лапками, бр!

Базиль с Леонардом прошли через дверь освещенной солнцем комнаты, окнами обращенной на реку, в темный холл, в котором не было окон. Минувя первый поворот по выходящей лестнице, они оглянулись. Ванда все еще стояла в дверях, наблюдая за ними, опершись одной рукой о проем, другая рука ее все еще сжимала горло. Высокая хрупкая фигура Ванды отлично вырисовывалась на фоне темной комнаты, и можно было свободно принять ее за двадцатилетнюю девушку. Сумерки затемненного холла упали тенями на ее лицо, скрывая ее истинный возраст. Ее поза была настороженной и подчеркнута выразительной.

Леонард повернулся к Базилю. Базиль ожидал от него в эту минуту какого-то выражения сочувствия бедной Ванде. Но Леонард только сказал:

– Как удался ей этот замечательный жест, когда она сжимала двумя руками горло. Нужно его запомнить. Вдруг придется сыграть какую-нибудь роль, требующую выражения именно таких эмоций. Я непременно его использую.

– Ну а что, по-вашему, выражает этот жест? – спросил Базиль.

Казалось, на какое-то мгновение этот вопрос озадачил Леонарда. Но он тут же спохватился и ответил:

– Как что? Страх, конечно.

Они спустились в холл нижнего этажа. Служанка-мулатка принесла шляпы и открыла перед ними двери.

– Превосходный домик, – ворковал Леонард, когда они спускались по ступенькам крыльца. – Мне кажется маленький домик обладает неизъяснимой прелестью, особенно если он находится в огромном городе, – весь в роскошном убранстве, продуманном до последней детали, но все просто в крошечном масштабе! И в таком гнездышке обязательно должна суетиться очаровательная женщина, подобно бриллианту в плюшевой коробке!

– Конечно, дом замечательный, – согласился Базиль. – Но его владелица явно не принадлежит к людям, которые обладают мировоззрением простого бургера.

Громкий хриплый смех Леонарда просто прогремел на Бикмен Плейс.

– Вас, доктор, не должно смущать хвастовство наоборот, столь свойственное Ванде.

– Хвастовство наоборот?

– Да, как же еще назвать это? Разве вы не заметили, как она набирала очки в свою пользу, хотя якобы все осуждала и отрицала? Соболь не норка, два дома в Нью-Йорке, вилла во Флориде, огромный рой домашней прислуги и т. д. Разве могла бы она рассказать вам больше, если бы она действительно все выставляла напоказ, а не осуждала? Теперь вы отлично видите: роскошь – это и есть смысл всей жизни Ванды. Много лет тому назад, еще будучи ребенком, ей пришлось немало пострадать из-за отсутствия комфорта и даже просто всего необходимого, и она до сих пор старается преодолеть в себе противный озноб, охватывающий ее при воспоминании о прежней своей бедности. Когда она впервые приехала в Нью-Йорк зеленой, неопытной девушкой из какого-то фабричного городка, она очень скоро научилась совершенно открыто восхищаться всем тем, что блестит.

– Как долго вы ее знали?

– С тех пор, как она поступила в одну из трупп Сэма Мильхау.

Это воспоминание вызвало у Леонарда мягкую, почти сентиментальную улыбку.

– В те времена она была обычной беспризорной девчонкой, сорванцом типа французского «гамэна». Но в ней было что-то привлекательное – черноволосая, желтоглазая, этакий брошенный на улице милый котенок, драчунья, смелая, отважная, пускающая в ход немедленно при случае все: ноги, руки, зубы, ногти. Тогда она мне нравилась больше, чем сейчас. Тогда она

была настоящей. Конечно, в ней кое-что от этого еще сохранилось, но все настоящие чувства спрятаны у нее глубоко под слоем эгоизма. Мне кажется, в этом виновата не только она одна. Мы все благословляем создателя на небесах, как и создателя внутри самого себя. Ее эгоизм – это профессиональное заболевание, всех людей взлетевших на гребне успеха. Ванда всегда подчеркивает в тысяче мелочей – она может взять из вазы самую большую конфету или разговаривать об убийстве так, как вы только что слышали. Вы заметили, как сказала, что убийство было совершено ради того, чтобы доставить ей неприятности, задеть ее чувства и погубить ее карьеру? Что убийца насмеялся над ней, вышучивая ее, планируя свое преступление так, чтобы заставить ее порыдаться над смертью сценического любовника, который и на самом деле был ее любовником, чтобы она убивалась и обнимала якобы умершего человека, который на самом деле был мертв? Вероятно, убийца даже и не думал о ней. Но она переносит все на свете лишь в плоскость собственной личности. Вряд ли она вообще любила Ингелю. Оц был для нее простой сосунок, которого кто-то убил. Самое главное в этом убийстве – это те последствия, которые оно будет иметь для Ванды Морли, ее репутации, ее богатства, ее будущего.

– Вы, должно быть, довольно долго простояли там, за окном, прежде чем обнаружить себя? – заметил Базиль.

– Ваша беседа была настолько интересной, что, честно говоря, не хотелось вас перебивать, – ответил Леонард.

На Мэдисон-авеню они расстались. Леонард пошел в западную часть города, к театру. Базиль зашел в ближайший отель, нашел телефонную будку. Набрал номер инспектора Фойла.

– Вам удалось напасть на след Владимира?

– Пока ничего обнадеживающего, – резко и сухо ответил Фойл. – Один из журналистов утверждает, что лицо Владимира ему знакомо, но он никак не может вспомнить, где его видел. Он теперь «прочесывает» морги, я имею в виду списки людей, находящихся в морге.

– Пусть поищет на букву «И» – Ингелю, Джон.

– Кто он такой?

– Инженер, молод, большое состояние. Только что вернулся из Панамы. Связан с военным бизнесом. Два дома в Нью-Йорке, один в Филадельфии, неподалеку, в Фаннингтон Вэлли. Его жена может опознать труп. Она сейчас может находиться в нью-йоркской квартире. Вчера она была за сценой. Я не знал, что она там, но видел, как она вышла из алькова и прошла по сцене за кулисы как раз перед поднятием занавеса.

– А Владимир, то есть Ингелю, уже был там, в алькове?

– Не знаю. Вполне возможно.

Фойл присвистнул.

– Кто еще, кроме вас, видел, как она оттуда выходила?

– Адеан и другие актеры, игравшие слуг Владимира уже в это время были на сцене. Даже если они и не знали, кто она такая, они не могли не заметить ее броского платья – черно-белое с диагональными линиями. Есть какие-нибудь сведения от Ламберта, которому поручили заняться ножом?

– Он прибудет ко мне в кабинет завтра, около пяти вечера. Приходите и вы. Он уверяет, что у него есть кое-что интересное.

Глава седьмая ХАРАКТЕРНАЯ РОЛЬ

Ресторан «Капри» находился на 44-й Западной улице. Проходя мимо Королевского театра, Базиль внимательно оглядел пожарную лестницу с правой стороны. Интересно, хватило бы у него мужества взобраться на нее вчера вечером, если бы он видел раньше, как высоко она уходит вверх, под самую крышу?

Вчера вечером Базиль предполагал, что в этот переулок можно было войти только со стороны 44-й улицы. Теперь он осознал, что существует еще по крайней мере пять способов, чтобы проникнуть сюда и улизнуть отсюда, – две пожарные лестницы двух театров, их

соответствующие служебные входы, а также кухонная дверь коктейль-бара.

Легкий шум привлек внимание Базиля к развалюхе, стоявшей как раз посередине тупика. Какой-то человек только что вышел оттуда на улицу и старался поплотнее прикрыть дверь, преодолевая сопротивление ветра. Базиль подошел к нему.

– Мистер Лазарус? – спросил он.

– Да. Что вам угодно?

Мужчина искоса его разглядывал. Как однажды сказал Франсуа Вийон, он был «маленький, старенький и беленький». Он обладал удивительно зычным, хорошо поставленным голосом, голосом актера.

– Мое имя Уиллинг. Я прочитал в газетах кое-что о грабителе, который пробрался в вашу мастерскую.

– Да, я слушаю, – ответил Лазарус, стараясь сохранить полное безразличие.

– Вот хотел поинтересоваться. Из газет я узнал, что грабитель ничего не украл. Только выпустил из клетки канарейку. Но, как известно, газетные сообщения отличаются крайней неаккуратностью и спешкой. Действительно все было так, как они сообщили? Или же репортеры постарались приукрасить историю?

Лазарус помолчал с минуту, а потом спросил:

– Вы что, из полиции?

– Нет. Я просто приписан к штату окружного прокурора. Но это неофициальный разговор, просто я любопытен.

– Ах, вон оно что, – проговорил Лазарус, несколько смягчая свою настороженность. – После того, что произошло в театре, я считал, что никто более не станет интересоваться взломом моей мастерской. Все случилось именно так, как было сообщено в газетах. Насколько мне известно, он ничего не украл. Только выпустил на волю канарейку.

– Можно на нее взглянуть?

– Пожалуйста.

Лазарус отпер дверь, которую только что закрыл. Мастерская была настолько крохотной, что в ней с трудом могли находиться одновременно два взрослых человека, точильный станок и стул перед ним. На полках кучами лежали ножницы, ножи, пилы, все с тупыми лезвиями многие из них покрытые ржавчиной. Кроме того, там еще был переносной радиоприемник, керосиновая лампа, стакан и кувшин с водой.

– Это из коктейль-бара, – объяснил Лазарус, перехватив взгляд Базиля. – Они очень добры ко мне, позволяют пользоваться их туалетом, а сам бармен часто угощает меня бутербродами. Видите ли, я здесь не живу В городе у меня есть комнатуха. Когда-то в молодости у меня был фургон, но все мои клиенты в этом районе – это люди, связанные с театром, и когда я постарел, то подумал: «Почему бы не завести мастерскую и не оставаться постоянно на одном месте?» Тогда я продал фургон и вот – работаю теперь здесь.

– Вам повезло. Вы нашли неплохое местечко! – одобрительно сказал Базиль.

– Эту хибару для меня построил Сэм Мильхау. Когда он привез сюда свой Королевский театр. Он когда-то дружил с моим отцом в Кодене, где родились мои предки, те времена я тоже был актером. Однажды в Варшаве даже играл «Гамлета»... по-польски. Но теперь... Теперь почти нищий. Но все же здесь лучше, чем в доме престарелых актеров. Я свободен и независим. Я зарабатываю немного, но Сэм отдал мне эту развалюху бесплатно, и я не плачу за нее ни гроша. Кроме того, у меня есть работа, я в курсе всех театральных сплетен. Ведь мои клиенты – это люди театра. А когда их нет, то я прибегаю помощи собственного тенора и развлекаюсь, как могу.

Улыбаясь, он повернулся к клетке. Сделанная из медной проволоки, она была чистой и просторной. Там внутри находились две обычные жердочки и качающаяся маленькая трапеция, обычная маленькая фарфоровая чашечка с водой, другая с просом и немного косточек для сохранения у птички остроты клюва.

Маленькие, словно две черные пуговицы, глазки смотрели на Базиля из комочка желтых перьев. Хрупкие розовые коготки обхватили большую жердочку.

– Она сейчас дремлет, – сказал Лазарус. – Но ранним утром, при восходе солнца, она прелестна. Она замечательно поет, даже подражает радио, когда я включаю приемник. Она

всегда подключается, когда я «ловлю» Баха, но ей не нравится современная музыка.

– Птичка со вкусом, – пошутил Базиль. – Как ее зовут?

– Дикки.

Это имя не понравилось Базилю.

– Вчера вечером, проходя возле вашего окна, я случайно заглянул в него. Но птички вашей не видел. Она была здесь?

– Да, но я накрыл клетку куском мешковины, чтобы дать ей возможность спокойно поспать от заката до восхода солнца. Я всегда так делаю, когда мне приходится работать с лампой.

– А почему вы держите канарейку здесь, а не дома?

– Мой «дом» – это просто одна маленькая комната, выходящая окнами во двор, куда не попадает солнце. Я там только ночую, а Дикки должна спать здесь, чтобы песней встречать солнце. Мне никогда и в голову не приходило, что кто-то может проникнуть сюда и причинить ей вред.

– Судя по всему, очень удобная клетка, – заметил Базиль. – Не можете ли вы объяснить, зачем нужно было выпускать канарейку из такой хорошей и удобной клетки?

– Понятия не имею, – чистосердечно признался Лазарус, – я сам был крайне озадачен этим происшествием.

– Вы уверены, что здесь ничего не было украдено?

– В мастерской нет ничего ценного, ничего, кроме радиоприемника. Как видите, он на месте. Больше я ничего обнаружил. Даже по внешнему виду моей хибары можно заключить, что красть здесь нечего.

Птичка проснулась. Она вскочила на трапецию и начала мягко раскачиваться взад-вперед, словно маленькие маятник.

– Чик-чирик? – спросила она что-то на своем языке

– Привет, Дикки, – ответил Лазарус.

– Чик-чирик! – повторила птичка, имитируя голос Лазаруса словно хотела сказать: «Всем привет!»

Базиль внимательно посмотрел на точильный станок.

– Как вы считаете, мог ли кто-нибудь воспользоваться вашим точильным кругом, чтобы наточить что-нибудь, ну скажем, нож?

Лазаруса вопрос озадачил, и, казалось, он никак не мог найти на него ответа.

– Вполне возможно. Откровенно говоря, я об этом не думал. В таком случае я более тщательно обследовал бы точильный камень, когда впервые обнаружил следы злоумышленника. Теперь, конечно, слишком поздно. Но для чего идти на риск, взламывать мастерскую? Только для того, чтобы наточить нож? Я беру за услуги недорого.

– Предположим, что этот человек не хотел иметь свидетелей, видевших у него нож.

– Ах вот что. Но теперь мы этого уже никогда не узнаем, – сказал Лазарус, улыбнувшись птичке. – Только вот Дикки может подсказать нам, кто был этот взломщик, но она молчит. Приходите в канун Рождества ровно в полночь, когда, по поверью, все животные и птицы разговаривают на человеческом языке.

Стоя перед клеткой, Лазарус насвистывал первые такты «Неоконченной симфонии». Дикки уловила мелодию и повторила ее. Затем она добавила пару трелей от себя лично и самозабвенно отправилась блуждать в лабиринтах собственной музыкальной импровизации.

– Скажите, а можно ли на вашем станке наточить скальпель?

– Я начинаю понимать вас, доктор Уиллинг. – Никто на свете не выглядел мудрее старого Лазаруса, когда лицо его озаряла улыбка. – Вы считаете, что взлом моей мастерской и вчерашнее происшествие в театре как-то связаны друг с другом?

– Нам только известно, что скальпель был где-то заточен. Он принадлежал Роднею Тейту, а тот утверждает, что еще несколько дней назад инструмент был совершенно тупой.

– Послушайте, но ведь убийца мог купить уже наточенный хирургический нож, – лицо Лазаруса стало серьезнее.

– И тем самым оставить по себе память в магазине.

– Он мог наточить его в другой мастерской, далеко отсюда, в каком-нибудь пригороде или

даже в другом городе.

– И вновь оставить следы сделки, что непременно случилось бы, даже если бы он купил точильный станок. Обычный маленький кухонный точильный камень здесь не годится. Скальпель – инструмент очень деликатный, да и довольно внушительных размеров.

– Но как могла бы полиция напасть на след осуществленной где-то покупки точильного колеса?

– На этом они, дорогой Лазарус, собаку съели. Во-первых, их много, они все отлично натасканы, тренированы, целеустремленны и обладают бесконечным терпением. Они опросили бы каждого хозяина мастерской, которая продает точильный инструмент в радиусе нескольких миль, если бы были уверены, что только такой способ позволит им отыскать убийцу. Нам также не известно, наточил ли он свой скальпель именно здесь. Нам только известно, что взломщик освободил канарейку. Если бы не Дикки, то о нем бы не появилось ни строчки в газете. Все это происшествие привлекло так мало внимания, что его можно было бы вообще не связывать с убийством в театре.

– Да, если бы не Дикки, то я, наверное, никогда бы не догадался, что кто-то проник в мастерскую, и никогда не сообщил бы об этом в полицию, – согласился с Базилем Лазарус. – Только после того, как я увидел Дикки, летающую по мастерской, я заметил, что задвижка в окне сломана, и понял, что кто-то побывал здесь, внутри.

– Этот факт представляет дело в более любопытном аспекте, – сказал, нахмурившись, Базиль. – А не мог ли ветер открыть окно, а затем и дверцу клетки?

– Окно, конечно, мог, но не дверцу клетки. Попробуйте-ка сделать это сами...

Дикки затрепыхала крылышками и забила в дальний угол клетки, заметив незнакомое лицо, приближавшееся к ней. Базиль потянул на себя дверцу, и она поддалась, но для этого пришлось затратить определенное усилие. Маленькая задвижка плотно закрывала клетку.

– Нет, это не ветер, – сказал Базиль, закрывая дверцу. – А вы уверены, что закрыли ее накануне вечером пред уходом из мастерской?

– Да, я очень хорошо помню. У Дикки выпало перышко и попало в петельку дверцы. Я его вытащил оттуда аккуратно закрыл клетку.

Базиль еще раз осмотрел всю мастерскую.

– Когда вы вчера впервые вошли сюда, вы не заметили ничегостораживающего?

– Абсолютно ничего, – ответил Лазарус. – Только одно: очевидно, это дело рук человека, хорошо знающего этот район, так как только люди из этого района знают где находится моя мастерская.

– К сожалению, все наши подозреваемые хорошо знают этот район, так что эта деталь нам не поможет. Значит вы не располагаете никаким «ключом» к опознанию злоумышленника? – вздохнул с огорчением Базиль.

– Что вы сказали?

– Итак, канарейку выпустили из клетки. Почему он это сделал? Очевидно, должна существовать какая-то причина, а она-то и предоставит нам необходимый «ключ»

– Но что же, черт возьми, это может быть?

– Не знаю. Клетка большая, просторная, содержится в чистоте, птичке здесь удобно. Таким образом, никакой причины для такого поведения не имеется. И все же кто это сделал, а все, что человек делает, всегда имеет свою причину, объясняется эмоциональным мотивом, сознательно или бессознательно. Иначе он так бы не поступил.

– Но некоторые люди поступают просто так, без причин, – начал было Лазарус, – каприз, прихоть...

Базиль улыбнулся.

– Вам так же не нравится современная психология, как и современная музыка? Она утверждает, что даже простого каприза есть свой мотив. Даже такое не подчиненное воле действие, как заикание, имеет причину, хотя, скажем, заика не может объяснить, почему у него такой дефект. Наш злоумышленник протянул руку, раскрыл ладонь и пальцем открыл дверцу, потянув ее на себя. Как видите, замок в клетке тугой, и для того, чтобы его открыть, нужно затратить определенную мускульную энергию. Но нельзя заставить мышцы работать, если только мозгу не возникает какая-то эмоциональная искра. Каким бы по характеру ни было

действие – рациональным, иррациональным, каприз, прихоть, – всегда при этом должен наличествовать какой-то импульс. Очевидно, преступник чем-то руководствовался, выпуская птичку волю, испытывая при этом какие-то чувства. Если бы только мы могли определить, почему он так поступил, то в наших руках был бы «ключ» к опознанию убийцы.

Та серьезность, с которой Базиль излагал свою теорию, произвела на Лазаруса впечатление.

– Может, в основе его поведения лежала жестокость? Птица, которая привыкла к клетке, часто бывает поражена неожиданно предоставленной ей свободой. Тогда она может повредить себе крылья или ножки?

Базиль подумал немного, а затем отрицательно покачал головой.

– Если все дело было в жестокости, то почему он сам не причинил ей никакого вреда? Или, по крайней мере, выпустил на улицу из окна, где обычный холод или какая-нибудь голодная кошка, наконец, другая птица посильнее могли свободно лишить ее жизни?

– Вполне резонно, но... – Лазарус вновь улыбнулся своей мудрой улыбкой. – Если этот взломщик – убийца, то вряд ли можно предположить, что, выпуская птицу на волю, им руководило сострадание. Сентиментально настроенный человек мог пожалеть птичку в клетке и представить себе, что на свободе ей будет лучше. Но тот мужчина или та женщина, который хладнокровно, ножом, убивает другого человека, вряд ли испытывал жалость к какой-то птичке!

– Это очень интересный вопрос, – ответил Базиль. – Невероятно, но все же самая любопытная черта в характере и природе человека заключается в том, как он ухитряется удерживать доброту и жестокость в отдельности, в непроницаемых отсеках своего сознания. Нацистский главарь Юлий Штрейхер, жестокость которого по отношению к себе подобным хорошо известна во всем мире, плакал, как ребенок, когда умерла его любимица – канарейка. Во всяком случае маловероятно, что убийца пожалел Дикки, потому что она сидела в клетке, но и такого предположения нельзя сбрасывать со счетов. Какое-то чувство, сознательно или бессознательно, все же руководило им, когда он отпирал клетку. Но какое? Мы даже не можем с уверенностью сказать, что это сделал тот, кто обожает канареек, или же, напротив, тот... кто их ненавидит...

Лазарус тяжело вздохнул.

– Значит, в этом случае действия убийцы по отношению к Дикки, ее освобождение из клетки не дают вам никаких сведений, никакой подсказки о личности убийцы?

– Хотелось бы... – Базиль смотрел, не отрываясь, на канарейку, которая с большим удовольствием прыгала с жердочки на трапецию и обратно. – Хотелось бы... – повторил он тихо... – Знаете, Лазарус, я оставляю вам свой адрес. Если вам удастся выяснить что-нибудь еще об это злоумышленнике, то буду рад, если вы сразу же сообщите мне об этом...

Глава восьмая

СЛУХИ, ПРИУКРАШЕННЫЕ СОТНЕЙ ЯЗЫКОВ

Ресторан «Капри» находился в подвальчике. Вниз, в тускло освещенный, похожий на пещеру зал, окрашенный в красно-белые тона, вела небольшая лестница. Темные, выложенные грубым камнем стены оживляли встроенные в них зеркала и висящие в рамках карикатуры на различные театральные знаменитости. Плюшевый ковер скрадывал звук шагов. Столики располагались вокруг стен перед кожаными диванчиками. В центре возвышалась буфетная стойка, демонстрировавшая посетителям всевозможные лакомства – копченую холодную индейку, заливное из голубятины, яркие ягоды земляники, только что извлеченные из теплицы, и громадный торт с зеленоватой начинкой, пропитанный ромом. На переднем плане располагался небольшой бар в виде подковы. Там и нашел Базиль Полину с Роднеем.

Их бокалы были пусты. В пепельнице перед Родом возвышалась гора сигаретных окурков. Полина держала на коленях свой обычный альбом для рисования, а ее карандаш по-прежнему быстро сновал, рисуя профили посетителей. Это занятие всегда свидетельствовало о ее душевном беспокойстве.

– Привет, – поздоровалась она с Базилем. – Марш Ингелоу еще не показывалась.

– А я и не рассчитываю, что она придет, – ответил он. – Может, сядем за столик?

Они нашли один, который стоял прямо возле входа Полина и Родней сели на диванчик, а Базиль придвинул кресло и сел напротив. В зеркале над головой Полины был отлично виден сам вход, лестница и большая часть ресторанный зала. Они заказали пиво и местного изготовлен сосиски, чем, собственно, и был знаменит этот ресторан Нью-Йорке.

– Почему же нет мисс Ингелоу? – поинтересовался Род.

Полина пожала плечами. Базиль рассказал им о своем визите к Ванде, не отрывая взгляда от зеркала.

– И в результате, – заключил он, – Ванда все же опознала Владимира как Джона Ингелоу.

– Боже! – вырвалось у Полины.

Род, судя по его виду, был удивлен не меньше. Щеки Полины залила пунцовая краска.

– Значит, если Ванда действительно выходит замуж за Ингелоу... тогда, может, ты меня простишь? – И она повернула свое сияющее личико к Роду.

Базиль улыбнулся. Наблюдая за ними и радуясь за них душе, он все же чувствовал себя не в своей тарелке и поэтому не мог не внести в эту радостную атмосферу некоторый оттенок вполне оправданной настороженности.

– Тем более странно, что Ванда вела себя подобным образом... – проявляя такой интерес к Роднею.

Радость потускнела на лице Полины, как тускнеет поверхность зеркала, когда на него подышишь.

– Может, она старается добиться восхищения собственной персоной от каждого встречного мужчины?

– Возможно.

Базиль не спускал глаз с Роднея, тщательно изучая его лицо. Был ли этот юноша на самом деле столь откровенен? Действительно ли он впервые, только что, узнал, что Ванда хотела выйти замуж за Ингелоу? Его так часто видели с Вандой за последние несколько недель, и она, казалось, была совершенно уверена, что он в нее безумно влюблен.

Род заерзал под пристальным взглядом Базиля.

– Известно ли полиции об Ингелоу? – спросил он.

– Да, сведения о нем попали в первые выпуски вечерних газет.

– Тогда Марго не придет, нечего и ждать, – воскликнула Полина. – Она хоть и наглая баба и ее ничем не проймешь, все же вряд ли она рискнет появиться на публике, чтобы пообедать в фешенебельном ресторане всего лишь день спустя после убийства мужа.

– Вряд ли, – согласился с ней Базиль. – Скорее всего в данный момент ею занимается полиция.

– А она не могла быть убийцей? – внезапно предложила Полина. – Вы ведь видели, как она выходила из алькова.

Базиль рассмеялся.

– Разве брак – это единственный мотив для убийства?

– Они стали чужими друг для друга. Собирались развестись...

– Зачем рисковать головой и убивать мужа, если от запросто можно избавиться с помощью развода и получить при этом солидный денежный куш? – заметил Базиль. – В наши дни все эти убийства из-за матримониальных побуждений нужно оставить на совести садистов и тех женщин, поклонниц высшей морали, которые считают убийство поступком более добродетельным или, по крайней мере, более уважаемым, чем развод.

– Но ведь она хорошо знала его, знала, что у него с Вандой, – упорно цеплялась за свою теорию Полина. – Почему же ей...

Базиль прервал ее и, повернувшись к Роду, спросил:

– Можете ли вы доказать, что вы не знали Ингелоу даже в лицо?

– Конечно, нет. – Торопливые пальцы Рода начали передвигать по столу солонку.

– Значит, не можете. Но вас повсюду видели с Вандой, а Ингелоу был ее любовником. Полиция, конечно, станет утверждать, что вы знали Ингелоу, знали его отношения с Вандой, и таким образом в руках у них окажется довольно убедительный мотив. Как, впрочем, и

присяжные, которые назначаются случайно из граждан огромного города. Женщина плюс два мужчины равняется ревность.

– Чудовищная чепуха! – взорвался Род. – Если периодически появляешься на людях с женщиной, с которой тебя связывает общая постоянная работа, то это отнюдь не означает, что ты в нее влюблен. И ни один достойный человек не станет рисковать головой ради чего-нибудь еще, кроме настоящей любви!

Базиль утвердительно кивнул головой, но в его душе не растаяло сомнение. Ванда – соблазнительная женщина. Род – слишком юн и неопытен. Секретом его шарма как раз и является его почти детская наивность. Допустим, он зашел слишком далеко в своих отношениях с Вандой, и затем вдруг обнаруживает, что был для нее лишь забавой и что на самом деле она выходит замуж за Ингелю. Бывали случаи, когда мужчины убивали и за меньшую провинность... И такой убийца после этого спокойно мог вернуться к Полине, чтобы скрыть от полиции мотив своих действий...

– А вот и она, – тихо сказал Базиль.

– Кто она? – Они резко повернулись к нему в замешательстве.

– Марго Ингелю.

Вероятно, требовалось что-то посерьезнее убийства мужа, что могло бы удержать Марго от посещения любимого ресторана в обеденное время. Она остановилась на верхних ступенях лестницы. Ее серые глаза казались почти белыми на фоне ее смуглого, почти коричневого лица. На ней была простая накидка из тафты, которую носят пастухи-бедуины, на руках – белые лайковые перчатки, а на ногах модные кожаные сандалии. Желто-белые ленты украшали ее маленькую черную шляпку.

– Кто это с ней? – прошептал Род, пытаясь разглядеть ее спутника.

Но вот пара сошла вниз, и он сам ответил на свой вопрос:

– Ба! Да это же Мильхау!

Старший официант усадил их с торжественной церемонностью и лично принял заказ. Мильхау суетился, всячески угождая своей спутнице, снял с нее накидку, поудобнее разложил маленькие подушечки за спиной. Марго принимала все эти почести с холодной надменностью императрицы. Возле ее столика, при входе или выходе из ресторана, непременно останавливались другие посетители. Она приветствовала всех милой улыбкой, и на ее щеках появлялись глубокие ямочки. Это была улыбка отнюдь не разбитой горем вдовы, да и те, кто топтались возле нее, судя по всему, не выражали ей особых соболезнований и не сильно оплакивали жертву. Очевидно, все уже относились к ней как к разведенной, самостоятельной женщине. Но все же даже такое предположение не объясняло до конца поведение всех этих людей. По мере того как Базиль внимательно наблюдал в зеркало загадочную пантомиму, он все отчетливее осознавал, что эти позы и жесты не были ухищрениями галантных кавалеров, крутящихся возле привлекательной женщины. Во-первых, Марго таковой назвать было нельзя, а во-вторых, все эти вздыхатели были несколько стары для подобной роли. Как и у Мильхау, все их манеры отличались странной почтительностью, добросовестным, заранее рассчитанным на эффект энтузиазмом. Мильхау встал и направился к буфетной стойке.

– Ну вот, наступил ваш черед, действуйте, – прочитала Полина.

Базиль отодвинул кресло, вышел из-за столика, но пошел не по направлению к Марго, а прямо к Мильхау.

– О, доктор Уиллинг! – жирное лицо Мильхау не выразило особой радости.

– Не слишком ли неожиданна ваша привязанность к вдове в ее безутешном горе? – спросил Базиль.

Глаза Мильхау были круглые, черные, как бусинки, словно у канарейки, только в увеличенном масштабе.

– Бизнес есть бизнес, доктор Уиллинг. Сами понимаете в какую дыру я угодил. Спектакль испорчен, моя «звезда» на грани нервного потрясения. Я потеряю около 80 тысяч долларов, если не предприму что-нибудь, и как можно скорее. Контрактом связаны сотни людей, и мне срочно нужно поставить что-то другое, с быстротой звука. Мисс Ингелю всегда была без ума от театра, – продолжал он, – так что я в меру своих сил пытаюсь оказать первую помощь своему банковскому счету и уговорить ее финансировать следующую мою постановку.

Базиль был крайне удивлен словами Мильхау.

– Разве может она это сделать?

– Может? Что за вопрос!

Глаза у Мильхау вдруг заблестели, как у человека, мучимого страшными приступами голода.

– Уверен, что может. Со всеми деньгами Ингелоу?!

– Мне казалось, что деньги теперь принадлежат мисс Морли.

– Это казалось и Ванде, – резко возразил Мильхау. – Но она сильно заблуждается на этот счет. Сегодня утром я был в полицейском управлении, и там они располагают точными сведениями, полученными прямо из рук личного адвоката Ингелоу. Новое завещание, по которому все состояние должно было перейти во владение Ванды, осталось неподписанным. Все деньги отныне принадлежат «моей любимой супруге Маргарет Адэмс Ингелоу», как об этом и говорится вполне убедительно в старом завещании. Да, Ванде явно не повезло!

– Таким образом, если я вас правильно понял, если бы Ингелоу успел подписать новое завещание, то в результате мисс Ингелоу, его законная супруга, не получила бы ничего, кроме той незначительной суммы, которая ей причитается по условиям бракоразводного процесса?

– Совершенно верно. Да, я понимаю, что это может быть мотивом для преступления, но ведь ее вчера на сцене не было, и она не могла...

– Минуточку, – прервал его Базиль. – Мисс Ингелоу была вчера на сцене. Вечером. Я видел, как она выходила из алькова перед самым началом спектакля.

Мильхау тихо выругался.

– Послушайте, Уиллинг! Чего вы хотите? Похоронить мою единственную надежду ради какого-то убийства? Боже! Да если Ванде и захотелось кого-то укокошить, почему жертвой должен стать человек, финансирующий спектакль?

– Значит, вы считаете, что это сделала Ванда?

– Ну... Я не знаю.

– Но тогда кто же? Родней, Леонард? Или, может, сама мисс Ингелоу? У всех у них были равные возможности, такие, как и у Ванды.

– Я не могу себе представить ни Леонарда, ни Роднея роли убийцы. – Глаза Мильхау лукаво сузились. – Оба они обычные, простые парни, лишённые всякой исключительности, а у мисс Ингелоу не было столь острой нужды в деньгах. Она получила бы немалую долю после расторжения брака.

– Ну, а Ванда? Она нуждалась в деньгах?

– Она всегда испытывает в них нужду.

– Лучше представьте меня мисс Ингелоу, – потребовал Базиль.

– Охотно, – сказал Мильхау, но в его голосе явно не чувствовалось никакой охоты.

Вблизи сосредоточенное, гладкое, смуглое лицо Марго выглядело так, будто оно было вырезано из дерева и тщательно отполировано. Ее белесые глаза, белые зубы, казалось, были сделаны из слоновой кости и напоминали маску фетишей из далекой Африки. Любая женщина в мире, оказавшись в подобной ситуации, неизбежно выказала бы хоть малейшие признаки волнения или смущения, но только не Марго Ингелоу. Когда Базиль вместе с Мильхау подошел к ее столику, она увлеченно болтала с каким-то мужчиной. Она попрощалась с ним, подарив обворожительную улыбку, когда же увидела Базиля, улыбка тут же исчезла. В то время, как Мильхау, бормоча какие-то невразумительные слова, представлял ей Базиля, она молча уставилась на него, демонстрируя самое дерзкое нахальство.

– Вы, конечно, меня не помните, но зато я вас помню очень хорошо, – начал он. – Мы прошли мимо друг друга совсем рядом, там, за сценой Королевского театра, вчера вечером перед началом спектакля.

Когда она услышала эти слова, в ее глазах промелькнули золотистые искорки.

– Не угодно ли вам присесть? – Она даже не удостоила взглядом Мильхау, когда тот грузно плюхнулся на диван рядом с ней.

– Значит, это вы сообщили полиции, что вчера вечера я была в театре?

– Доктор Уиллинг – сам полицейский, – жалким голосом вставил Мильхау. – Во всяком случае, два сапога пара – он состоит в штате окружного прокурора.

– Вот оно что, – сказала Марго, заметно потеплев. – Сегодня утром какой-то инспектор явился ко мне на квартиру в тот момент, когда я собиралась идти в театр, промурыжил меня около часа. Не могу понять из-за чего. Разве не ясно, что это дело рук той женщины?

– Какой женщины?

– Как какой? Ванды Морли, конечно!

Базиль решил отплатить откровенностью за откровенность.

– У вас тоже был мотив и возможность.

– Какой мотив? Ах, завещание? Чудовищно! Неужели вы на самом деле считаете меня способной убить собственного мужа, чтобы помешать ему поставить подпись под другим завещанием, по которому все состояние переходит к другой женщине?

– Вероятно, так оно и было.

– Но для чего мне это делать?

– Незачем?

Официант принес блюдо с омарами. Марго подождала, пока он не разложит их по тарелкам. Когда тот ретировался, она продолжила свои объяснения.

– Видите ли, доктор Уиллинг, Джон и не собирался подписывать этот документ.

– Почему?

– Мы с ним помирились.

– Несколько скоропалительно, не так ли?

– Может, именно так показалось мисс Морли.

Тонкие губы Марго сложились в язвительную усмешку.

– Значит, для такого примирения должна существовать какая-то особая причина?

– Я сообщила Джону, что у нас будет ребенок.

– Ах вот оно что!

Неожиданное громкое восклицание Базиля поразило Марго. Она рассмеялась.

– Дорогой доктор Уиллинг, вы никак не можете предположить, что у меня может быть ребенок?

– Ну, а если столь нетерпеливо ожидаемый наследник так и не появится на свет, не будет ли сей факт некоторым для вас неудобством?

– Мне давно нужно было родить ребенка. Глупо, что я не сделала этого раньше. Но я и понятия не имела, что Джона может волновать такая ерунда.

– Почему вы не пришли сами для опознания Владимира как человека по имени Джон Ингелю, когда утренние газеты сообщили о его убийстве? – спросил Базиль.

– Одно дело быть невиновной, – резко ответила Марго, – а другое – только таковой казаться. Я хорошо знаю, что первым подозреваемым лицом в глазах полиции будет тот, кто наследует состояние Ингелю. Таким образом, подозреваемым сразу же стала бы я. Поэтому я надеялась, что полиции ничего не будет известно о моем визите в театр перед спектаклем, как и о том, что Джон играл роль Владимира. Я была уверена, что кто-то в конечном счете его опознает.

– Когда произошло примирение?

– Вчера вечером. Поэтому я и прошла за сцену. Я была вне себя. Нужно было что-то предпринять, чтобы заставить Джона прекратить разыгрывать из себя дурачка перед Вандой, женщиной, чуть ли не вдвое старше его. Он все время отказывался встретиться со мной, но я узнала, что он будет играть роль Владимира в «Федоре». Я попыталась увидеть его несколько дней назад, когда он вернулся из Панамы. Когда я незаметно вошла в коридор его квартиры, то подслушала его разговор с Вандой по телефону по поводу всего этого вздора, которым набита ее глупая голова. Но он, увидев меня, не стал со мной разговаривать и тут же куда-то уехал. Таким образом, мне представился единственный случай поговорить наконец с ним и выяснить отношения. Я купила билет, сунула десятку билетерше и попросила ее провести меня на сцену.

– Через пожарную лестницу?

– Да нет же! Откуда у вас такие бредовые идеи? Я прошла как обычно, через двери кассы, затем через дверь, ведущую на сцену из партера. Я подстерегла Джона и перехватила его как раз в тот момент, когда он входил через служебный вход. Мы постояли там и говорили минут двадцать. Потом он направился в артистическую к Ванде.

– Значит, эта встреча задержала Ингелоу, – высказал свое предположение Базиль. – Хорошо. Что дальше?

– Он дал мне слово оставить Ванду и вернуться ко мне. Теперь вам понятно, как глупо подозревать меня в убийстве Джона из-за денег. Я должна была получить все деньги, а также и самого Джона.

– Но теперь вы получили все деньги и без Джона. Может, вам так удобней. Многие жены богатых людей отдают предпочтение такому варианту.

Марго восприняла иронию Базилья без особых эмоций.

– Я не стану притворяться, что была в него безумно влюблена. Просто я к нему привыкла. Я бы никогда его убила только ради того, чтобы от него избавиться.

– А что вы делали на сцене, когда Адеан и я увидели, как вы выходили из алькова?

– После того как Джон ушел, оставив меня в коридоре, я решила попросить его отвезти меня домой после первого акта. Я была уверена: чем раньше я избавлю его от влияния Ванды, тем лучше. Поэтому я прошла по сцене вошла в альков и хотела подождать его там. Но когда на сцене начали появляться актеры, я испугалась, подумав что могу остаться здесь в тот момент, когда поднимут занавес. Тогда я поскорее вышла из алькова, прошла к кулисам, прямо по направлению к двери, ведущей в зал. Возможно, там вы меня и увидели.

– Судя по вашему рассказу, у Ванды Морли не было никакого мотива для убийства Ингелоу. После вашей встречи в коридоре, когда он вошел в ее артистическую он, вероятно, передал ей содержание вашего с ним разговора, сообщил о своем намерении уйти от нее и вернуться к вам и сказал, что новое завещание не подпишет.

– В том-то и дело, что не сообщил! – вмешался в беседу Мильхау. – Полиция сегодня все выяснила, допросив костюмершу. К тому времени, когда Ингелоу добрался до артистической Ванды, она уже была полностью одета и там торчала целая толпа людей – ее агенты по связи с прессой, несколько парней из моей конторы, гримерши и т. д. Она сильно волновалась из-за своего манто – ведь его не доставили к обещанному времени, – и у Ингелоу не было просто возможности поговорить с ней обо всем наедине. Ему быстренько наложили на лицо этот страшный грим мертвеца. Все полагали, что он – один из друзей Ванды, играющих сегодня роль Владимира, но никто его не знал и никто не обращал на него ни малейшего внимания. Вы же знаете, что творится на сцене в день премьеры – настоящий Содом!

– У Ванды, таким образом, были все основания надеяться, что он подписал новое завещание, по которому все состояние досталось ей, – настойчиво уверяла Базиль Марго. – Поэтому она и убила его. Ведь все так просто.

– Допустим, – сказал Базиль, – но из двух мотивов ваш звучит более солидно.

– Разве мотив должен быть солидным?

– Необязательно.

– Тогда это дело рук Ванды. – Ее белесые глаза остановились на глазах Базилья. – Доктор Уиллинг, я могу поклясться. Убийца – Ванда. Все на сцене видели, как Джон входил в альков. Он был живой, и в алькове никого не было. Двери не открывались до начала спектакля, когда был поднят занавес. Только трое приближались к Джону – Ванда, Родней Тейт и Леонард Мартин. Ни тот, ни другой имели мотива для убийства Джона, они даже не знали его в лицо. Я познакомилась с Вандой всего за несколько месяцев до его отъезда в Панаму. Он возвратился оттуда всего три дня назад и вчера вечером впервые пришел в театр. Только Ванда могла его убить – либо потому, что была уверена в окончательном оформлении нового завещания, по которому она получала все, или потому, что предчувствовала его намерение примириться со мной и уйти от нее, так как она ему надоела.

– Может быть, из-за обеих причин вместе?

– Не знаю. Думаю, что достаточно и одной.

– Мог ли кто-нибудь слышать ваш разговор в коридоре?

– Конечно нет.

– В таком случае мы не располагаем никакими другими свидетельствами о состоявшемся между вами примирении, кроме вашего честного слова. Вполне возможно, что Ингелоу отказался вернуться к вам, вы вошли в альков, подождали его там, тихо прикончили его перед самым поднятием занавеса, когда он уже лежал в кровати, зная заранее, что если он останется

жив, то непременно подпишет новое завещание, по которому Ванда Морли получала все деньги, а вы – ничего, или почти ничего, если не считать ту сумму, которая оговорена условиями бракоразводного процесса.

– Но я вышла из алькова раньше, чем туда вошел Джон.

– И вы можете это доказать?

Появление возле стола официанта принесло Марго заметное облегчение. Она рукой отставила от себя тарелку с омаром, так и не доев его до конца.

– Омлет с ромом, – сказала она, обращаясь к Мильхау. – И кофе.

Она зажгла сигарету, затянулась и откинулась спиной на подушечки, как будто именно в эту минуту ей нужно немного отдохнуть и подумать.

– Все это происки этой дрянной сучки Морли, этой кикиморы, – почти со страстью в голосе вновь заговорила она. – Если бы она не бегала за Джоном, этого никогда бы не случилось. Каким глупым было это увлечение с его стороны! Он, по сути дела, всегда был равнодушен к этим сексуальным красоткам.

Вдруг черные зрачки Марго расширились до предела, оставив тоненькую белую полосу глазного яблока. Словно онемев от ужаса, она уставилась куда-то поверх голову Базиля.

– Скажите на милость, есть у этой женщины совесть? Вот и она собственной персоной!

Базиль повернул голову. На верхних ступенях лестниц стояла Ванда. «Интересно отметить, – подумал про себя Базиль, – Марго Ингелоу не находит ничего предосудительного в том, чтобы спокойно пообедать в ресторан «Капри» на следующий день после убийства своего мужа, но считает это просто до крайности неприличным, когда голову Ванды пришла та же идея».

Голубоватое пламя играло в ковшике, из которого официант выливал горячий ром с сахарной смесью на омлет на тарелке перед Марго, но она уже утратила всякий интерес к еде. Она не сводила глаз с верхних ступеней лестницы.

Ванда казалась удивительно хрупкой в своем черном наряде, черноту которого лишь слегка разбавлял блеск серег из топаза и заколка. Ее свежее, искусно поддурманенное косметикой лицо хранило выражение какой-то загадочной меланхолии. Рядом с ней стоял Леонард, тихий и незаметный, каким он был всегда, если не играл на сцене.

Все с нетерпением ожидали, почти замерев, пройдет ли Ванда мимо столика Марго не останавливаясь. Базиль изучал лицо Полины, сжавшееся, сосредоточенное, маленькое, побелевшее. Родней, не отдавая себе отчета, сворачивал и разворачивал салфетку.

Ванда спокойно сошла по лестнице. Старший официант хотел было препроводить ее в дальний угол зала. Она бросила на него надменный взгляд, и он сразу стушевался «Дженаро, я хочу сидеть за своим обычным столом». Она обошла левый угол стойки, оказавшись лицом к лицу с Марго. Мускулы ее лица напряглись, на нем появились морщины. Слушок о приобретении целого состояния стал, вероятно, известен не только Мильхау и тем типам, которые крутились возле Марго. В золотистых глазах Ванды промелькнула свирепая ненависть. Она уже не была знаменитой актрисой и очаровательной женщиной, она теперь была тем самым сорванцом с улицы. Мильхау даже привстал со стула:

– Ванда... Я... сейчас тебе все объясню. Понимаешь, мне необходима финансовая поддержка для следующего спектакля с твоим участием, а она только что стала наследницей громадного состояния Джона Ингелоу, и...

– Я об этом слышала. – Ванда полоснула его своим постным взглядом, и продюсер немедленно умолк. Воцарилась напряженная тишина. Леонард придвинулся поближе к Ванде. Марго, не отрываясь, смотрела ей прямо в глаза, бросая дерзкий вызов у всех на виду. Это было уже слишком для Ванды. Она резким движением выбросила вперед руку, как выбрасывает молниеносно змея свое жало. Схватив со стола рюмку с ликером, она выплеснула ее содержимое прямо в глаза Марго. Весь свой талант, силу актрисы она вложила в одно свистящее слово: «Убийца!»

Марго встала, закрыв лицо руками. Она и виду не подала, что ей больно, что ликер режет глаза. Она просто игнорировала Ванду, как игнорировала и Мильхау.

– Доктор Уиллинг, – сказала она, обращаясь к Базилу, – не могли бы вы вызвать для меня такси? Отвратительная сцена!

Ванда разразилась громкими рыданиями. Леонард пытался успокоить ее. Мильхау с зубовным скрежетом глядел вслед уходящей Марго.

– Уплывают мои 80 тысяч долларов! Подумать только!

В такси Марго посмотрела на Базиля. Впервые в ее глазах он заметил растерянность.

– Ведь как сказала! Как будто была совершенно уверена в том, что все сделала я. Значит, эта сцена, по ее мнению, должна означать, что она к убийству не имеет никакого отношения... кто же тогда?

Базиль хранил молчание. Он думал про себя о том, что, вероятно, Марго Ингеллоу могла быть актрисой ничуть не хуже, чем Ванда Морли.

Они ехали в такси по Пятой авеню в потоке машин, которые останавливались на красный свет и тут же продолжали свое движение, как только вспыхивал зеленый, и делали это так слаженно, словно подчинялись какому-то невидимому дирижеру. Марго сидела, прижавшись спиной заднему сиденью, закрыв глаза, ее лицо было абсолютно неподвижным, словно маска из гипса. Базиль, глядя на нее, никак мог понять, что с самого начала привлекло в ней Джона Ингеллоу. Может, потому, что она была непохожа на других женщин?

– Почему Сорока? – произнес вслух Базиль, как будто раздумывая над чем-то.

Она с удивлением широко раскрыла глаза. Они еще были воспалены от ликера.

– Что вы имеете в виду?

– Почему кое-кто называет вас Сорока?

– Откуда я знаю? – Она поглаживала рукой черно-белую кофточку, края которой лежали у нее на коленях. – Сороки обычно бывают черно-белой окраски, а мне как раз нравится такое сочетание цветов. Может, поэтому. Экономишь время и нервы при покупке, если ограничиваешь себя несколькими цветами тканей, которым отдаешь предпочтение. Кроме того, у людей остается о вас впечатление как о личности нестандартной.

«Таким образом она заранее рассчитывала на то впечатление, которое окажет на окружающих, – размышлял про себя Базиль, – она, вероятно, предполагает, что в одноцветном платье с перманентом на голове она будет казаться не просто рядовой, а прямо-таки заштатной женщиной. Только строгие, прямые волосы, смуглая, загорелая кожа, хрустящие шелковые наряды с подчеркнутым черно-белым контрастом превращали ее, Маргарет Ингеллоу, в личность. Забавная логика!»

– Это – единственная причина?

– Что вы имеете в виду?

– Ну вашу кличку или прозвище Сорока.

– Конечно. – Она опустила глаза. – Какие еще могут быть причины?

– Не знаю. Я просто спрашиваю.

– Мои друзья называют меня Марго, а «марго» по-французски означает «сорока». У Джона была мать-француженка, вам это известно. Она уехала в Америку, где устроилась гувернанткой. Отец Джона был другом ее первого работодателя. Джон был единственным ребенком в семье, и они, конечно, его испортили.

– Как у него все началось с Вандой Морли?

Она, криво усмехнувшись, пожала плечами.

– Как обычно начинаются подобного рода дела? Мы с Джоном часто ссорились. Где-то я встретила Ванду, уже не помню где, и она пообещала помочь мне в начал моей артистической карьеры. Я привела ее домой... и вскоре уже она, а не я стала другом Джона. Он даже говорил о своем намерении финансировать ее постановки. Но так как она чисто теоретически все еще оставалась моей подругой, то навещала нас, виделась с ним в мое присутствие, но вначале было очень трудно предположить, что между ними существует любовная связь. Кроме того, они были очень осторожны. Она даже пыталась скрыть от меня свои взаимоотношения с Джоном, чтобы не выдвинула обвинений в измене и не потребовала большей суммы при разводе и разделении наследства. Перед поездкой в Панаму он заявил, что намерен со мной развестись. Он считал, что мне неизвестно, кто его избранница, но я уже догадывалась, кто она, и ответила отказом. Я сделала все возможное, чтобы вернуть его, но... мы по-прежнему продолжали ссориться. У нас не оставалось больше никаких иллюзий по отношению друг к другу. Что-то в нашей жизни сломалось, и мы просто не могли вернуть ее на старую колею.

– О чем вы спорили?

– Так, ни о чем. – Она все не поднимала головы и продолжала играть белыми перчатками, лежавшими у нее на коленях. – Когда мужчина устает от женщины, то для ссоры достаточно любого предложения.

– Одним из них были деньги? Не так ли?

– Деньги? – Она вскинула свои длинные ресницы и вновь с удивлением уставилась на него своими водянистыми, широко раскрытыми глазами.

– Нет. Он не стеснял меня в деньгах. Я могла тратить, сколько хотела. Но мне не нужны были деньги, мне нужен был Джон. Если бы я только раньше знала, что он хотел иметь ребенка.

Она говорила холодным, размеренным тоном, не выдающим никаких внутренних чувств. Базиль никак не мог понять, действительно ли она дорожила Джоном, а не тем престижным положением в обществе и той властью, которой она пользовалась, оставаясь супругой богатого человека.

Такси остановилось в тени жилого небоскреба, который, словно вышка, отражался на серо-голубом фоне неба.

– Хотите зайти?

Он прошел за ней в холл. Скоростной лифт ракетой пролетел двадцать три этажа, и они вышли из него в вестибюль из стекла. Через его прозрачные стены была видна гостиная, очень просторная и безликая, словно холл какого-то отеля. С четырех сторон ее окружала терраса. Из каждого широкого окна были видны спинки летних шезлонгов, макушки кустов, парапет и серо-голубое небо. Теневые навесы превращали гостиную в прохладное, уютное, чистое убежище.

– Замечательное помещение для детишек или прекрасный вольер для любимых животных! – пошутил Базиль.

– У меня нет ни того, ни другого.

– Даже канарейки?

– В Нью-Йорке нет. Есть пара ирландских сеттеров в Фернлейе и целая конюшня верховых лошадей. Мне кажется, там живут канарейки в оранжерее. Но я не обращала на них внимания. Ими занимается мать Джона.

Шурша юбкой, Марго пересекла широкую комнату вышла на залитую солнцем террасу. Она опустилась в соломенное кресло и дотронулась до кнопки звонка, утопленной в подлокотнике. Очевидно, это был условный сигнал, так как тут же появилась служанка с подносом на котором стояла бутылка джина «Том Коллинз» и ваза с фруктами.

– Мадам, вас спрашивает какой-то джентльмен имени Адеан. Мистер Адеан.

– Я не знаю никакого мистера Адеана, – ответила Марго, вопросительно посмотрев на Базиля.

– Это тот человек, который играл одного из слуг Владимира.

– Ну что же! Я готова его принять.

Служанка скрылась в дверях гостиной. Через несколько минут они услышали, как открываются двери лифта. Очевидно, прихожая находилась этажом ниже. Неслышно ступая по мягкому ковру, вновь на террасе появилась служанка и торжественно объявила: «Мистер Адеан».

Он был без шляпы, в рубашке «а-ля-Байрон», распахнутой на груди, но так как он не обладал байроновским профилем, то весь эффект, на который он, вероятно, рассчитывал, был испорчен. Ему явно не шел его ворсистый твидовый пиджак горчичного цвета, так как еще больше подчеркивал рыжеватость его волос и веснушки. В руке он держал трубку, а под мышкой – увесистую, пухлую рукопись, переплетенную в зеленый картон, с медными скрепками, поблескивающими на солнце. Ему не хватало лишь лохматой собачонки, чтобы выглядеть стандартным, преуспевающим литератором.

Очевидно, он крайне удивился, увидев здесь Базиля. Он повернулся к Марго.

– Добрый вечер, мисс Ингелюу. Боюсь, вы меня не помните. Но мы встречались сегодня утром в кабинете Сэма Мильхау, и, кроме того, вчера вечером я был на сцене в тот момент, когда вы выходили из алькова.

– Ну и что? – голос Марго был таким же холодным как кубики льда в ее стакане. Но кроме

нарочитой холодности требовалось что иное, чтобы сбить с толку Адеана. Он сел, не ожидая приглашения, и продолжал, чувствуя себя как дома.

– Сегодня утром полиция расспрашивала меня о вас. Я рассказал им, что видел, как вы вышли из алькова до того, как туда вошел ваш муж. – Адеан выдержал паузу, чтобы с особым акцентом произнести следующую фразу. – Вероятно, не вы его уколошили...

– Действительно, не я.

– Понимаю, это правда, но... – Кривая ухмылочка играла на губах Адеана. – Я – единственный свидетель, который может это подтвердить.

Марго бросила на него пронзительный взгляд.

– Вы пришли, чтобы напомнить мне об этом?

– Вообще нет. – Адеан воровато посмотрел на Базилю, словно спохватившись, что балансирует на грани шантажа в присутствии представителя окружного прокурора.

– Нет, я просто хочу выразить свои соболезнования в связи с кончиной вашего мужа, и мне крайне жаль, что вам при этом пришлось так много пережить. Кроме того, у меня к вам есть деловое предложение. Сэм Мильхау сказал, что вы интересуетесь театром. Теперь, когда вы унаследовали состояние Ингелоу, почему бы вам не взяться за финансирование моей пьесы? Может, вы сообразовите ее прочесть?

Марго смотрела на него, лишившись дара речи. Она никак не могла понять, о чем он толкует. В эту минуту Базиль вспомнил давнишнюю историю об одном ловком суперторгаше, который однажды составил такое послание: «Дорогой Мистер Смит! Я очень сожалею о печальной кончине вашей матушки и хотел бы в этой связи заодно узнать, не желали бы вы приобрести недавно выпущенный нашей фирмой буклет юмористических приветствий.»

– Посмотрите, прошу вас, – Адеан всучил ей в руки толстую рукопись и откинулся в своем кресле-качалке настолько довольный собой, словно он оказал ей невесть какое одолжение.

Марго казалась ошарашенной такой лобовой атакой. Механически она начала перелистывать страницы. Адеан повернулся к Базилею.

– Она называется «Давайте уничтожим привычное!».

– Зачем? – спросил Базиль.

– Почему бы и нет? – прошептала Марго.

– Это цитата из Спендера, – объяснил Адеан. – Смысл ее заключается в любом социальном потрясении, которое по своей силе затмевает все остальное.

– В отрыве от контекста она звучит примерно так: «Давайте уничтожим все автомобили!» – улыбнулся Базиль.

– Вы считаете, что кто-то догадается о смысле этого выражения? – спросила Марго.

– А зачем им стараться? Вначале никто не понимал что означает «Дорогой Брут», «Атомный гриб», «Мыши и люди». Давая пьесе неясный, хитрый заголовок, вы стараетесь озадачить людей. Он заставляет их рыться в словарях, и таким образом создается молва о пьесе. Моя первач сцена разворачивается в прибрежном кабаке. Когда поднимается занавес, на подмостках находятся три лица – Лулу, Крысолицый и Багси.

Марго жестом дала понять, что все, что она прочитала ей не по душе.

– Еще одна пьеса о гангстерах?

– Ничего подобного. Она скорее похожа на «Табачную дорогу», но действие происходит в Нью-Йорке. Здесь вы найдете смачные, но вполне земные персонажи, – продолжал он. – Лулу – сводница. Голова Крысолицего еще в детстве, когда ему было три годика, побывала в гидравлическом прессе, и с тех пор он таким искореженным и остался. Один Багси – вполне нормальный человек, но время от времени у него появляется острое желание отведать человеческой крови, и для удовлетворения своего желания он должен кого-то убить. Что он и делает время от времени.

– Он и есть ваш главный герой? – злобно спросила Марго.

– В пьесе нет героя, – обидевшись, проговорил Адеан. – Все действующие лица – слабые, невежественные люди, которых жизнь занесла в самодовольное, лицемерное общество. Я показал их в истинном свете – они отвратительны и жестоки, но все же они могут быть человеческими и жалостливыми. Привередам не нравится та сцена, когда Багси убивает

ребенка-калеку, но если в зале найдется пара реалистично мыслящих умов, то они будут лишь приветствовать такое честное утверждение совершившегося факта. Но Багси находится в наркотическом бреде. Входит Лулу и начинает бить его ногой в пах... Он выдирает у нее клочок волос и...

– Достаточно, мистер Адеан. – Марго бросила рукопись на столик. – Я не намерена ставить вашу пьесу.

Адеан не скрывал своего изумления.

– Но вы даже не прочитали ее до конца!

– Нет. И не стану. Я приняла решение, а мое решение твердо, – сухо ответила она. – И в реальной жизни полно ужасов, мистер Адеан, особенно сейчас, в наше время, когда повсюду в мире льется кровь, раздаются выстрелы. Люди не хотят любоваться такими картинами на сцене.

– Но послушайте, – Адеан начинал волноваться. – Постановка такой смелой пьесы окажет услугу нашему обществу. Только так можно доказать, что за паскудная вещь эта жизнь. Кроме того... – он перешел от идеи к практическому ее воплощению, – публика заплатит кучу денег, чтобы только увидеть ту сцену, где Лулу и Багси... подождите, сейчас я вам ее прочту.

Он протянул руку к рукописи, но не успел до нее дотронуться, как Марго вскочила на ноги и заорала:

– Я знаю, о чем здесь идет речь! Я готова оказать финансовую поддержку любой пьесе, но не вашей!

– Может, у вас есть другие идеи?

– Да, есть. Подождите минутку.

Она стрелой вылетела с террасы и захлопнула за собой двери в комнату. Но через распахнутое окно было слышно, как она набирает номер телефона.

Адеан посмотрел на Базиля и тяжело вздохнул.

– Ах, если бы она только послушала эту сцену. Я заимствовал ее из книги, посвященной психопатологии. Крафт-Эттинг и...

– Это – вторичное сырье, – сказал Базиль. – Мне казалось, что драматурги-реалисты должны черпать свой материал из реальной жизни. Почему бы вам не написать пьесу, основанную на собственном опыте?

– Но в моей жизни нет ничего, кроме скуки. Со мной никогда ничего не случается. Я никогда не встречал ни садиста, ни нимфомана, даже простого убийцу... – Неприкрытое сожаление звучало в голосе Адеана.

– Я бы этого не сказал...

– Как так? – Кажется, Адеан был поражен. – Вы имеете в виду вчерашнюю премьеру? Забавно. Я ни черта не понял из того, что произошло вчера вечером на сцене. Несколько часов утомительного ожидания приезда инспектора, несколько минут допроса и возвращение домой. Видите, даже убийство скучно, если только оно каким-то образом входит в мою жизнь. Лишь одно показалось мне интересным.

– Что именно?

– Когда вы с инспектором меня расспрашивали, то, вероятно, заметили муху, летавшую над нами.

– Муху? Какую муху? – Базиль был несколько ошарашен. Он никогда не мог предположить в Адеане человека редкой наблюдательности.

– Ту самую, что летала над нами. – Глаза Адеана были устремлены к горизонту. Там серые облака собирались в кучи и разбегались группами все дальше. Небо совершенно посерело и приглушило блеск сияющего неоновым светом города.

– Вы помните тот скальпель, которым был убит Ингелю? А там, в театре, на сцене вокруг нас летала, жужжала муха. Она все время садилась на ручку ножа, а не на его лезвие. Но кровь-то была на лезвии. Мне казалось что мухи всегда садятся на кровь. Мне это показалось несколько странным.

Через открытое окно послышался голос Марго.

– Мистера Мильхау, пожалуйста... Сэм? Ладно, наплевать. Мне абсолютно наплевать на то, раскаивается Ванда в своем поступке или нет... Я тебе звоню по другому поводу. Я хочу, чтобы ты продолжал ставить «Федору», я дам столько денег, сколько будет нужно... Нет, я не

желаю никакой пьесы Грэмби Самундерсова! Или «Федора», или ничего! Причем она должна быть сыграна точно так, как это предполагалось с самого начала, и с теми же актерами. Я посылаю чек... Ванда не должна знать, кто дал деньги на постановку. Чепуха! Убийство на сцене даст тебе хорошую рекламу. Кто будет играть Владимира? Дорогой Сэм, это твоя забота!

Они услышали, как хлопнула брошенная на рычаг трубка. Когда она вернулась на террасу, в ее глазах был виден открытый вызов Ванде.

– Миссис Ингелоу, – протестующе начал Адеан, – опять эта романтическая чепуха Сарду! Ведь ее поставили только ради Ванды. Никому пьеса не нравится. А вот моя «Давайте разрушим привычное!» – это потрясающая реальность. Это будет настоящий взрыв, бомба.

На террасе уже было темновато, так как небо затянуло тучами до самого горизонта. Марго стояла возле окна вполоборота к своим гостям, устремив глаза куда-то вверх, к небу. Начал накрапывать дождь. Они вошли в гостиную.

– Ну что за идея – возобновить постановку «Федоры»! – сокрушался Адеан.

– Разве вы не понимаете? – спросила она, повернувшись к Адеану.

Базиль ответил за него:

– «Зрелище – петля, чтобы заарканить короля!»

– Совершенно верно. Джона убили во время спектакля «Федора», и сделал это кто-то из трех актеров, участвовавших в этой сцене. Я смогу наблюдать за каждым из них каждый вечер и таким образом удостовериться, у кого из них была подходящая возможность прикончить Владимира. Я намерена восстановить все этапы убийства не за один раз, а постепенно, каждый вечер, пока «Федора» продержится на сцене. Рано или поздно, при бесконечном повторении одной и той же сцены, нервы убийцы не выдержат и он сам себя выдаст... или она...

– Но они могут и иначе сыграть эту сцену, – возразил Базиль.

– Актеры обычно играют одинаково одну и ту же сцену вечер за вечером, – убежденно продолжала развивать свою мысль Марго. – Привычка заставляет их запоминать роль. Мильхау ставил эту пьесу, и он позаботится о том, чтобы актеры в точности исполняли все его указания.

– Вы забыли об одном, – вмешался в их спор Адеан. – Люди сцены – очень суеверный народ. Вам никогда не удастся найти актера на роль Владимира.

– Мы найдем кого-нибудь, – уверенно возразила Марго. – Кого-нибудь, кто сильно нуждается в деньгах.

– А почему бы вместе с «Федорой» не поставить вам и мою пьесу, – упорно продолжал гнуть свое Адеан. – Может, я оставлю текст, а вы после того, как прочтете...

– Я не стану финансировать постановку никакой другой пьесы, кроме «Федоры», – твердо ответила Марго. – Ванда Морли излечила меня от болезненного интереса к театру. С меня достаточно сцены и артистов до конца дней моих...

– Вы еще об этом пожалеете! – В эту минуту Адеан был похож скорее на неудачника-бизнесмена, чем на разочарованного драматурга. – Вы выбрасываете на свалку Целое состояние! Рано или поздно я найду продюсера, и тогда вы будете кусать локти! Где моя рукопись?

– Вероятно, на террасе, – с безразличным видом ответила Марго.

Адеан прошел мимо нее и рывком открыл дверь на террасу. Ветер бросил ему несколько капель в лицо. «Боже!» Он сделал прыжок вперед, издав такой рык, какой издает тигрица, заметив, что ее детенышу грозит опасность. Ветер носил по террасе отдельные, разрозненные листки белой бумаги. Это были листки из рукописи Адеана. Базиль поспешил к нему на помощь, и вместе им кое-как удалось собрать всю рукопись. К великому счастью, ни один из листков не перелетел через парапет, но все они промокли от дождя. Адеан запихнул влажную бумажную массу между зелеными картонками обложки.

– Как же это могло случиться? – возмущенно повторил он вопрос.

Нигде не было и следа от медных скрепок, соединявших вместе страницы рукописи. Ветер легко гонял страниц бумаги. Но ветер не мог разжать эти скрепы! Адеан смотрел в недоумении на Базиля. Он был очень сердит и ничего не понимал.

– Вы уверены, что скрепы были плотно прижаты?

– Конечно. Перед уходом из дома я крепко-накрепко защебил их. Я всегда боюсь потерять хотя бы один листочек.

Они посмотрели на Марго. Она неподвижно стояла в двери, наблюдая за их суетой. Щеки ее были залиты красной краской, а водянистые глаза сияли, словно зимнее солнце.

– Возможно, скрепы просто выпали из рукописи, Адеан, – успокаивал его Базиль. – Может, они лежат на террасе?

– Нет. Их нигде нет, – твердил Адеан, ползая на коленях по террасе и заглядывая под кресла. – Они исчезли. Может, служанка...

– При чем здесь служанка? Разве это такая большая ценность?

– Может, все же ветер?

– Может, – неуверенно повторил Базиль.

Они снова вошли в гостиную и закрыли окно, в которое барабанил дождь. Базиль внимательно смотрел на Марго. Разве она была способна совершить такой ребяческий поступок? Могла ли она сделать это в тот момент, когда стояла возле окна, выходящего на террасу, возле садового столика, на котором лежала рукопись? Если принять во внимание, что эта пьеса – полный вздор, что Адеан вел себя нагло и вызывающе, пытался даже ее шантажировать, то, наверное, можно объяснить такой способ мщения, пусть даже мелочный и недостойный...

Надувшись и нахмурившись, Адеан сунул рукопись подмышку.

– Теперь лучше уйти...

– Я пойду вместе с вами, – сказал Базиль.

– Доктор Уиллинг, не уходите! – Марго не обращая никакого внимания на Адеана. – По крайней мере, подождите, пока пройдет дождь. Мы можем выпить чаю кофе.

Но Базиль хотел поговорить с Адеаном наедине.

– Нет, миссис Ингеллоу, мне действительно пора.

...В лифте Адеан, обращаясь к Базилу, мрачно заметил:

– Знаете, доктор, у меня сложилось такое впечатление, что эта женщина меня не жалуется.

– Вы обратились к ней в неподходящий момент, сразу после смерти мужа.

– Но ведь они не жили вместе, правда?

– Может, она не хочет, чтобы ей об этом напоминали.

– Не знаю, что со мной происходит. – Казалось, что Адеан действительно расстроен. – Я не уживаюсь с людьми. У меня просто не хватает такта.

– Кто-то сказал, что такт – это не что иное, как любовь, – ответил Базиль. – Никакой разум не заменит сострадания, если, например, вы поставите себя на место другого, то сразу почувствуете это.

– Я не могу сострадать женщине, которая обладает всем тем, чем хотел бы обладать я! – воскликнул он с горечью в голосе. – Как же вы прикажете жить, если не позаботиться о себе самом?

– Ну на сей раз вы не очень преуспели, будем откровенны, – сказал Базиль.

Привратник остановил такси. Адеан пожелал, чтобы его отвезли прямо в театр.

– Такт! Такт! – вслух размышлял он над этими словами, не скрывая своего отвращения. – Я не знаю ни одного продюсера, который бы взялся за финансирование моей пьесы. Она уже два или даже три года кочует из одной конторы в другую. Я так стремился попасть в театр, но это все равно что карабкаться по стеклянной стене, высокой, холодной, скользкой и гладкой, без единой зацепки. Талант ничего не значит. Все дело в блате. Я уже расстался со всякой надеждой, когда вдруг сегодня утром Сэм Мильхау представил меня миссис Ингеллоу. Они собирались вместе пообедать, после чего я мог с ней поговорить. Я слышал, что она без ума от сцены, что она унаследовала его деньги. Кроме того, ведь она кое-что мне обещала. За сообщение полиции и мое предположение, что вряд ли она могла убить своего мужа.

– И она оказалась признательна вам за это?

Вновь Базиль почувствовал, что его ирония прошла мимо ушей Адеана.

– Послушайте. Ведь я единственный человек, который свидетельствовал, что она вышла из этого алькова до как туда вошел этот Ингеллоу.

– А что, это действительно было так?

На лице Адеана появилось удивление.

– Стану я врать полиции ради такой дамочки! Это правда. И она кое-чем мне обязана. Я в

этом твердо уверен. Я спас ее от многих недоразумений. Я решил, что представился какой-то шанс, и попытал своего счастья. А в результате что я получил? Холодный душ! Как, по вашему мнению, она расстроена смертью мужа, этого парня с которым хотела развестись? Я ведь сказал, что сожалею о ее потере, а?

Базиль про себя твердо решил прекратить с ним эту дурацкую беседу, но Адеан был неисправим.

– Если бы она прочла эту сцену, где Багси и Лулу вместе со всей бандой ловят Фло, – продолжал он. – Типичнейший крутой реализм, срез настоящей жизни, свежий, кровоточащий! Я взял его у Крафта-Эттинга. – Он взглянул на Базилья. – А знаете, доктор, вы можете оказать мне чертовски необходимую услугу.

У Базилья сложилось такое впечатление, что Адеан квалифицировал любого встречного с точки зрения его полезности для собственной персоны.

– Боюсь, что мне не по карману постановка вашей пьесы...

– Да нет. Я имею в виду другое. Вы ведь психиатр, не так ли? А все персонажи в моей пьесе – это люди «с приветом», психопаты. Вы бы могли мне рассказать поподробнее о симптомах, прочих вещах. Вот, например, Багси – типичный садист. Разве может он быть простым, дружелюбным парнем, если ему нравится лакать человеческую кровь? С психологической точки, конечно.

Базилью вовсе не хотелось напрягать мозги.

– Пойдите в медицинскую библиотеку и прочитайте специальную литературу.

– В какую медицинскую библиотеку?

– В ту, что на углу Шестой авеню и 103-й улицы Там вы найдете все, что вас интересует. У них там есть даже такие книги, которые не сыщешь ни в публичных библиотеках, ни в Колумбийском университете.

Адеан недовольно надул губы.

– Трудно для простого человека, вроде меня, разыскивать в библиотеках подобные материалы...

– Но вам нужен обычный справочник, больше ничего, – посоветовал ему Базиль. – Что-то вроде небольшой медицинской энциклопедий, в которой вы найдете все обходимые сведения о симптомах болезни, методах лечения и т. д. Затем вы описываете все это применительно к своим персонажам, принимая во внимание местный колорит, и все.

– Угу, – ответил Адеан. – Если даже я найду такую книгу, то мне придется с ней повозиться не меньше года.

– Тогда почитайте Багра, Тайса и Куши...

Такси повернуло на 44-ю Западную улицу. Базиль пытался решить, будет ли ему благодарно потомство за то, что он добавил патологии в пьесы Адеана.

– Каждый из этих авторов записал все свои наблюдения и исследования в нескольких томах. Прочитав кое-что у них, вы сможете сделать определенные выводы, сравнить с вашими персонажами и таким образом избежите ошибки. Если вам нужны еще дополнительные детали, то поройтесь в библиографии.

Адеан вежливо, с изысканной грациозностью выбрался из такси.

– Ну пока, доктор. Спасибо, что подвезли.

Он повернул за угол и заковылял вниз по переулку к служебному входу – смешная, нахохлившаяся фигурка с развевающимися рыжеватыми волосами, в твидовом пиджаке горчичного цвета, который поливал дождь.

Базиль назвал таксисту адрес Сеймура Хатчинса и, закрыв глаза, откинулся на заднем сиденье. И вновь перед глазами замаячил Адеан, в таком виде, в каком он появился на террасе, – решительным шагом направляясь к Марго, держа под мышкой свою рукопись в зеленом переплете, пронизанную медными скрепами, сияющими на солнце...

Глава девятая РЕПЛИКА В СТОРОНУ

В районе западных сороковых улиц стоял недорогой обшарпанный отель. Обычный облезлый отель, которых немало в Нью-Йорке. Только истинные ньюйоркцы, которым знакомы все планы города, все повороты и изгибы его стритов и авеню, знают, что именно этот отель на протяжении десятилетий был прибежищем для тех людей сцены, которые не могут позволить себе жить в богатых загородных клубах – или фешенебельных гостиницах. Молодые актеры, карабкающиеся вверх по лестнице своей карьеры, и старики уже спокойно бредущие вниз, неизменно разминутся в этом придорожном доме, ставшем разделительной чертой между провалом, и провалом и успехом.

Сеймур Хатчинс жил здесь еще до того, как стал «звездой», и вернулся сюда снова, когда его звезда закатилась. По словам Мильхау, который дал Базилю адрес, Ванда Род тоже жила здесь в юные годы, в отличие от Леонарда который всегда снимал небольшую комнатку на чердаке в районе «Плейерс», когда бывал в Нью-Йорке, независим от того, сколько он зарабатывал.

– Надеюсь, вы простите меня за неожиданное вторжение, – начал Базиль, входя в комнату, – но я хотел бы получить от вас некоторые сведения, касающиеся этого дела, сведения, которые нам не может дать ни один человек подозреваемый в убийстве.

– Что вы, что вы, проходите! – и жестом, свойственным посланцам крупных держав, Хатчинс пригласил Базиля занять одиноко стоявшее у окна кресло, а сам примостился на подоконнике.

– Я охотно окажу вам помощь, если только смогу. Но, откровенно говоря, я не вижу, чем могу быть полезен. Если речь идет о той моей реплике – «Ему не уйти отсюда, теперь все против него!», – то ничего нового я сообщить не могу. Я долго размышлял над этим, рассматривая эту строчку со всех сторон, но никак не мог обнаружить в ней какого-то особого значения, скрытого смысла.

Базиль вытащил из кармана листок бумаги – расчетное время первого акта, график, который составил для него Родней сегодня утром.

– Я забыл спросить вас об одном. Можете ли вы, хотя бы приблизительно, назвать время, когда вы произносите эту фразу?

Хатчинс наклонил голову, словно напряженно вслушиваясь в вопрос.

– Я могу сказать, но только приблизительно, весьма неточно, – наконец ответил он. – Занавес поднимается в 8.40, а я выхожу в 8.51. Реплика произносится спустя двенадцать минут после выхода, значит, около четырех-пяти минут десятого...

– Ну что ж, даже приблизительная цифра лучше, чем ничего, – прокомментировал Базиль и записал на полях расписания Рода время, указанное Хатчинсом.

– Вы можете получить кое-что и поточнее, – вскинул внезапно глаза Хатчинс и посмотрел в упор на Базиля. – Вы, конечно, слышали, что Сэм Мильхау собирается продолжить постановку «Федоры»? На завтра, на 9.30 назначена репетиция. Если хотите, то можете прийти в театр в качестве моего гостя – еще один штришок посольского величия! – и вы сами все сможете проверить по времени.

– С большим удовольствием.

Базиль заметил, что Хатчинс чем-то обеспокоен. Это стало заметно по его поведению. Он словно не находил себе места в собственной квартире.

– Послушайте, Сеймур, вам не нравится идея возобновления постановки?

Он ответил уклончиво:

– Вы слышали что-нибудь о доктрине «вечного повторения»?

– Вы имеете в виду ту теорию, по которой время обладает как шириной, так и длиной?

– Грубо говоря, да. Мы все думаем и говорим о долготы времени, но некоторые философы считают, что оно еще может обладать и шириной, что существует нечто большее, чем одно двадцатое столетие, и мы находимся в его власти, и оно заставляет нас повторять все свои ошибки и все промахи нашей жизни на протяжении вечности.

Базиль улыбнулся.

– Идея широтного времени – это развлекательное умственное упражнение, но я сомневаюсь, что вселенная устроена именно так. Во всяком случае надеюсь, что не так. В противном случае ад из огня и горячей серы покажется уютным курортом, а рай предстанет каким-то атеистическим паноптикумом.

– Может быть, но такая идея находит понимание в среде актеров, так как они проводят большую часть своей жизни, повторяя одно и то же действие бесчисленное количество раз. Никто лучше актера не понимает громадную, импульсивную силу привычки.

– Эта идея обладает некоторой привлекательностью и для психиатра, – признался Базиль. – Венская школа собрала немало свидетельств, предполагающих, что стоит человеку хотя бы раз в жизни испытать горечь неудачи, он всю жизнь будет повторять свою ошибку в подобной ситуации. Во многих случаях привычка значительно сильнее уроков опыта, вероятно, из-за того, что психические факторы, формирующие такую привычку, никогда не исчезают и постоянно ее поддерживают и укрепляют. Конечно, такая тенденция к повторению особенно ярко выражена у невротиков и преступников.

– И убийц? – улыбнулся Хатчинс, но язвительной улыбкой. – Теперь вы понимаете, почему мне не нравится идея возобновления «Федоры». Как бы там ни было, я побоялся бы сыграть роль Владимира!

– Насколько я понимаю, роль Владимира будет играть актер из другой труппы, – сказал Базиль. – Это должно ликвидировать любые мотивы для повторного убийства, и кроме того, такое повторение будет связано для убийцы с большим риском.

– Да, все это звучит вполне убедительно, но все равно я против такой идеи. Молва утверждает, что мы, актеры отличаемся суеверием. Но что можно поделать с самим собой, если во многом наш успех зависит от случая? Нельзя заранее предугадать, удастся ли пьеса, будет ли ей сопутствовать продолжительный успех после удачной премьеры. Все это – типичная азартная игра, и у всех у нас психология игроков.

Базиль решил про себя, что представилась возможность задать еще один вопрос, как бы случайно, ненароком, не придавая ему видимого значения.

– Тем более странно, что Мильхау намерен продолжать постановку «Федоры» в этом сезоне, – сказал он самым безразличным тоном. – Насколько я могу судить по первому акту, в этой пьесе нет ничего такого, что может понравиться современной публике. Как вы думаете, почему ему в голову пришла такая идея?

– Мне кажется, что все дело в Ванде. Ей захотелось сыграть главную роль, – ответил Хатчинс так, как будто этот вопрос не имел абсолютно никакого значения. – Я не знаю, почему эта идея пришла ей в голову. Но я не могу согласиться с вами, что эта пьеса – мертворожденное дитя. Мне кажется, что у нее больше жизненной силы, чем у некоторых современных пьес, набитых аморфной чушью. – Он прервал свою речь улыбкой. – Хотя вряд ли чушь может быть аморфной.

Его взгляд упал на шляпу Базиля, лежавшую на кровати.

– Как вы называете этот предмет?

– Серая фетровая шляпа.

– Так. А еще как?

– Мягкая фетровая шляпа.

– А еще как?

Базиль, догадавшись наконец, рассмеялся:

– Федора!²

– Вот именно. Теперь у вас есть какое-то представление о том, как вначале была популярна эта пьеса. А если бы видели Бернар в роли Федоры, то тогда бы у вас не осталось никаких сомнений на этот счет.

– Простите, это вы рассказали Ванде Морли анекдот об Эдуарде VII, который играл роль Владимира в «Федоре»?

– Да, я. – Лицо Хатчинса посерьезнело. – Об этой истории где-то слышал Леонард Мартин, и однажды на репетиции он спросил меня, правда все это или же актерская выдумка. Ванда слышала наш разговор и попросила нас рассказать ей об этом занятном случае поподробнее. Возможно, именно поэтому ей пришла в голову идея пригласить Ингелоу на роль Владимира. Я хотел бы, чтобы вы переубедили Сэма Мильхау и заставили бы его отказаться от

² «Федора» – мягкая фетровая шляпа.

возобновления спектакля «Федора». Но знаете, почему он на этом настаивает?

– Частично оттого, что он нашел финансиста, – сказал Базиль, не называя имени Ингелю. – И он хочет получить обратно затраченные деньги.

– Никаких иных причин? – хитро спросил Хатчинс.

– По его мнению, это лучший способ для спасения репутации труппы и действующих в этой пьесе лиц, в частности мисс Морли. По официальной версии, которую муссируют газеты по милости его рекламного отдела, Ингелю – случайный знакомый мисс Морли, и убийство не имеет никакого к ней отношения, как и вообще ни к одному из актеров его труппы. Лучший способ доказательства таких слов – это продолжить играть на сцене ту же пьесу, как будто ничего не произошло.

– Но ведь вполне очевидно, что кто-то из действующих в пьесе исполнителей – убийца!

Базиль недоуменно пожал плечами.

– До тех пор, пока убийца не выведен на чистую воду, все члены труппы невиновны. Возможно, к тому же Мильхау считает, что продолжение жизни спектакля поможет добиться более устойчивого психологического состояния актеров – что-то вроде того случая, когда летчика сразу же посылают в полет после того, как он потерпел аварию.

– Насколько я знаю Мильхау, у него в голове вряд ли могут возникнуть столь альтруистические соображения, – возразил Хатчинс. – Он одержим одной идеей – выжать деньги из охваченной страшным предчувствием, любопытной, жадной до зрелищ простой публики, и он это сделает, будьте уверены. Я уверен, отбоя не будет от желающих посмотреть первый акт именно в той его интерпретации, в какой он был поставлен до убийства Ингелю, так как зрители прекрасно знают, что кто из актеров, находящихся на сцене, – убийца. Это больше чем обычный «абсолютный реализм» Мильхау. Можете себе представить, как будоражит нервы перспектива увидеть настоящего убийцу на сцене, играющего в пьесе, которой произошло настоящее убийство! Но каково будет нам, актерам, там, на сцене, если не известно, кто это он или она?

Базиль решил не сообщать Хатчинсу, что существует четвертый подозреваемый – Марго Ингелю – и что она вновь получит доступ на сцену, на сей раз в качестве продюсера пьесы.

– Не считаете ли вы, что этот печальный случай может привести к уходу из труппы какого-нибудь актера?

– Вряд ли кто-нибудь из нас может позволить себе расторгнуть контракт с таким влиятельным продюсером как Мильхау, но... – в глазах Хатчинса загорелся холодный огонек, – но у него нет контракта с актером, который должен играть роль Владимира, и ему будет чертовски трудно найти кого-нибудь для этой цели. Но он никогда не станет пользоваться манекеном. Не столь реалистично. Именно Владимир может зажечь красный свет. И я искренне надеюсь, что так и будет.

– Мистер Хатчинс, – снова обратился к нему Базиль, – вы знаете этих людей несколько лет. Вы можете рассказать нам о них больше, чем кто-либо другой. Что вы, например, скажете о Дерекке Адеане?

– Обычная вошь в литературном потоке, – быстро, не задумываясь, ответил Хатчинс. – Интеллектуальный паразит. Если какая-то пьеса получает резонанс, имеет успех, то он тут же стряпает почти такую. Он называет это – «следовать традиции». Я называю это несколько иначе – плагиатом. Ему однажды действительно удалось поставить свою пьесу – слабое подражание известному спектаклю «Наш городок», которую он назвал «Наш город». Она жила ровно два вечера. Теперь он подходит к проблеме творчества с другого бока – к прославлению самого извращенного культа насилия, бесповоротному отрицанию всех человеческих добродетелей и воспеванию всех человеческих пороков. Но стоит лишь войти в моду иному взгляду на жизнь, как он тут же воспринимает его с не меньшим энтузиазмом. Некоторые люди, обладающие талантом, не имеют особых амбиций. У Адеана такового нет, зато есть огромные, колоссальные амбиции. Таких, как очень много, и некоторые из них значительно больше преуспели по сравнению с ним. Для них искусство – это легкий путь к достатку, к приличной жизни. Все для них просто, потому что им неведома боль, агония творчества, которых не избежать настоящему актеру.

– Не кажется ли вам, что Адеан чудовищно глуп, – спросил Базиль, – или он просто

ничего не чувствует?

– Его не назовешь глупцом в обычном смысле этого слова. Я бы сказал, что у него есть интеллигентность, но нет интеллекта, он хитер, но далеко не мудр. И, конечно, он не обладает ни одним из достоинств, вызывающих симпатию, у него нет ни шарма, ни... такта. Это лишает его возможности добиться успеха. Он никогда не умел скрывать собственный эгоизм, как это делает большинство из нас, поэтому его так не любят.

– Прибегнет ли он ко лжи, если такая ложь поможет ему поставить собственную пьесу?

– Думаю, что да.

– А что вы скажете о тех трех ваших знакомых или друзьях, которые находятся под подозрением?

– Леонард – это настоящий актер старой школы, которому по плечу любая роль. Ванда и Род – представители современной актерской манеры игры – безыскусный натурализм, доведенный до абсурда.

– Спасибо, Сеймур. Но, простите, я хочу задать вам еще один вопрос. – Базиль внимательно смерил взглядом насторожившегося Хатчинса. – Скажите, слово «канарейка» говорит вам что-нибудь в связи с этими тремя актерами – Вандой, Леонардом и Роднеем?

– Нет, ничего.

На лице у Хатчинса появилось такое озадаченное выражение, что Базиль поспешил объяснить ему цель поставленного вопроса.

– На достаточно разумном основании мы полагаем, то убийца наточил нож, которым совершил убийство, в точильной мастерской Лазаруса. Перед выходом оттуда он пустил из клетки канарейку. Судя по всему, это какая-то прихоть, каприз, но, вероятно, здесь кроется какая-то причина. Подумайте о прошлом этой троицы и, может, вам удастся предположить что-нибудь в этой связи.

– Вряд ли, – ответил Хатчинс, подумав минутку. – Вы считаете, что этот факт может служить каким-то сигналом, символом?

– Честно говоря, я не знаю. Конечно, большинство преступников – невротики. Преступление – это, по сути дела, форма невроза. Вот почему преступники обожают всевозможную символику, фетишизм. Я могу привести пример сотни подобных случаев: взломщики, которые оставляют на месте преступления какую-нибудь разноцветную тряпку, убийцы, рисующие черных кошек, других животных и т. д.

– Но что может символизировать канарейка? – Было заметно, интеллектуальное любопытство Хатчинса становилось все настойчивее. – А не поможет ли нам словарь? Ну-ка, ну-ка... – Он подошел к полке, взял из ряда толстых книг одну и раскрыл, положив себе на колени, начал читать вслух, включая сокращения.

– Ка-на-рей-ка (кн. – мн.ч.). «От исп. «са а о», птица, вид танца. От лат. «Канарские острова», названные так из-за обитавших в тех краях собак огромного размера. (По лат. «canis» – собака.)

2. Вино, производимое на Канарских островах.

3. Старинный танец (уст.).

4. Птичка канарейка или характерный для нее цвет.

5. Канарейка – вид певчих птиц, типа зяблика, жительница Канарских островов, повсеместно считается любимой птицей для домашнего содержания; наиболее распространенная в мире птица, приспособленная долгое время жить в неволе. Вот все. Как видите, особой помощи от словаря мы не получили, – сказал Хатчинс, посмотрев на Базиля с беспомощной улыбкой. – Собака, остров, вино, танец? Небогатый выбор.

– Достаточно, достаточно, – перебил его Базиль. – Вы еще больше запутываете все дело!

Хатчинс рассмеялся и звонко захлопнул книгу, Базиль встал и взял свою шляпу. В окнах многих домов уже загорелись огоньки лампочек, которые гирляндами висели в надвигающихся сумерках. И вдруг он увидел огненные письма: «Теперь время для чашки тилбургского чая». Только сейчас он начал понимать, почему линия горизонт выглядела до странного ему знакомой – это был тот самый вид, который он рассматривал под другим углом.

– Вон та стена с пожарной лестницей, вероятно, и есть стена Королевского театра, – воскликнул он. – А вон то маленькое строение напротив нас и есть то сам здание –

«налогоплательщик», которое находится рядом тупиком, ведущим к служебному входу в театр!

– Да, вы правы. – Хатчинс не отрываясь следил за глазами Базиля. – Не правда ли, забавно, как небольшое смещение угла зрения может изменить весь окружающий пейзаж?

– Наверное, эта горящая неоновая надпись небоскреба Тилбери действует вам на нервы?

– Ко всему привыкаешь...

Когда Базиль был уже у двери, Хатчинс его окликнул.

– Одну минутку, доктор. – Он отложил книгу в сторону и подошел к Базилю. – Знаете, вы что-то нечаянно сейчас сказали весьма важное.

– Что именно?

– Вы сказали, что я своими рассуждениями еще больше запутываю все это дело с канарейкой. А вам не приводила в голову идея, что вы сами это запутываете еще больше?

Базиль не смог сдержать улыбки.

– Хм, может, в вашем замечании что-то и есть! Может, вы и правы. Это – один из моих самых больших недостатков. Я всегда стремлюсь разрабатывать идею, обращая внимание на такие оттенки, обладающие подспудным, потенциальным значением, и иногда упускаю из виду самое главное. Возможно, убийца, освобождая птицу из клетки, руководствовался настолько простым и явным мотивом, мимо которого я прошел, так ничего и не заметив. Я искал что-то туманное, слишком запутанное. Мне так было нужно увидеть то, что я увидел через ваше окно! Всего лишь незначительный сдвиг угла зрения!

Глава десятая РЕПЕТИЦИЯ

Ранним утром театральный район города выглядит таким же неопрятным и растрепанным, как женщина, которую зоря застала еще в вечернем платье, в косметике, рассчитанной на яркий искусственный свет. Но в это утро Базиль взирал на окружающий городской пейзаж с определенной снисходительностью. Он знал, что через часа два-три все здесь изменится, приобретет благопристойный вид. Он больше не спрашивал себя, нравятся ему небоскребы или нет, красивы они или безобразны, удобно в них жить или нет. Теперь все его внимание привлекал небоскреб Тилбери.

Чей-то робкий голос вызвал его из лабиринта сентиментальных рассуждений.

– Простите, вы не укажете, как пройти в контору мистера Мильхау?

Базиль оглянулся и увидел перед собой высокого, основательно заросшего юношу, с выплывшими волосами. Его поношенный костюм был аккуратно выглажен, потрескавшиеся ботинки тщательно начищены до блеска. Его манера поведения являла собой какую-то слабо выраженную смесь нетерпения и беспокойства.

– Я провожу вас. Мне как раз нужно к нему, – сказал Базиль.

Контора Мильхау была на первом этаже справа от кассы две маленькие комнатки, такие же темные и лоснящиеся от грязи, как и сам Мильхау, только от жира. Вход в контору улицы находился в ведении злобной фурии с мягкими, про до невероятности золотистыми волосами и карими большими глазами. Она сразу узнала Базиля, так как видела его вместе с сотрудниками полицейского управления, когда впервые в театре стало известно о смерти Ингеллоу.

– Доктор Уиллинг, проходите, пожалуйста.

Ее каменный взгляд переместился на юношу. Тот смешался, покраснел и пробормотал что-то едва слышное и неразборчивое. Немного пожалев его в душе, Базиль оставил его наедине с собственной судьбой, а сам вошел в кабинет продюсера.

– Привет! – сказал Мильхау, не вставая из-за сто, и жестом приглашая Базиля сесть в кресло напротив, и тут же пододвинул к нему коробку сигар.

– Хатчинс сказал мне, что вы хотите поприсутствовать сегодня на репетиции. Мне, конечно, все равно, но не угодно ли вам сообщить, что за великая мысль кроется за столь необычным желанием?

– Расчет времени.

– Расчет времени? – недоуменно повторил Мильхау и откусил кончик сигары. – Что-то не

понимаю. Ни у кого из них нет алиби. Я имею в виду тех, кто попал под подозрение.

Он помолчал, ожидая ответа Базиля. Его не последовало.

– Послушайте, доктор Уиллинг. Никто здесь не знает, что миссис Ингелоу финансирует возобновление постановки «Федоры», кроме нас с вами и Адеана. Он рассказал мне о вашей встрече с Марго. Надеюсь, вы будете держать язык за зубами, так как...

Дверь широко раскрылась, и злая фурия влетела в кабинет.

– К вам явился какой-то мистер Рассел, говорит, он от Карсона. – Она была страшно взволнована. Глазки Мильхау сузились.

– Значит, они все же кого-то нашли? – спросил он спокойным уравновешенным тоном.

– Судя по всему, да. Парень, по его словам, провел шесть недель в больнице. Газет, очевидно, не читал. Он явно не из таких.

«Ах вот оно что», – подумал про себя Базиль, перехватывая сообщение, посланное глазами девушки своему шефу.

– Простите, доктор Уиллинг, одну минуту, – сказал Мильхау.

– Да, пожалуйста, – ответил на любезность Базиль, поудобнее устраиваясь в кресле.

По всему виду Мильхау было ясно, что присутствие в данный момент в кабинете Базиля его совсем не устраивало, но он не осмелился выразить свое неудовольствие вслух. Повернувшись к секретарше, он бросил:

– Пусть войдет...

Заросший малый, которого Базиль встретил на улице, неуверенно вошел в комнату, озираясь по сторонам.

– Моя фамилия – Рассел. Я из агентства по найму Лемуэля Карсона. Мистер Карсон направил меня к вам, сказав, что у вас есть для меня крохотная роль в пьесе «Федора».

– Да, есть, – голос Мильхау звучал приятно, радушно, но взгляд его не выражал ничего, кроме холодной, расчетливой оценки визитера. – Обычная работа на выходах. Вы появляетесь только в первом акте. От вас требуется только одно: спокойно, не двигаясь, лежать на кушетке в алькове в глубине сцены. Предполагается, что вы умираете.

Юноша улыбнулся.

– Я, конечно, отлично с этим справлюсь. Вот уже шесть недель, как я ничего не делал. Валялся в больнице.

– Сколько реплик я произношу?

– Ни одной!

На лице парня появилось кислое выражение. Базиль вспомнил, что на маленьких ролях вознаграждение актера находится в прямой зависимости от количества произносимых им на сцене фраз.

Мильхау, однако, продолжал говорить спокойным, уравновешенным тоном.

– Будете получать пятьдесят долларов в неделю.

– Пятьдесят зелененьких и не произносить ни строчки? – нервно улыбнулся Рассел. – Похоже, что здесь что-то нечисто!

– Дело в том, что у меня нет времени и я не могу подыскать на эту роль профессионального актера за короткий срок, – уверенно ответил Мильхау. – Более того, у вас будет только одна репетиция. Потом, если все пойдет хорошо, подпишем контракт.

– Хорошо. Это меня устраивает. – Рассел весь сиял от удовольствия, словно он только что отыскал горшочек полный золота, в том месте, где из земли поднимается небу радуга.

Вновь яростно хлопнула дверь. На этот раз вошла не секретарша, а Родней Тейт. Его хирургическая сумка совсем не вязалась с аккуратным твидовым пиджаком и фланелевыми бриджами. Он коротко кивнул Базилю, проигнорировал Рассела и напрямик направился к столу, за которым восседал Мильхау. Перед его носом он перевернул вверх дном сумку и высыпал на стол ее содержимое: посыпался набор блестящих хирургических инструментов.

– Послушай, Сэм. Я хочу, чтобы ты запер все это в сейф в присутствии свидетелей...

– Но... – начал было возражать ему Мильхау.

– И выдай мне квитанцию! – не щадя чувств своего шефа, продолжал Род. – Если мне сегодня придется выйти на сцену вечером с этой сумкой, то она будет пуста. И теперь никто не станет утверждать, что я – единственный человек на сцене, которого видели с ножом в руках.

– Хорошо, хорошо! – торопливо запричитал Мильхау, с опаской озираясь на Рассела. – В другой раз...

– Нет, только сейчас, и немедленно! – Голос Рода, казалось, срывался от негодования, хрипел. – Вам не удастся вновь провести меня!

– Да хорошо же, хорошо! – Нахмурившись, Мильхау встал со своего кресла и направился к сейфу, встроенному в стену. Его толстые пальцы-сосиски повертели замок, массивная дверца открылась. Он брал инструменты – ножи, скальпели, зонды, зажимы – за ручки и бросал по одному в сейф.

– Отлично, – сказал Род, вздохнув с облегчением. – Теперь можешь запереть дверцу.

Мильхау со стуком прихлопнул дверцу и опять принялся возиться с замком. Род протянул пустую сумку Базилю.

– Призываю вас засвидетельствовать, что сумка пуста. Пошарьте внутри рукой и убедитесь в этом. – Сумка действительно была пуста. Род повернулся к Расселу.

– Теперь вы!

Рассел заглянул в сумку.

– Там ничего нет, но... я просто не понимаю...

– Я хочу, чтобы видели все, что если сегодня что-нибудь случится на сцене, то я буду ни при чем, – объяснил ему Род.

– Здравствуй, Сэм!

Трое все разом повернулись к двери и увидели стоявшую там Полину. Она была похожа на школьницу – без шляпы, в туфлях на невысоких каблучках, в пальто спортивного покроя, с портфелем в руках. На ее юном свежем лице не осталось и следа напряжения и переживания того памятного дня. Войдя в кабинет, она кивнула Базилю в знак приветствия и еще более небрежно – Роду.

– Я принесла эскизы для нового платья Ванды.

– Новое платье Ванды? – воскликнул Мильхау и воздел обе руки к небу. Потрясая ими, он закричал: – Скажите мне, это дирекция театра или сумасшедший дом? Какое еще платье?

– Для выхода ее в первом акте, – спокойно ответила Полина. – Ванда категорически заявила, что ни за что не наденет снова свое прозрачное золотистое платье.

– Почему? Оно стоит кучу денег!

– Ну... – Полина чуть заметно улыбнулась. – В тот вечер его изрядно помяли.

– Почему нельзя его выгладить?

– Перестань, Сэм. Будь человеком. Зачем еще больше ее травмировать? После того, что произошло, она просто не может снова появиться на сцене в своем золотистом платье.

Полина открыла портфель и положила эскизы на стол.

– Не понятно, почему, собственно, не может, – бормотал он, с любопытством разглядывая карандашные наброски Полины. – Что такое? Почему не желтое? Ванда всегда носит желтые или золотистые наряды под цвет своих глаз.

– На этот раз она все хочет сделать по-другому, – терпеливо объясняла ему Полина. – Все должно быть решено в белом цвете – горностаи, вельвет и бриллианты.

Мильхау нахмурился.

– Как ты собираешься ухитриться и изготовить все это к сегодняшнему вечеру?

– У нее есть собственная накидка из горностаи и бриллианты. Розамунда обещала все привезти сюда, в театр, в 6.30. Все очень просто. Нужно только добавить несколько кусков вельвета и все сшить.

– Ладно, делай, что хочешь, – Мильхау сделал рукой такой жест, словно хотел отставить ее подальше от стула.

– Сэм, ты занят?

На сей раз это был Леонард. Его продолговатое, бронзовое лицо было серьезно.

– Нет, нет, не занят! Я – прохлаждающийся понапрасну джентльмен! – простонал в ответ Мильхау. – Ну что тебе?

– Просто я хотел предложить кое-что для вечернего спектакля.

Он оперся локтем о край стола Мильхау.

– Тебе не кажется, что все мы были бы значительно спокойнее, если этот парень, который

будет играть Владимира, не будет загримирован... ну, столь реалистически что ли? Можно, например, повернуть ему голову в другую сторону, чтобы его лицо не было видно публике...

Секретарша просунула в дверь свою невероятно золотистую головку.

– Репетиция, мистер Мильхау. Все давно в сборе и ждут вас на сцене.

Мильхау снова застонал, схватил затасканный текст пьесы со стола и встал.

– И зачем только я занялся этим бизнесом! – простонал он, обращаясь ко Вселенной. – Почему я не стал чистильщиком сапог или водителем грузовика!

Он поплыл по коридору по направлению к зрительному залу, и все гурьбой, опережая друг друга, заторопились за ним. Рассел шагал рядом с Базилем.

– Извините меня, – он был еще сильнее взволнован, чем прежде. Он понизил голос и чуть слышно зашептал: – Ничего не могу понять, что здесь происходит. Почему этот человек по имени Род поднимает столько шума из-за какого-то ножа на сцене. Почему мисс Морли непременно хочет другое платье, хотя она надевала свое предыдущее лишь один раз? И почему этот знаменитый скряга Сэм Мильхау предлагает мне пятьдесят зелененьких в неделю за роль на выходах, которая не стоит и тридцати?

Базиль посмотрел на него так же испытующе, как до этого Мильхау.

– Вы действительно провели шесть недель в больнице? И не видели после выхода оттуда ни одной газеты?

– Правда. У меня каверна в легких.

– Ну что ж, если вы говорите правду, то можете узнать правду и от меня, – продолжал Базиль. – Рано поздно вы все равно узнаете, и, по-моему, несправедливо скрывать это от вас. Мильхау, вероятно, полагает, что если вы сыграете разок-другой эту роль, ничего не зная о правде, то пообвыкнете и для вас это уже не будет иметь ровным счетом никакого значения.

– А что я должен узнать?

– Видите ли, ваш предшественник, человек, игравший роль Владимира на премьере, был убит прямо на сцене в кровати...

– Что-о-о? – Рассел резко остановился, словно получил откуда-то неожиданный удар. Он так и продолжал стоять посередине центрального прохода, немного приоткрыв рот от удивления. Базиль тоже не двигался с места. Другие актеры проходили, задевая их, к рампе.

– Он был заколот хирургическим ножом, одним из тех, которые вы видели в сумке Рода. Все произошло в первом акте. Он даже был загримирован под труп.

Слово «труп» наконец вывело Рассела из оцепенения, и он понял, о чем идет речь.

– И кто это сделал? – кисло спросил он.

– Никто этого не знает. Такая возможность была у четверых. Трое из подозреваемых – актеры, которые будут сегодня вечером играть вместе с вами на сцене. Это Ванда Морли, Родней Тейт и Леонард Мартин. Четвертый или, скорее, четвертая, – миссис Ингеллоу, супруга убитого.

– Ну и для чего продолжать играть спектакль? Что за глупая идея?

– Только так Мильхау может возратить те деньги, которые он затратил на постановку.

– Деньги. – Лицо Рассела помрачнело. – Мне, конечно, не помешали бы полсотни в неделю, но мне вовсе не хочется очутиться на месте этого мертвеца, да к тому же еще и убитого... Как вы думаете, это... опасно?

– Мне трудно ответить на ваш вопрос, – ответил Базиль. – Во всяком случае, я не вижу особой опасности. Вы никого в труппе не знаете, не связаны с семьей Ингеллоу, не так ли?

– Конечно нет. Правда, я видел пару раз мисс Морли и ее партнеров по сцене с галерки и секретарь мистера Мильхау несколько раз отказывала мне в работе, когда я обращался к ней с такой просьбой. Видите, как далеко не простираются мои связи с любым из них! Я даже никогда не слышал о существовании Ингеллоу или его супруги.

– Тогда мне кажется, что без особой робости можете зарабатывать свои пятьдесят долларов в неделю и распоряжаться ими по своему усмотрению. Вам не о чем беспокоиться, – доверительно сказал Базиль.

– Вы идете, Рассел, или нет! – крикнул Мильхау стоя по ту сторону рампы.

– Да, сэр, – ответил он и поспешил на сцену.

Базиль медленно пошел за ним, внимательно наблюдая за всем, что происходило вокруг.

В зале не было привычной полутьмы, все огни и люстры отчаянно сияли. Очевидно, Мильхау был достаточно хитрым и практичным психологом, чтобы избавить свою труппу от беспокойства и подозрений, что в темных уголках зала, в непроницаемых его тенях, скрываются сотни злых демонов и призраков. Адеан стоял возле рампы, на самом краю сцену, с новой пухлой книгой в сером переплете подмышкой. Увидев своих коллег и Базиля, направляющегося вместе с ними к рампе, он нарочито поклонился в сторону Базиля в знак приветствия.

– Ну, док, вы отыскивали того, кто прикончил петушка Робинса?

Так как Базиль не любил, когда его называли «док» и прощал эту фамильярность лишь инспектору Фойлу, он вообще не ответил на приветствие Адеана, вдруг залившегося безотчетным хохотом. Казалось, что Адеан в прекрасном, необычно приподнятом расположении духа. Его покрытое веснушками, обычно желтовато-болезненного цвета лицо покраснело, и в светло-карих глазах появился кирпичный отблеск. Может, он выпил? Или что-то другое, более сильное, чем алкоголь, пьянило его на сцене? Он громко прокричал через огни рампы:

– Это я, – сказала Муха.

– Подставляй-ка, братец, ухо!

– Может, это признание? – прошептал изумленный Базиль.

Адеан вновь засмеялся.

– Нет, нет, это не я. Я даже не видел, кто это сделал. Но я знаю, кого бы я сделал убийцей, если бы написал свою пьесу.

– Кого же? – спросил Базиль, стараясь быть как можно спокойнее.

– Догадайтесь сами, – продолжал тарыхтеть Адеан. – Хочу поблагодарить вас за совет посетить медицинскую библиотеку. Я получил такой «допинг», читая про разные болезни, что мне его хватит на двадцать лет. Когда я вернулся домой, у меня болело и ныло все тело, голова, сердце, легкие, желудок и, наверное, даже поджелудочная железа, если бы я только знал, где она находится. Я ужасно много почерпнул у тех авторов, ваших приятелей, которых вы мне назвали. Правда, все это несколько сложновато для меня. Но зато я откопал Виктора Гейзера – это вещь, скажу вам! Чего там только нет о народной медицине Индии и тому подобное. Очень интересно, право,

Адеан продолжал улыбаться своей растянутой, губастой улыбочкой, которая не понравилась Базилю с самого начала.

На сцене декорации первого акта выглядели точно так, как будто к ним с тех пор не прикасались. Уже актеры, игравшие слуг Владимира, собрались за столиком, чтобы начать партию в домино. Адеан резко выделялся из всей группы своими рыжеватыми волосами и горчичного цвета твидовым пиджаком. Рассел, пройдя по сцене, приблизился к кровати в алькове. В этот момент Адеан вскинул голову и медленно, нарочито растягивая слова, проявляя явную злокозненность, с подначкой произнес те же слова, которыми он накануне приветствовал Ингелю:

– Привет, значит, это вы и есть наш труп?

Рассел резко остановился. Последовала гробовая тишина. Затем Мильхау сурово крикнул:

– Адеан, прекрати! Это совсем не смешно! Рассел, войдите в альков и закройте за собой дверь. Мы и так уже опаздываем на десять минут...

Его суровость дядьки-сержанта тут же восстановила порядок. Но никак нельзя было отделаться от какого-то странного чувства, которое у всех вызвал этот неприятный инцидент. Рассел вошел в альков. Двустворчатая дверь медленно закрылась, скрыв его долговязую фигуру от взоров присутствовавших в зале и на сцене.

– Итак, все готовы? – громко спросил Мильхау. – Начали.

Свет в партере потускнел, но сцена по-прежнему осталась ярко освещенной. Один из слуг стукнул костяшкой домино. «Четыре-четыре!»

– Четыре-шесть! – выкрикнул Адеан.

Репетиция началась. Через несколько мгновений до Базиля дошла вся поразительная сила теории «вечного повторения», о которой ему толковал Хатчинс. Простому, несведущему в театре человеку казалась немного жуткой, даже пугающей манера, с которой актеры повторяли

каждое слово, каждую интонацию, каждый жест точно так, то делали в тот вечер, как будто они уже больше не были людьми на сцене, а лишь механическими игрушками которые делают и говорят все время одно и то же, сто только завести пружину.

В то время, как часть внимания Базиля была поглощена стрелками наручных часов и бегающим по бумаге карандашом, которым он отмечал время выхода каждого актера на сцену и ухода с нее на полях графика Рода, он все же невольно мысленно предавало, размышлениям о законе инерции. Все подчиняется этому закону: планеты и электроны, неизменно движущиеся по своим орбитам, сложнейшие инстинкты насекомых, Которые продолжают выполнять тщательно разработанные привычки, не отдавая себе отчета в том, почему так поступают; ребенок, который, для того чтобы вспомнить последнюю строчку стиха, непременно начинает все сначала. Привычка вела актеров по их ролям и позволяла им совершать невероятный подвиг памяти, заставляя их повторять страницу за страницей диалоги без ошибок и пропусков.

Вновь игра в домино была прервана звонком в дверь, Вновь Ванда стремительно ворвалась в комнату, задавая свой вопрос: «Хозяин дома?» Сегодня утром ее действия на сцене были так же превосходны, как и тогда, в первый раз, но все же она была менее импозантной в своем строгом черном одеянии, и казалось, что она бросала свои реплики чуть быстрее обычного.

– Как вам кажется, Полина, они играют точно по временному графику или нет? – тихо спросил он сидящую рядом с ним Полину.

– Чуть быстрее, – ответила она. – Заметно, как они нервничают. Поэтому Сэм и устроил для них этот прогон. Он, конечно, растопит ледок, и к вечеру все будет в полном порядке.

Вновь Ванда оказалась возле очага. Вновь зазвенел звонок. Вновь Леонард вбежал на сцену, закричав: «Проводите меня к графу, живо!» Даже без костюма и грима он был на сцене совершенно другим человеком – выше ростом, более плотным, когда размеренными, тяжелыми шагами подошел к алькову и стремительно двумя руками распахнул створки двери.

Полина, казалось, испытывала приступ удушья и цепко схватила Базиля за руку. Рассел лежал на кровати: точно в такой же позе, что и Владимир; его голова была повернута к публике, одна рука свисала, касаясь пола. Казалось, что все идет так, как и позавчера. Но вдруг Леонард открыл беззвучно рот и закрыл его, словно силился вспомнить следующую реплику и не мог. Никто не произнес ни слова. Все стояли молча, не двигаясь, как будто замерли на месте. Вдруг Рассел изменил положение головы. Кто-то засмеялся. Скорее всего, это был Адеан.

– Спокойствие! – вновь заорал Мильхау. Базиль почти физически чувствовал нараставшее напряжение.

– Я вас прошу лежать тихо и не двигаться после того, как открываются двери. Для этого вам нужно заранее выбрать положение поудобней и лежать, не двигаясь, как можно спокойнее. Я понимаю, что это не так просто, но это можно сделать. Не забывайте, вы играете человека, находящегося в коматозном состоянии.

– Да, сэр, – спокойно ответил Рассел.

– Хорошо, – отозвался Мильхау, – начнем сначала.

Полина, вздохнув с облегчением, выпустила руку Базиля.

– Впервые я вижу, как Леонард путается в своих фразах.

Ванда, Леонард и Хатчинс ушли со сцены. «Труп» встал и закрыл двери алькова. Вновь расселись за столом слуги.

– Начали! – крикнул Мильхау.

– Четыре-четыре!

– Четыре-шесть!

– Хозяин дома?

– Покажите, где комната графа, живо!

Рассел лежал тихо, как бревно. Род в своем твидовом пиджаке и фиолетовых брюках совсем не был похож на своего персонажа доктора Лорека.

– Несчастный случай?

– Попытка убийства...

Род прошел в альков и открыл свою сумку. На этот раз по глазам не резанул отблеск стальных инструментов. Он стоял возле Владимира спиной к зрительному залу. Никто не

видел, что он там делал.

Федора рыдала: «Молю вас, я умоляю бога, спасите ему жизнь!»

Вдруг она резко повернулась спиной к доктору Лореку и быстрым шагом направилась к рампе. Теперь она снова стала Вандой Морли, и голос ее дрожал от гнева, а не от рыданий.

– Что вам здесь нужно?

Ее взгляд скользнул поверх того ряда, где сидели Полина с Базилем. Они повернулись и увидели Марго Ингелоу, которая уютно устроилась в кресле позади них. Она была удивительно спокойна и выглядела необычайно свежо в своем белом льняном платье с большими черными разлапистыми макаками. На ней была маленькая белая шляпка. Она склонила головку немного вбок, а на губах у нее играла язвительная улыбка.

– Что вам здесь нужно? – прошипела Ванда.

– Так, развлекаюсь...

– Я не стану репетировать до тех пор, пока эта женщина не уйдет из театра! – заорала Ванда.

Мильхау подскочил к Марго и тихим голосом начал увещевать ее.

– Вам, конечно, не следовало приходить сюда, но раз уж вы здесь, то постарайтесь уладить как-нибудь с ней отношения.

– Разве я должна улаживать с ней отношения? – громко возразила Марго. – Я не выплескивала ликер из рюмки ей в физиономию!

Мильхау постоял с минуту возле нее, опустив голову, очевидно, соображая, что же предпринять в столь неожиданной ситуации.

Потом он сказал:

– Нужно сказать ей, что вы финансируете возобновление постановки. Это – единственный выход из положения!

– Но ведь вы уверяли, что она этого не перенесет!

– Ничего другого не остается. Ведь только так она может реабилитировать свою карьеру великой актрисы, и, кроме того, она так нуждается в деньгах!

– Ванда Морли нуждается в деньгах? – Марго рассмеялась. – Мне казалось, что это актриса, которая всю жизнь стремилась к простой, затворнической жизни где-нибудь в затерянном предместье. Вот теперь ей и представился такой случай!

– Ну поговорите с ней, только мягко, повежливей. Или она откажется от этой затеи.

– Я не умею быть ни мягкой, ни вежливой, – возразила Марго.

Тем не менее она встала и пошла за ним к туда, где на сцене стояла Ванда. Она наклонилась, чтобы послушать, что они ей скажут. Лицо ее было искажено гневом. Очевидно, ей и в голову не могло прийти, что Марго финансирует возобновление «Федоры». Говорил в основном Мильхау, красноречиво и убедительно размахивая руками. Марго молчала и улыбалась. Наконец, недоуменно пожав плечами, Ванда сдалась. Базиль понял, что ей позарез нужны были деньги, иначе она никогда бы не позволила Марго финансировать спектакль.

Сорока вернулась на свое место, и в этот момент Мильхау снова начал репетицию с труппой с того места, где они остановились. Но вся игра утратила живость, страсть, желание. Было ясно, что присутствие Марго сковывает актеров. Со своим привычным посольским апломбом Хатчинс произнес ту строчку, которую ждал Базиль: «Ему не уйти отсюда, теперь все против него!» Базиль быстро посмотрел на часы и записал время. Леонард ушел со сцены, чтобы распорядиться о немедленном розыске убийцы. Род торжественно объявил о смерти Владимира: «Мадам, это конец!»

Вновь вошел через дверь слева Леонард и сказал:

– Он убежал!

Ванда вбежала в альков: «Владимир! Ну скажи хоть слово!» Она упала поперек тела Рассела, обвила руками его голову, как это делала и тогда с Ингелоу: «Разве ты не узнаешь меня? Ну говори же! Ах!» – Она медленно опустилась на пол. Первый акт закончился.

Владимир все лежал, не двигаясь. Лица актеров на сцене напряглись, посуровели. Ванда встала. Ее топазовая сережка блеснула золотом, когда она осторожно дотронулась своей тонкой рукой до плеча Рассела.

– Что с вами? Надеюсь, все в порядке?

– Конечно. – Рассел поднялся и остался сидеть на кровати, широко ухмыляясь. – А что, первый акт закончился? Мне об этом никто не сказал!

Все разом стали вдруг говорить и смеяться, правда, несколько неестественно и слишком громко. Мильхау прервал актеров.

– Второй акт, пожалуйста.

Декорации второго акта были опущены с колосников на сцену, и начался второй акт.

Базиль не обращал почти никакого внимания ни на второй, ни на третий акт. Он погрузился в расчеты времени первого акта. Наконец он все подсчитал. На премьере фраза Сириекса – «Ему не уйти отсюда, теперь все против него!» – произносилась в тот момент, который и назвал ему Хатчинс, – двадцать четыре минуты спустя после поднятия занавеса, то есть в 9.04, если считать, что занавес поднимается ровно в 8.40. Все расчеты, которые сделал Род, по времени входа и выхода актеров были точны, если учесть, что действие на репетиции проходило чуть быстрее.

Когда Базиль положил карандаш в карман, третий уже подходил к концу. Сцена представляла собой сад на вилле Федоры в Оверленде, неподалеку от Берна. На заднике были изображены пики Альп. На переднем плащ стояли ворота, а позади них терраса, на которой было много цветов. Солнечный свет заливал сцену – действие происходило в жаркий майский полдень.

Изображение Роднеем Тейтом Лориса Ипатова в этой сцене было таким же неинтересным, как и интерпретируемый им портрет доктора Лорека в первом акте, но здесь он, по крайней мере, был молодым, высоким человеком, с хорошей фигурой, а этих внешних качеств как раз и требовала от него роль. Черное платье Федоры – Ванды казалось абсурдным на фоне сельского пейзажа, но ее игра вновь приобрела какую-то живость, даже энтузиазм. Она должна была умирать в конце сцены и вкладывала все свои чувства в эти последние минуты.

– Темнеет... Все тускло вокруг... Но, Лорис, я не жалею, что умираю. Любовь, как и жизнь, несправедлива...

Какой-то мальчишка в рубашке и штанах желто-зеленого, горохового цвета прошел по всей сцене, распевая довольно приятным тенорком простую песенку: «Моя девочка с гор...»

– А это что такое? – спросил Базиль у Полины.

– Савойский крестьянин. Надеюсь, его костюмчик не сильно портит весь эффект от сцены? Ничего, вечером его обрядят в крестьянское платье...

– Мне холодно, – продолжала умирать Ванда. – Лорис, где ты, я не вижу тебя...

– Я здесь, моя дорогая! – воскликнул Род с интонацией человека, читающего отрывок из британской энциклопедии.

– Вот я здесь, пришел, чтобы простить тебя!

– Лорис! – тяжело выдохнула Ванда. – Я люблю тебя! – Их губы слились в поцелуе, в поцелуе настоящем, впервые Роду удалось на сцене столь желанный, «абсолютный реализм».

– Это она принудила его! – в негодовании зашипела сидевшая рядом с Базилем Полина.

Голова Ванды упала на подушки садовой скамейки. Род начал горько плакать, затем перешел на рыдания – три рыдания в минуту, точно по расписанию. Хатчинс положил цветок рядом с рукой Ванды. Слуги упали на колени и начали неистово креститься. Где-то за сценой осветитель нажал кнопку, и яркий солнечный свет постепенно сменился прекрасными сумерками, окрашенными лавандовым цветом.

И вдруг за сценой вновь раздался голос поющего крестьянина.

– Моя девочка с гор... никогда не вернется...

Если бы в эту минуту в театре взорвалась динамитная шашка, то вряд ли эффект был сильнее того, который произвели эти простенькие слова за сценой. Ванда, которая столь грациозно умерла, тут же вскочила на ноги и громко закричала. Базиль никогда не мог предположить, что ее красивый, старательно смодулированный голос мог вдруг перейти на такой визгливый тон. «Черт подери, для чего вы это сделали?» – это было самое мягкое выражение из всех, которые в эту секунду пришли ей на ум. Хатчинс мгновенно исчез в садовых зарослях и пропал за кулисами. Он тут же вернулся, волоча за собой мальчишку в гороховом наряде. «Ты что, спятил! Разве ты не знаешь, что этого нельзя делать!» – все начали так яростно упрекать мальчишку, что нельзя было абсолютно ничего разобрать в этом гвалте.

Леонард и другие актеры, сидевшие в партере, были возбуждены не меньше тех, кто стоял на сцене. Только двое из присутствующих, сидящих позади Базиля, – Марго и Адеан – были абсолютно спокойны. Даже Мильхау весь покраснел от гнева. Он вбежал по ступенькам, ведущим из зала на сцену, и подбежал к мальчишке.

– Кто это тебя надоумил?

– Никто. Я просто забыл. В конце концов, это – просто репетиция. К тому же премьера уже состоялась.

Это оказалось самым удачным предлогом, так как при упоминании о премьере все вдруг замолчали и наступила напряженная тишина.

– Ты уволен, – мрачно сказал Мильхау. – Получи расчет и убирайся.

– Послушайте, мистер Мильхау, у меня – контракт.

Базиль наклонился к Полине.

– Объясните, ради бога, что произошло?

На ее губах появилась слабая ироничная улыбка.

– Вы, вероятно, слышали, что все люди, связанные со сценой, очень суеверны... Одно из их любимых суеверий заключается в том, что на генеральной репетиции нельзя произносить последнюю строчку в пьесе. Я думаю, что этот промах мальчишки не взбесил бы их до такой степени, если бы они не были «заведены» с самого начала. Во всяком случае, постановка и без этого имеет уже свою квоту невезения.

– Ну, а мальчик понимал, что он делал?

– Наверное, нет. Он считал, что премьера уже состоялась... и суеверие можно отбросить... Но ведь был сыгран только первый акт и вся пьеса еще не была показана до конца. Поэтому в какой-то степени сегодняшнюю репетицию можно считать генеральной.

– Но послушайте, мистер Мильхау, – продолжал канючить мальчишка. Это был уже не мальчишка, а толстый смуглый юноша, которого, вероятно, взяли на роль из-за его больших влажных черных глаз и масляных вьющихся волос.

– Но ведь это просто суеверие.

Вновь зажурчал ручеек слов. Высокая худая фигура протиснулась через толпу актеров, плотным кольцом окружившую Мильхау и мальчишку.

– Мистер Мильхау! – Это был Рассел. Его голос дрожал, как и у юноши. – Простите, но я не смогу сегодня вечером играть Владимира... Не могу. После всего, что здесь произошло...

– Помилуйте, Рассел, да ведь это просто суеверие, – Мильхау с радостью ухватился за аргументацию виновника переполоха.

– Называйте это сумасшествием, суеверием или как угодно еще, но я верю в удачу и неудачу. Я отказываюсь сегодня вечером играть эту роль.

– Я буду платить сотню за неделю!

– Нет, ни в коем случае, – отрезал Рассел. – Здесь что-то нечисто, и мне это не нравится. Почему вы не сообщили мне об убийстве, когда я пришел к вам в контору. Почему вы взяли на роль человека со стороны, а не отдал ее кому-нибудь из ваших актеров, которые только появляются на несколько секунд, да и то в третьем акте. Почему вы так перепугались, когда я не поднимался с кровати в конце первого акта? Нет, большое спасибо, мистер Мильхау. Подыщите кого-нибудь другого на роль Владимира. Мой контракт с вами еще не подписан, и я не намерен этого делать!

Царила мертвая тишина, когда Рассел спокойно сошел по маленькой лестнице со сцены в зал и через главный проход поплелся к выходу.

Все продолжали молчать, как вдруг со своего места в партере вскочил Адеан и решительно направился к рампе, засунув руки в карманы.

– Никогда в жизни не приходилось мне слышать подобный вздор! – громко, растягивая слова, сказал он. – Можно подумать, что мы находимся среди детишек или дикарей, если только послушать, как вы галдите из-за ваших дурацких «табу». Слава богу, я не актер, я – драматург, занимающийся иногда чисто любительски этим ремеслом, поэтому я не суеверен. Я свободно прогуливаюсь под лестницами и повсюду, где только могу, опрокидываю солонки. Я буду рад сыграть Владимира, если кто-нибудь сыграет моего Николая.

Адеан подошел поближе к рампе.

– Спасибо, Адеан. Я не забуду этого. Вы будете получать те же деньги, что и сейчас, но если вам что-нибудь нужно, то не стесняйтесь, обращайтесь прямо ко мне.

– Не могли бы вы прочитать одну из моих пьес? – робко спросил Адеан с той самой улыбочкой, с какой он объяснял Марго, что она ему кое-чем «обязана».

Мильхау сглотнул слюну, напряг все мышцы, чтобы не сорваться и принести эту тяжелую жертву.

– Ладно. Передайте ее моей секретарше.

Адеан выглядел победителем.

– Спасибо, мистер Мильхау! Я обязательно передам.

Остальным актерам было явно не по себе. Первой заговорила Ванда.

– Ну что, Сэм, мы продолжаем работать над «Федорой»?

Вместо него ей ответила Марго.

– Несомненно! Решенное дело. Мы с мистером Мильхау устроим красивую жизнь всякому, кто попытается расторгнуть контракт в последний момент.

– Вы слышали, что сказала миссис Ингелу? – угрожающе спросил Мильхау. – Все билеты проданы на несколько недель вперед, и никакое глупое суеверие не заставит меня отказаться от намерения поднять вот этот занавес сегодня вечером ровно в 8.40!

– А что прикажете делать мне? – спросил мальчишка в гороховом наряде, вызываясь разглядывая своего шефа.

– Иди ты к черту! – заревел Мильхау и быстрым шагом направился к себе в кабинет. Репетиция была окончена.

Глава одиннадцатая ЗА СЦЕНОЙ

Базиль чуть было не забыл о своей встрече с Ламбертом, полицейским токсикологом, которая была назначен на сегодня в полицейском управлении. Он взял такси и поехал в контору Фойла.

Входя в его кабинет, он услышал глухой, бесстрастный голос диктора, который объявлял по радио: «Шестой сигнал соответствует пяти часам времени, установленного Национальной навигационной обсерваторией...» Когда прозвучав последний сигнал, Базиль взглянул на свои часы и увидел что они ушли вперед на целых десять минут.

Возле радиоприемника стоял Ламберт, коренастый, невысокого роста человек, больше походивший на биржевого маклера или же рекламного агента страховой компании, чем на химика-биолога. Инспектор склонился, выгнув плечи над столом. Его прямое острое лицо вдруг собралось в какой-то морщинистый узелок, когда он дочитал до конца сообщение Ламберта по поводу анализа веществ, обнаруженных на ручке ножа. Он был явно озадачен и обескуражен.

– Мы тут с Ламбертом слушали последние известия. Говорят о чем угодно, обо всем на свете – о войнах, о вооружениях, о новых ракетах, о новых ядовитых газах, о коммунистической угрозе, о пожарах, ливнях, о последних достижениях в области науки, но... ни слова о преступности в нашей стране... Как будто если мы будем об этом молчать, то она сама по себе пойдет на убыль и постепенно исчезнет совсем! Никому нет дела до убийств, изнасилований, грабежей, которые в одном Нью-Йорке совершаются чуть ли не ежеминутно. Подумайте, ну какое им дело до какого-то Ингелу? А между тем его убивают прямо на сцене перед сотнями свидетелей. Вот вам и нравы, о которых мы так любим поговорить! Почему?

– Сила привычки, – объяснил Базиль. – Что-то вроде любимого «хобби» наших руководителей, которые трубят всему миру о высоких нравственных стандартах американского общества.

– О, нравственность, каких только преступлении не совершено под прикрытием твоего высокого имени!

Фойл встал и кисло поздоровался с Базилем.

– Ваша блестящая догадка о ручке ножа никуда годится. Взгляните. Вот данные проведенного анализа. Они могут вас заинтересовать.

Базиль бросил короткий взгляд на донесение Ламберта. «Хлорат натрия... хлорат калия... в ничтожных количествах...».

Он повернулся к Ламберту.

– О чем все это говорит, по вашему мнению?

– Видите ли, как хлорат натрия, так и калия – это составные части человеческого пота.

– Ясно, что пот всегда содержит соль, как и слезы! – подтвердил Фойл и укоризненно посмотрел на Базиля. – Потеря соли через потоотделение является причиной солнечного удара. А вы утверждали, что состав, оставленный преступником на ручке, должен быть сладким.

– Если вы потрудитесь внимательнее прочитать мое донесение, – вмешался Ламберт, – то увидите, что я обнаружил там еще и глюкозу! Глюкоза, как это ясно любому младенцу, и представляет собой сахар, и всю ситуацию очень просто объяснить: ручку ножа снимала рука вспотевшего человека, который до этого имел контакт с каким-то сахаристым веществом. Пару раз мне удалось почувствовать странный слабый запах, когда я нюхал нож, что-то вроде печеного яблока, но чем такой запах вызван, объяснить невозможно, так как запах едва уловим, а у запаха нет химических ингредиентов.

– Но нам-то от этого какая польза? – спросил Фойл. – Любой человек мог прикоснуться к сахару. Может, это был даже просто мармелад, а поэтому вы и почувствовали слабый запах яблок.

– Видите ли, – как бы размышляя, неуверенным тоном начал Ламберт, – это не обычный яблочный запах. Если говорить обобщенно... что-то похожее на фрукты, может, фруктовый сахар...

Базиль посмотрел на инспектора.

– Располагаете ли вы еще какими-то более надежными материалами?

– У нас их целая куча, но нет ничего существенного, – ответил Фойл. – Начнем с того, что вряд ли вас удивит. Ванда Морли – это сценическое имя. Ее настоящее имя – Вильгельмина Минтон. Родилась в Рочестере в 1930 году, значит ей сейчас сорок два года. Посещала среднюю школу, но затем убежала из дома и примкнула к бродячей труппе актеров в возрасте пятнадцати лет. Ее отец был мастером на какой-то фабрике, кажется, по производству клея... Он сообщил в полицию об ее исчезновении, но розыск ничего не дал. Судя по всему, ей жилось несладко в течение двенадцати лет, когда ей приходилось выполнять любую черную работу в театре. Затем она выступала в эстрадных представлениях в Чикаго, была статистом в Голливуде. Пела. В возрасте двадцати восьми получила первую маленькую роль в какой-то комедии, поставленной Мильхау на Бродвее. Спектакль не имел успеха, но ее игру отметили критики. Через три года она стада «звездой» и с тех пор неразлучна с Мильхау. Может, вначале у нее что-то было с продюсером и он проталкивал ее вверх по лестнице. Я, право, не знаю, – строго добавил инспектор.

– Ну а что известно ФБР об остальных?

– Родней Тейт – абсолютно иной тип. Это его настоящее имя. Он родился в Бостоне, где посещал небольшую частную школу, а затем поступил в Гарвард. Он там посещал все курсы по драматическому искусству, играл во всех любительских спектаклях, появлялся на представлениях во всех клубах. Закончив университет, он стал преподавателем французского языка и работал учителем около года. Но такая жизнь ему скоро надоела, и он окончательно перешел на сцену. Семья была в ужасе от его решения. Но друзья убедили его в том, что у него большой талант, хотя актеры старого поколения, которые видели его в турне по стране и здесь, в Нью-Йорке, утверждают, что ничего у него нет, что он играет на сцене самого себя, что не видит за лесом деревьев и т. д.

– Ну а Леонард Мартин?

– Ох, – вздохнул инспектор и задумался.

– О нем я ничего прежде не слыхал, но, по мнению профессиональных театралов, он – актер высокого уровня и стал бы уже давно «звездой» первой величины, если бы неожиданно не исчез с поля зрения год назад. Судя по всему, он из старинной театральной семьи. Его мать с отцом играли когда-то Шекспира, и он, по слухам, родился в артистической уборной за сценой во время представления «Макбета». Будучи еще мальчиком, он играл всевозможные роли и на сцене впервые появился в трехлетнем возрасте. Вероятно, он никогда не учился в школе, и у его

родителей было немало столкновений с полицейскими из-за этого. Он, конечно, может быть человеком необразованным, но умеет играть. Свою первую настоящую роль он сыграл в пьесе «Этот обольстительный дьявол». Все сходили с ума, но пьеса мне показалась дерьмом. Как бы там ни было, Леонард Мартин заработал на ней себе имя, сыграл кучу стариков, юношей, добряков, злодеев, честных людей, мерзавцев. Сэм Мильхау говорит, что Леонард действительно хороший актер и мог даже стать великим, если бы только публика доросла до его игры, а он сам подросток бы сантиметров на восемь. Маленький рост позволял ему играть роли пятнадцатилетних мальчиков в двадцать лет и в тридцать, но теперь ему за сорок, и не все так просто теперь удастся, несмотря на его бесспорный талант. Всего бы он мог добиться, стать «звездой» театра в национальном масштабе, если бы не его годичное исчезновение после того случая в Чикаго.

– Какого случая? – спросил Ламберт.

– Он был замешан в одном неприятном дорожном происшествии и просидел около года в тюрьме за неумышленное убийство, которое он совершил под чужим именем.

– Надеюсь, вы все выяснили у своих чикагских коллег? – спросил Базиль. – Есть ли какие-то сомнения в его виновности?

– Никаких. Была убита маленькая девочка. Через пять минут, когда его задержал полицейский на мотоцикле, Мартин сидел за рулем. Задержавший его полицейский на суде показал, что Леонард якобы находился в нетрезвом состоянии за рулем... Это усугубило его вину... Хотя он это и отрицает.

– Мне кажется несколько странным такое безапелляционное утверждение, что Леонард находился за рулем в нетрезвом состоянии. Никакой экспертизы не было проведено. Суд поверил показаниям полицейского. Присяжные его поддержали. Здесь все не так просто. Кроме того, на меня он не производит впечатление человека, способного сесть за руль в нетрезвом состоянии. Как вы заметили, он это отрицает.

– А я и не утверждаю, что у него такая привычка, – возразил Фойл. – Возможно, он и не напивался до чертиков, просто глотнул лишний стаканчик виски с содовой. Ведь все водители, попавшие в руки полиции, утверждают, что были трезвы как стеклышко, если только не напьются до лишения дара речи... Мне кажется, ему просто не повезло – такое может случиться с каждым. Трудно быть осторожным, когда тебе неожиданно лезут под колеса.

– Ну а что вы скажете о Мильхау? – спросил Ламберт. – О нем есть какая-то информация?

– Ничего особенного. Родился на Ист-Сайде и достиг Бродвея через различные «левые» представления на Кони-Айленде. Хороший бизнесмен. Его постановки критики часто разносят в пух и прах, но он вряд ли теряет от этого деньги. Он утверждает, что нюхом чувствует, какая пьеса принесет деньги, а какая нет, так как когда он ее читает то у него на загривке возникает какая-то особая дрожь по которой он все и определяет.

– Новый вариант научного предвидения? – пробормотал Базиль.

– Ну и что же мы будем дальше делать? – вздохнул Фойл, ладонями растрепал свои седеющие волосы, и ни нимбом встали над головой, словно оперение какаду. – Всего пару дней назад все были довольны собой, приятные ни в чем не виновные люди, которые любили друг друга. Никто не знал Владимира, никто не размышлял над мотивом его убийства. И вот два дня спустя, стоило только копнуть сверху, слегка, и появилось сразу три мотива убийства. 1. Ванда Морли убила Ингелоу, так как хотела завладеть его состоянием в соответствии с условиями нового завещания, которое, как она уверена, уже подписано в ее пользу. 2. Маргарет Ингелоу убила своего супруга Ингелоу, чтобы унаследовать его состояние и тем самым не дать ему достаточно времени, чтобы подписать новое завещание в пользу Ванды. 3. Родней Тейт убил Ингелоу, так как по уши влюблен в Ванду и ревновал ее к Ингелоу,

– А вы уверены, что Родней был влюблен в Ванду? – спросил Базиль, изучая лицо Фойла долгим, внимательным взглядом.

– Но ведь она в этом убеждена.

– А он?

– Он, конечно, несколько уклончив в своих ответах. Вполне естественно, он понимает, где лежит «ключ» к его собственному мотиву убийства. Но в последнее время их часто видели в общественных местах вместе и о них ходили всякие слухи. Что же вам еще нужно?

– Ну а если я вам скажу, что Род в это время был помолвлен с другой, очень приятной на вид девушкой?

– Я скажу, что он сам виноват в том, что попал в такую замечательную передрягу, – резко ответил инспектор. – Не первый раз пригожий молодой человек влипает в подобную ситуацию, особенно если он добр по натуре, да еще к тому же привлекателен.

Базиль решил про себя не упоминать в этот момент Полине.

– Иногда мне кажется, что присущее человеку желание доставить всем удовольствие и понравиться всем на свете несет в себе больше вреда, чем самый страшный рок, – примирительно согласился с инспектором Базиль.

– Мы располагаем, по крайней мере, тремя мотивами – вновь начал муссировать эту тему Ламберт. – Но ведь и двух за глаза достаточно.

– Вначале у нас было слишком много тех, которые обладали возможностью совершить убийство, – продолжал Базиль, – а теперь у нас перебор тех, у кого для этого есть мотив. И три из этих мотивов были хорошо известны широкой общественности – два из них коренятся в завещании, что представляет собой акт публичной записи, а один в амурных делах Ванды с Роднеем, которые получили достаточную огласку. Я считаю, что убийца хотел, чтобы мы были осведомлены об этих мотивах. Это – составная часть его плана с целью завлечения в поле подозрения как можно большего числа людей.

– И все же мы располагаем одним преимуществом, – бойко заявил Фойл. – Возможность совершения убийства ограничивает круг всех подозреваемых четырьмя действовавшими на сцене лицами.

– Нет, – возразил Базиль, – тремя. Если принять во внимание свидетельство Адеана, заявившего о том, что Марго Ингелло покинула альков до того, как туда вошел ее муж. Только у Ванды и у Рода были как мотив, так и возможность для осуществления своего замысла. У Леонарда есть только возможность, но отсутствует мотив, а у Марго есть мотив, но нет возможности.

– Можем ли мы сомневаться в том алиби, которое Адеан выдвигает в пользу Марго? – спросил Ламберт.

– Адеан заботится только о себе, – ответил Базиль. – Трудно сказать, говорит ли он правду о Марго или же предоставляет ей алиби только в расчете на то, что она оплатит ему, взяв на себя финансирование его пьесы?

– Ну а что вы скажете, если подыскать мотив и для Леонарда?

– Это – преднамеренное убийство, – ответил Базиль. – Орудие убийства, ситуация, при которой оно было совершено, одним словом, все было продумано и подготовлено заранее. Это означает, что мотив должен быть навязанным, непреодолимым. Почти любой человек может совершить убийство случайно, под влиянием аффекта, секундного импульса, но преднамеренное убийство должно обладать достаточно сильным мотивом, чтобы постоянно поддерживать в убийце состояние холодной, осознанной ярости, которая сводит на нет страх перед наказанием за содеянное. Это должен быть такой мотив, когда любая альтернатива убийству исключена. До сих пор нам ничего не известно о Леонарде такого, что могло бы заставить нас предположить наличие такого мотива у него.

– Хватит с меня ваших мотивов, – воскликнул Фойл. – Мне нужны доказательства. Но я не вижу, каким образом мне удастся их получить.

– Лично я усматриваю несколько возможностей, сказал Базиль. Он повернулся в сторону Ламберта. – Вы сделали спектрограмму ручки ножа?

– Разве это столь важно?

– Попытка – не пытка.

– Но не могли бы вы подсказать, что, собственно, мне следует в ней искать?

– На вашем месте я бы поискал на ней следы масляной кислоты...

Этот совет не произвел на инспектора ровным счетом никакого впечатления, но Ламберт, услышав его, даже вздрогнул от неожиданности.

– Вы имеете в виду...

– Я имею в виду, – резко перебил его Базиль, – что необходимо проверить любую возможность.

– Может, подбросите какую-нибудь работенку и мне? – язвительно поинтересовался инспектор Фойл.

– Постарайтесь разузнать как можно больше о темной фигуре, которую той ночью я обнаружил на площадке пожарной лестницы. Если это убийца, то что именно она, или он, там делал? Почему мне в руки упал текст пьесы, принадлежащий Ванде? Почему в нем была подчеркнута фраза Хатчинса? Я не верю, что все это следует рассматривать в разрезе мелодрамы, какого-то предупреждения или угрозы. Это убийство было заранее задумано и спланировано чьим-то уравновешенным, оригинальным умом а не темпераментным недоумком.

– Я всегда считал, что фигура на пожарной лестнице и была фигурой убийцы, – сказал Фойл, – но, с другой стороны, там мог оказаться кто угодно.

– Любой человек, на котором в тот вечер был накинут черный плащ или плащ другого цвета, который мог показаться черным в наступающей полутьме. Я видел Ванду, Леонарда и Роднея вскоре после этого происшествия, так что у них не было времени переодеться. Ванда была золотистом платье, Родней – в голубом халате, а Леонард в пунцово-красном. После убийства, когда мы обыскали артистические, мы обнаружили, что у всех подозреваемых мужчин не было плащей темного цвета, которые они могли бы набросить на свои халаты и костюмы ярких цветов. Только Марго Ингелоу была одета в тот вечер в театре в длинный черный плащ поверх своего пестрого платья, да сам Ингелоу был одет в черное пальто, на нем были черные брюки, когда я видел его в последний раз.

– Но что могут делать каждый из четы Ингелоу на площадке пожарной лестницы с текстом пьесы, принадлежащим Ванде? – озадаченно спросил Фойл.

– Не знаю. В этот момент мне показалось, что это был кто-то из них, но ни тот, ни другой не могут быть замешаны в случившемся, во всяком случае в том аспекте преступления, каким я себе его представляю.

– Все же при таких обстоятельствах миссис Ингелоу становится наиболее вероятной кандидатурой среди подозреваемых, – продолжал размышлять вслух Фойл. – Не кажется ли вам, доктор, что она и есть убийца?

Базиль молча встал и направился к двери. Обернувшись, он сказал через плечо:

– Я не стану никого обвинять всерьез до тех пор, пока точно не выясню, по какой причине ручка ножа стала столь привлекательной для мухи и почему канарейка была выпущена из клетки, – и он вышел.

Ламберт рассмеялся.

– Он либо уже знает, либо догадывается о значительно большем, чем говорит нам, инспектор. Масляная кислота! Масляная кислота! – эти слова, казалось, зачаровывали Ламберта. – Вот что я называю пронизательным умом!

Вечером Базиль ужинал дома один, без гостей. Его слуга Юпитер, суетившийся перед столом, заметил, что его хозяин сердит и чем-то озабочен. Он уже добрался до сыра и фруктов, когда в гостиной зазвонил телефон. Юпитер вышел из столовой. Через закрытую дверь голос его звучал приглушенно. Через минуту он вернулся.

– Вас просят к телефону... Какой-то мистер Лазарус, – торжественно объявил он.

– Лазарус? – Базиль оторвал взгляд от стоявшей перед ним тарелки с инжиром и нахмурился. Вдруг несколькими быстрыми прыжками он добрался до аппарата. Голос на другом конце провода был еле слышен, отчего слова принимали какое-то странное ударение. Можно было подумать, что какой-то бестелесный дух разговаривает с ним через речку под названием Стикс.

– Доктор Уиллинг, это говорит Лазарус. Тот самый точильщик из мастерской, что находится в тупике возле театра. Извините за беспокойство, но кое-что опять случилось, а вы сказали...

– Что случилось?

– Ну... – Голос его вообще увял. – Кто-то снова бывал в моей мастерской...

– Дверь взломана?

– Нет, в этом не было необходимости, так как я не починил задвижку на окне.

– Тогда откуда вам известно, что кто-то побывал у вас?

– Из-за Дикки...

– Дикки?

– Ну, канарейка. Моя канарейка. Разве вы ее не помните? Ее снова кто-то выпустил из клетки. Не понимаю, кому это нужно, но кто-то ведь это сделал?

Глава двенадцатая ВЫЗОВ «НА БИС»

Нервы Базиля были напряжены до предела. Он испытывал какое-то острое предчувствие, что что-то страшное, зловещее непременно должно вот-вот произойти. Ему казалось, что такси ползет, словно улитка, в потоке уличного движения по направлению к западной части города. Он вышел на углу 44-й Западной улицы и Шестой авеню и проделал остальной путь до театра пешком. Он перешел на другую сторону, чтобы миновать двери кассы. Здесь уже было полно народу, привлеченного объявлением о предстоящей «второй премьере», как остроумно выразился один критик. Все тротуары возле театра были забиты любителями острых ощущений, а подъезжающие один за другим автомобили выплескивали на улицу своих пассажиров – все те же постные, ничего не выражающие лица, которые заполняют битком обшарпанные залы суда, когда там слушается особенно забористое дело об убийстве.

«Можно, конечно, подвергать вкус Мильхау сомнению, но в хватке бизнесмена ему не откажешь», – подумал Базиль.

Он с трудом протиснулся через толпу к самому началу тупика – ничем не приметная в сегодняшней вечер фигура в легком плаще и мягкой фетровой шляпе. В точильной мастерской горел свет. Лазарус сам открыл дверь своей хижины. Его отмеченное временем лицо всегда отличалось особенной серьезностью, и поэтому трудно заключить, насколько он сегодня волновался сильнее обычного. Он подвел его к клетке с птичкой. Она так старательно клевала семечки из своей чашечки, что они разлетались во все стороны, падая на пол ее клетки. Ее маленькие, словно бусинки, глазки быстро вращались, как будто она получала особое удовольствие от посещения столь запоздалого гостя.

– Вы уверены, что на этот раз она не сама выбралась из клетки? – спросил Базиль.

– Абсолютно. Я вышел, чтобы раздобыть кое-что на ужин, а Дикки находилась в клетке. Дверца была надежно закрыта. Вернувшись сюда часа через полтора, я обнаружил, что дверца открыта, а Дикки летает по мастерской. Мне пришлось немало повозиться, чтобы поймать ее и водворить обратно... боялся, как бы не повредить ей крылышки или ножки. Ну теперь, слава богу, все в порядке... Теперь, после всего того, что произошло, я больше не намерен оставлять ее здесь одну на ночь...

Базиль понимал, что для этого старика, у которого нет ни семьи, ни будущего, возможно, и друзей, эта любимая канарейка значила куда больше, чем для обычного человека, ведущего обычную, беззаботную жизнь.

– Если вы подождете меня здесь до окончания спектакля, то я позабочусь о том, чтобы поместить вашу птичку временно в какое-нибудь более безопасное место...

– Спасибо. Я с большим удовольствием подожду вас, – Лазарус сел напротив своего точильного камня и взял в руки ножницы. – У меня много работы.

Базиль заметил длинную красную метку, словно царапину от когтей кошки, на указательном пальце Лазаруса.

– Вы что, порезали руку?

– Ах это! – Лазарус улынулся. – Видите вот эти шрамы? – он протянул руку, и Базиль увидел на ней с дюжину еле заметных, беловатых линий, проходящих по указательному пальцу. – Если на каком-то неопознанном трупe вы обнаружите на этом пальце такие же шрамы, то знайте, что перед вами – точильщик. Каким бы осторожным он ни был, он всегда, хотя бы раз в несколько месяцев поранит себе именно эту верхнюю часть указательного пальца...

Возле служебного входа Базиль увидел одного из помрежей и спросил его:

– А где мистер Мильхау?

– В своих апартаментах, доктор Уиллинг. Пойдемте, я покажу вам.

– Я знаю, как пройти к нему.

Помреж усмехнулся.

– Вы знаете, где его кабинет, а апартаменты – это совсем другое помещение.

Они прошли через слабо освещенный коридор и поднялись по узкой, огороженной перилами лестнице на самую верхотуру театра. К удивлению Базиля, его ввели в удобную, с комфортом обставленную жилую комнату.

– Привет, привет, входите, не стесняйтесь, – услышал он голос продюсера. Мильхау сидел в кресле, держа в руках бокал с коктейлем, а его щеки были окрашены пунцовым румянцем. Его крупные бледные губы растянулись, словно резиновые, в принужденную счастливую улыбку, но глаза потускнели, и в них проглядывало глубоко упрятанное недовольство.

– Я живу за городом, – начал объясняться он, – и нечасто здесь бываю. Только тогда, когда остаюсь на ночь в Нью-Йорке. Все это было построено и обставлено прежним владельцем театра.

Сквозь туман сигаретного дыма Базиль разглядел группу мужчин и женщин, сгрудившихся возле столика, накрытого для ужина, сделанного в виде стойки в кафе. Это были в основном его помощники, секретарши, приглашенные друзья. Но Базиль также заметил в том углу разлапистые черные маки на белом фоне, явно принадлежавшие наряду Марго, которая действительно стояла там в окружении мужчин, а также каштановые кудряшки Полины, которые отливали бронзой из-за яркого света ламп.

– Хотите посмотреть спектакль? – спросил Мильхау.

– Да, не прочь, – ответил Базиль.

Мильхау причмокнул губами, словно Дед Мороз, у которого есть маленький сюрприз для детишек, и припрятал он его за спиной.

– Хотите коктейль? Тарелочку с жареным цыпленком под кремом? Сейчас я вам закажу...

– Я только что пообедал, спасибо.

Мильхау проводил гостя в дальний угол комнаты, где в креслах сидели Полина и Марго. Он подошел к стене нажал кнопку. Панель стены бесшумно отъехала в сторону. Открылся вид на сцену в дальней перспективе.

– Мисс Ингелу не пожелала сегодня вечером являться среди публики, – продолжал объяснять ситуацию Мильхау, – поэтому я посоветовал ей с полным комфортом смотреть спектакль отсюда, сверху, и никто не догадается, что и она была в этот вечер зрительницей...

Базиль внимательно осмотрел сверху сцену.

– Но отсюда, с этого угла зрения, разве можно увидеть что происходит в алькове?

– Можно, когда двери широко распахнуты. Правда, перспектива скрадывает всю картину.

Базиль рассказал Мильхау историю с канарейкой.

– Отвратительно, уму непостижимо. Лазарус так привязан к бедной птахе. Она живет у него уже три года. Не могу представить, кому это пришло в голову сыграть дурную шутку с таким милым стариком.

– Но ведь такое случалось и раньше, как раз перед убийством.

– Да, я знаю. Но что могу сделать?

– Почему вам не отговорить Адеана играть сегодня роль Владимира? Можно для этой цели воспользоваться манекеном.

– Манекен есть манекен, – Мильхау надул губы, как обиженный ребенок. – Такой богатый человек, как Ингелу, всегда может нажить врагов, но у Адеана их просто нет. Если он взялся играть роль Владимира, то это вовсе не означает, что его жизнь в опасности. Кроме того...

– Кроме того? – повторил вопросительно Базиль.

– Уже поздно...

Занавес пошел вверх. Базиль выучил эту несчастную пьесу почти наизусть и знал ее, наверное, лучше самого Сарду. Даже тот факт, что он смотрел ее под необычным углом, с высоты почти птичьего полета, абсолютно не прибавлял новизны спектаклю. Он просто от души дивился способности актеров вносить столько живости и свежей силы в эти «бессмертные» строчки:

– Четыре-четыре!

– Шесть-четыре!

– Хозяин дома?

– Слишком быстро, слишком быстро, – бормотал вконец расстроенный Мильхау.

Базиль, не отрываясь от сцены, услышал шепот Полины:

– Они нервничают. Все как один...

Он повернулся к ней, чтобы послать ей дружескую улыбку и заметил в глазах Марго блеск одерживаемого ею триумфа. В конце концов, это она затеяла игру – пощекотать всем нервы и подождать здесь, наверху, пока у кого-нибудь они не выдержат, сдадут, и убийца, наконец, расколется.

Отсюда трудно было рассмотреть лица актеров. Даже их фигуры казались до смешного маленькими. Но голоса отлично слышны, и в каждом чувствовалась напряженность, каждый звенел, как туго натянутая струна. Они кое-как выговаривали свои слова, реплики произносили все быстрее, как будто на сцене наспех играли перепуганные до смерти начинающие любители. Все жесты, которые до этого были столь отточенными, не только на премьере но и во время репетиции сегодня утром, были какими-то отрывистыми, расплывчатыми, похожими на стенографический вариант того, что было точно и полно написано в сценарии.

– Как я рад, что зал полон! – прошептал Мильхау. – И я знаю, вся эта публика пришла сюда из-за патологического любопытства. Ничего другого, кроме вкуса ко всевозможным ужасам, не удержало бы их в креслах на подобной пьесе.

– Мне совсем не нравится, как выглядит Ванда в своем белом платье, – заметила Полина. – Оно несколько вызывающе и никак не вяжется с этим мрачным фоном.

– Проводите меня к графу, живо!

Все гости, стоявшие возле этого зияющего провала, могли почувствовать, как затаила дыхание публика, сидящая там, далеко внизу, когда Леонард широким жестом, обеими руками распахнул двери. С этого места был виден лишь какой-то бугор на кровати – это было тело Адеана. Его рука, как и положено, свисала, чуть касаясь пола, но его лица не было видно.

– Ну хоть этот лежит тихо, – прокомментировал Мильхау.

Вдруг Адеан слегка поднял руку. Может, он просто вздрогнул, но зрители заметили этот жест. Послышался возбужденный шумок. Затем по рядам раздались смешки, несколько истеричные и совсем невеселые. Мильхау беззвучно ругался. Марго от души развлекалась. Полина была обеспокоена.

Начиная с этого момента актеры на сцене, казалось, походили с ума. Ванда забыла свою следующую реплику, и в зале отчетливо был слышен голос суфлера. Через мгновение то же произошло с Хатчинсом. Им уже не удавалось овладеть вниманием аудитории, добиться от нее сочувствия. Самые серьезные реплики сопровождались откровенным хихиканьем в зале. Вначале Базиль подумал, что это – результат истерического настроения публики. Затем до него дошло, что истерика охватила не публику, а актеров. Их игра была настолько беспомощной, что они сами превратили пьесу в пародию на нее. Базиль отдавал себе отчет в том, что два дня назад спектакль казался интересным и исполненным жизни не из-за текста Сарду и приданных им ситуаций, а из-за игры актеров и всей труппы, то есть вся пьеса, по существу, была сделана актерами, их игрой.

Теперь все, что в пьесе Сарду было фальшиво, неестественно, бестолково, особенно его представление о любви, политике, выпирало, было подчеркнуто дурным исполнением. Теперь в игре актеров был заметен любой изъян. Когда Хатчинс произнес свою фразу: «Ему не уйти отсюда, теперь все против него!», какой-то мужчина в зале откровенно расхохотался, хотя, собственно, ничто не изменилось в его манере произносить эту фразу.

Даже Леонард утратил свои способности и с грехом пополам проямлил роль Греча. Род, появившись на сцене в роли доктора Лорека, был, как всегда, флегматичен, но хихиканье в зале вскоре взвинтило его нервы до предела, и он никак не мог вспомнить следующую реплику. «Явная демонстрация клинической частичной утраты памяти на основе полученного шока», – поставил диагноз Базиль.

– Боже! – пробормотал Мильхау.

– Что случилось?

– Он выпустил целых десять строк! Нельзя же открутить обратно действие и отправиться на поиски пропущенных. Так мне и надо! Лучшая моя труппа – Ванда, Леонард, Род! Они

играют серьезную пьесу, а публика смеется! Ведь этот спектакль окончательно разорит меня и их вместе со мной! Что скажут критики?

Приближалась наивысшая точка действия первого акта. Доктор Лорек вышел из алькова, подошел к рампе и произнес: «Все кончено».

– Владимир! – Теперь Ванда скорее походила на примак в своем белом платье из вельвета с верхом из горносталя. Она вбежала в альков к Адеану.

– Ну поговори же со мной! – Она взмахнула своими изящными тонкими руками, словно белая лебедь, расправившая крылья, и вдруг, издав какой-то истошный вопль, упала.

А публика заливалась смехом, смеялась, смеялась одержимо. Как смешно сегодня переигрывали все актеры – даже великая Ванда Морли! Мильхау помчался к телефонному аппарату:

– Занавес! – заорал он в трубку. – Дайте занавес. Объявите, что Ванда заболела! Нельзя продолжать, иначе нам конец. Возвратите им деньги и попросите очистить зал к чертовой матери! Но повежливее, конечно... Что, что?

Мильхау медленно положил трубку на рычажок, как будто она была для него непосильным грузом. Даже его толстые щеки провалились. Полина посмотрела на него, и в ее глазах застыл страх перед чем-то неизвестным. Марго была собрана, вполне спокойна, даже слегка улыбалась. «Что же может вывести эту женщину из себя? – подумал Базиль. – Вероятно, только удар копыта какого-нибудь обожаемого ею скакуна».

Первой заговорила Марго.

– Что-нибудь случилось? С Вандой? – спросила она совсем тихим, скрипучим голосом.

Базиль сразу же понял по ее интонации, что ей очень хотелось, чтобы с Вандой действительно что-то стряслось. Может, в этом и заключалась основная причина ее горячего желания финансировать постановку пьесы «Федора».

– Нет, – медленно ответил Мильхау. Он не сводил глаз с Базиля, очевидно, находясь в состоянии полной растерянности, ничего не понимая. – Нет, с Вандой все в порядке. Можно это понять... Я имею в виду...

– Но что же случилось? – закричала Полина срывающимся голосом.

– Как и в первый раз. Но теперь с Адеаном. Только сейчас больше крови... и Ванда все видела. Это случилось тогда, когда она завизжала...

Судебно-медицинский эксперт уехал. Из морга прибыли люди, чтобы забрать тело убитого. Базиль в последний раз; посмотрел на посиневшее лицо Адеана в мертвенном свете маленького фонаря, направленного в альков. «Моя жизнь скучна... Ничто со мной не случается», – вдруг вспомнил он его слова.

Базиль вышел из алькова, подошел к рампе, где стоял инспектор Фойл с ножом в руках, – хирургический скальпель с нарезной ручкой, отливающий ярким серебром остро отточенного лезвия. «Такой же нож, та же рана, мог быть заколот в любое время в течение последнего часа, а первый акт как раз и длится ровно столько. Снова дюжина свидетелей на сцене видела, как будущая жертва входила в альков, заперла за собой дверь. Снова только три актера приближались к кровати Владимира в течении всего действия – Ванда Морли, Родней Тейт и Леонард Мартин».

Базиль дотронулся до ручки ножа. Она была липкой. «Немедленно отправьте для анализа Ламберту», – коротко бросил он. Фойл положил нож на столик для домино рядом с книжкой в знакомом сером переплете.

– Эту книгу мы нашли у него в кармане. Автобиография Виктора Гейзера, известного американского психолога и медика. В ней речь, в основном, идет о врачебной практике автора в тропиках. Для чего она понадобилась Адеану?

– В качестве материала для пьесы, для чего же еще. – Базиль медленно полистал страницы. – Он говорил мне, что читал что-то из Гейзера в медицинской библиотеке.

На лице инспектора появилось выражение полного недоумения.

– При чем здесь Адеан?

– Видите ли, инспектор, у него всегда не хватало... такта. Нет, я не шучу. У него было так мало сострадания к окружающим его людям, так много эгоизма, что он просто никогда не мог поставить себя на место одного из них, включая убийцу. Насилие всегда привлекало Адеана, но

до сегодняшнего дня у него не было никакого личного опыта. Свою любовь к различным проявлениям садизма он черпал у немецких писателей и психологов и писателей, специализирующихся на этой благодатной в нашей стране теме. Никогда убийство не представляло перед ним в своем реальном виде. Он не понимал, насколько оно реально для самого убийцы. Он понятия не имел, насколько серьезен бывает убийца, когда он рискует либо своей жизнью, либо своей свободой. Адеан хотел открыть кое-что для себя. Возможно, именно поэтому он и пребывал в таком возбужденном состоянии, какой-то необычной эйфории сегодня утром, так как его опьяняло новое, неизвестное ему до сих пор чувство собственного могущества. Подумайте, какой он приобретал опыт! Но, мне кажется, он просчитался, поступил неверно... Вместо того чтобы прийти ко мне или к вам и рассказать о том, что ему одному стало известно, он попытался шантажировать убийцу. Конечно, он не подкрался к нему в темном переулке и не шепнул на ухо: «Десять тысяч долларов завтра в двенадцать ноль-ноль, или я расскажу обо всем». Думаю, что это был шантаж даже не из-за денег. Мне кажется, он хотел заручиться помощью убийцы, чтобы наконец поставить столь дорогую для него дурацкую пьесу. Это стало у него идеей «фикс», каким-то наваждением. Так же как он намекнул Марго Ингеллоу, что она ему чем-то обязана за предоставленное ей алиби, так же как он, правда косвенным образом, дал понять убийце, что ему все известно и что тот может купить его молчание, предоставив ему помощь в постановке его пьесы.

Слова Базиля не убедили инспектора.

– Разве может человек потворствовать убийству ради постановки собственной пьесы?

– Спросите у любого драматурга, чьи пьесы не ставят. Нет, честно говоря, Адеан был отвратительно откровенным эгоистом, снедаемым собственной амбицией. Это – один из тех людей, которые обладают минимумом таланта, максимумом запросов, которые молятся на искусство с тех пор, как за последние сто лет оно стало приносить неплохую прибыль. Таких авантюристов нельзя назвать полноценными людьми. Если у вас нет таланта, а вы все же стараетесь вовсю, чтобы пробить себе дорогу в искусство то, делая карьеру, вы вряд ли соблюдаете этические нормы. Если бы вы загнали Адеана в угол, то он все равно бы не признался, сказал, что все его наблюдения еще не выявляют на все сто процентов убийцу, что у него нет уверенности и т. д., но все же его неожиданное открытие повело бы все расследование по другому каналу... Но он решил про себя воспользоваться представившейся ему возможностью в своих целях. Подобные трюки совершаются в большом бизнесе ежедневно, почему бы не прибегнуть к подобной тактике и в театре – рассудил он. Что его сдерживало, запрещало посмотреть на все сквозь пальцы, подтолкнуть вовремя кого-то локтем, обратить внимание на себя, в общем, действовать по принципу «ты – мне, я – тебе»? Он играл с убийством так же невинно, как ребенок играет с заряженным пистолетом, а пистолет ведь может выстрелить. Мы должны задать себе простой вопрос: что стало известно Адеану и не было известно нам.

– Вы говорите, что Адеан был тем свидетелем, который предоставил Марго алиби? – переспросил Фойл. – Может, именно этот факт имеет отношение к последующим событиям?

– Вряд ли, так как Марго Ингеллоу была вместе с Полиной, Мильхау и мной сегодня вечером во время совершения второго преступления. Судя по всему, она в нем не замешана.

– А каким образом Адеан получил роль Владимира?

– На этот вопрос очень легко ответить. Стоит только послать за этим мальчишкой, который играл роль молодого крестьянина и распевал песенки за сценой.

Через несколько минут полицейский доставил «певца» на сцену. Он теперь сильно смахивал на крестьянского парня в своем веселеньком красно-зеленом костюмчике провинциала, специально сшитом для него.

– Расскажи-ка инспектору, что ты сегодня утром вытворил на репетиции? – строго приказал Базиль.

Его влажные черные большие глаза забегали взад-вперед. Было заметно, что ему не по себе.

– Знаете, это была просто шутка, а они все набросить на меня как сумасшедшие. Это считается дурным предзнаменованием. Тот парень, который должен был играть Владимира, отказался от роли, и тогда выступил вперед Адеан и сказал, что готов ее сыграть, так как он не

суеверен. Черт возьми, это не моя вина. Как я мог сказать, что... что...

Мальчик, повернувшись, посмотрел на альков. Там никого не было. На кровати лежало лишь скомканное стеганое одеяло. Он сглотнул слюну и потупился. Руки его тряслись мелкой дрожью. Голос Базиля нарушил неловкую тишину.

– Сколько ты получил за эту выходку?

– Десятку. – Мальчик по-прежнему не поднимал головы, уставившись глазами в пол.

– От кого? – нетерпеливо спросил инспектор Фойл.

– Разве вы не знаете? – Мальчик удивленно вскинул голову. – От самого Адеана. Он хотел сыграть роль Владимира.

Инспектор не скрывал своего разочарования.

– Ладно, можешь идти, – сказал Базиль. Мальчишка стремительно исчез за кулисами.

– Почему же, черт возьми, Адеану так хотелось сыграть Владимира? – спросил Фойл. – Уж не для того ли, чтобы проверить свою теорию убийства?

– Все не так просто, инспектор, – безразлично, почти заинтересованно ответил Базиль. – Он сделал это ради того, чтобы привлечь внимание Мильхау к своим пьесам, и ему это удалось сделать. В конце концов, он вырвал у него обещание прочитать их.

– И потом, получив свой первый настоящий шанс, он был убит, – продолжал размышлять над этим странным случаем инспектор. – Хотя бы намекнул, что ему стало известно...

– Он не был заинтересован в том, чтобы оказать помощь следствию. Адеану было на всех наплевать. Его интересовал только один человек. Это он сам.

Фойл вновь бросил взгляд на нож, лежавший на столе, как будто тем самым давал понять, что отдает предпочтение вполне осязаемому «ключу» перед всеми этими мало вразумительными предположениями. Вдруг его осенила новая идея.

– Скажите, Родней Тейт выносил сегодня на сцену свою хирургическую сумку?

– Да, но только пустую. Сегодня утром он оставил все ее содержимое, весь инструмент, все ножи в сейфе, кабинете Мильхау.

– Вы их перед этим пересчитали?

– Увы, нет. Просто он высыпал все ножи, зонды, зажимы и прочее на стол перед носом Мильхау. Целую кучу. Любой человек мог взять ради собственного удовольствия нож перед тем, как они оказались в сейфе.

– Нужно было обязательно все пересчитать. Придется спросить об этом у Тейта. – Фойл поднялся с кислой миной. – Ну теперь я намерен учинить допрос по всей форме всей этой банде в кабинете Мильхау. Хотите присутствовать?

– В данный момент нет. Я останусь ненадолго здесь похожу, осмотрюсь...

Фанерная дверь все еще тряслась после ухода со сцены Фойла. Оставшись наедине с самим собой, Базиль шагал взад-вперед по сцене. Он мало верил в успех подобных допросов на манер инквизиции, которые сейчас проходили в кабинете Мильхау. Ведь всегда официально заданные вопросы настораживают людей. От них можно добиться важных показаний, только действуя как бы невзначай, те минуты, когда они теряют бдительность, а вся обстановка при этом кажется случайной, спокойной, не подготовленной заранее. Фойл оставил автобиографию Гейзера на столе. Вероятно, он считал, что этот предмет не имеет особого значения для дознания. Базиль вновь полистал страницы. «Зачем Адеан купил эту книгу, если ее можно было взять почитать в медицинской библиотеке?» Один отрывок о постановке медицинского диагноза в Индии привлек его внимание. Он начал читать и не мог оторвать Книга захватила его...

Легкие шаги за сценой привлекли его внимание. Он повернул голову и увидел в проходе между кулисами справа Марго Ингелоу. Она остановилась.

– Не бойтесь, доктор Уиллинг. Это я. Инспектор допросил меня первой и сказал, что могу быть свободной.

Он молчал, словно ожидая от нее дополнительных сведений. Она прошла на сцену. На ней была белая шляпка, ее гладкие каштановые волосы спутаны в легком беспорядке, а черно-белое льняное платье несколько помято. Она казалась усталой.

Марго опустилась в кресло Федоры перед камином.

– Вы, конечно, считаете меня виновной во всех тех событиях, которые здесь разыгрались?

– Я этого не говорил.

– Но вы это показываете всем своим видом.

– Я гораздо больше, чем вы, несу ответственность за все, что случилось, – твердо ответил он. – Сегодня на репетиции я чувствовал, что все идет не так, как должно, но я не прервал ее, так как у меня, кроме предчувствия, ничего определенного не было.

– Мне кажется, во всем, что произошло, не виноваты ни вы, ни я, – сказала Марго. – Люди сами определяют собственную жизнь. Адеан сделал свой выбор. Он был настолько глуп, что посчитал великим развлечением подразнить убийцу.

Базиль протянул к ней руку.

– Не вернете ли вы мне скрепы, которые вы вытащили из его рукописи?

Она бросила на него изумленный, возмущенный взгляд.

– Что вы имеете в виду?

– Дайте мне вашу сумочку!

Она колебалась. Он подошел к ней и мягким жестом руки сам поднял ее с колен Марго, ту самую кожаную сумочку, которая была с ней вчера в ресторане. Раскрыв ее, он увидел обычные предметы: кошелек для мелочи, носовой платок, губную помаду. Он открыл «молнию» другого отделения. Там лежала пара медных скреп и другие мелкие предметы – бриллиантовое колечко, свежая газетная вырезка, крышка от жестяной банки, маленькие золотые ножнички для ногтей, совершенно новая, сияющая монета, стеклянный компостер из какого-то магазина и пучок фольги.

– Как вы об этом догадались?

– Вас за спиной называют Сорокой. Это странные, необычные птицы. Они известны своим черно-белым оперением. Кроме того, это очень сообразительные птицы. Они могут, словно попугаи, имитировать человеческую речь и обладают одним известным пороком – воруют и припрятывают в укромных местечках различные блестящие предметы независимо от их ценности. Все – от бриллиантового колечка до куса блестящей фольги. Они – единственные представительницы животного мира, которые считаются клептоманками. Когда я увидел ваше довольное, сияющее лицо в тот день на террасе, когда исчезли медные скрепы из рукописи Адеана, я понял, в чем тут дело. Некоторые прозвища безобидны, другие – оскорбительны. Сорока принадлежит ко вторым.

Она спокойно выслушала слова Базиля, словно это была давнишняя, хорошо знакомая ей история.

– Можете ли вы основывать столь серьезные подозрения на паре медных скреп и на прозвище?

– Я не выдвигаю никаких обвинений. Но нам нужно выяснить пару вопросов, между нами, сами понимаете. Никто не должен об этом ничего знать. Скажите, было ли это истинной причиной ваших ссор с мужем? Из-за это он ушел от вас к Ванде?

У Марго был какой-то безразличный, отрешенный вид, Но она тихо, спокойно ответила:

– Да... Он ничего не имел против... моей слабости... этих вещичек. Но он утверждал, что я бесчувственна и холодна... Вы – психиатр и хорошо знаете, что подобные мне люди отличаются эмоциональной бесчувственностью.

Базиль утвердительно кивнул головой.

– Все началось еще в детстве, когда мне было пятнадцать лет... Начали в доме пропадать вещи... Меня уличили... Лечили, но ничто не помогало.

– Ингелоу не знал об этом, когда решил жениться на вас?

– Нет. У нас были друзья из разных слоев общества. Мы встретились случайно на конной выставке. Может, моя молчаливость, спокойствие и почти полная отрешенность от этого мира вначале привлекли его ко мне. Моя родители были в восторге. Они были старомодные люди и были уверены, что замужество излечит меня от этого порока. Конечно, и брак не помог. Я не обладаю всем теми представлениями о настоящей любви, которые доступны подавляющему большинству женщин. Я просто рождена такой, и все тут. Я действительно любила Джона, хотя это и покажется вам смешным, любила так сильно, как могла, как не любила никого другого. Но, вероятно, ему нужна была иная любовь. Ванда его совсем не любила. Но она обладает ярко выраженной сексуальной привлекательностью, которая как магнитом притягивает всех мужчин,

и она не страдает ложным чувством стыда, демонстрируя все свои «прелести» перед ними. А он думал, что она любит его... Это такая женщина, которая рассматривает другую, несчастную женщину как свою очередную жертву, как еще одну возможность для достижения своей цели – богатства, славы и успеха. В тот момент, когда я пригласила ее к себе в дом, она поняла, какие существуют между нами отношения, и тут же принялась повсюду его преследовать. Я многое поняла за последние месяцы. Я узнала, что внешние приличия ценятся в нашем обществе куда более высоко, чем искренность и честность. Я поняла, что для большинства людей, и прежде всего мужчин, любовь – это удовольствие, а лишь потом уже чувство. Но весь этот опыт, все эти знания, к сожалению, пришли ко мне слишком поздно и теперь, конечно, не сулят мне ничего хорошего. Все рассудком я понимаю, но, к сожалению, с эмоциональной точки зрения ничего понять не могу...

Когда Марго ушла, Базиль через зрительный зал направился прямо в кабинет Мильхау. Он был битком набит людьми. За столом Мильхау сидел инспектор Фойл. Ванда, Род и Полина были разгневаны до предела и явно озадачены, Леонард выглядел внешне спокойным, но очень усталым, а сам Мильхау казался чрезвычайно деловым и сосредоточенным.

– Я ничего дурного не имел в виду, – оправдывался в чем-то Мильхау, обращаясь к инспектору, когда в кабинет вошел Базиль. – Личная привлекательность, очарование – это часть акций «звезды» в ее бизнесе. Она обязательно должна иметь возле себя какого-нибудь красавчика и таскать его повсюду за собой. Она не может войти в ресторан одна, как простой, заурядный посетитель. С ней постоянно должен находиться какой-то вздыхатель, влюбленный в нее молодой симпатичный человек. Мне ничего не было известно об Ингелю и его делах с Вандой, так как они все тщательно скрывали до получения развода от Марго. Затем Ингелю уехал в Панаму. Ванда осталась одна. Но это ведь ужасно для актрисы! Как для нее лично, к и для судьбы спектакля. Какая же здесь реклама? Я бы посоветовал ей найти какого-нибудь «чичероне», даже если пришлось нанять такого за деньги, но она лишь посмеялась надо мной. Необходимо было что-то предпринять, и я поговорил со своими ребятами из отдела рекламы, и один них разработал нужную мне схему. Он заимствовал ее из Шекспира.

– При чем здесь Шекспир? – прервал его ничего не понимающий инспектор.

– Конечно! Почему бы и нет? У Шекспира есть пьеса об одной парочке – Беатриче и Бенедикте. Им абсолютно наплевать друг на друга, но их приятели решают разыграть их и распускают повсюду слухи, что Бенедикт сходит по ней с ума, а она чуть ли не готова полезть в петлю ради него. Поэтому я и сообщил Ванде, что Род по уши в нее влюблен, а Роду намекнул, что Ванда безумно его любит. Она начала повсюду появляться там, где был и он, просила его повсюду сопровождать ее, а он был не в силах ей в этом отказать. В общем, схема удалась. Я пустил по ее следу человека с фотокамерой и приказал ему ни на шаг от них не отставать, а в отделе рекламы распорядился распространять в газетах и журналах эти фотографии с соответствующими душещипательными надписями и всякими прочими домыслами, чтобы подогреть интерес публики к ней и, соответственно, к своему театру. Что же здесь дурного?

– Да вы спятили!

– Значит, это вы...

– Ах ты, подлая скотина!

Эти три восклицания поочередно донеслись от Ванды, Полины и Роднея. Все трое, поднявшись со своих мест, угрожающе двинулись на Мильхау. Тот попятился и укрылся за собственным столом, прижавшись поплотнее к инспектору.

– Нервы, нервы, поберегите нервы, – плаксивым тоном начал он увещивать своих актеров. – Вы же знаете этот старый голливудский трюк – все ради «паблисити»! Кто же влюбится в красотку на экране или сцене, если она в реальной жизни... синий чулок, на которую...

– Это я – синий чулок? – взвизгнула Ванда.

– В Голливуде жертва такой «романтической любви» хранится в секрете, – заметила Полина.

Род сжал кулаки и молча направился к Мильхау.

– Послушай, не валяй дурака, – Мильхау нырнул под стол, выдвинув в качестве прикрытия впереди себя инспектора Фойла. – Я же старался ради твоего успеха как главного

партнера Ванды, заставлял каждого читателя газеты или журнала поверить, что ты сводишь Ванду ума. Тюфяк!

– Простите, я не помешал?

Все оглянулись. На пороге стоял Лазарус. В одной руке он держал клетку, покрытую куском мешковины. Глазами он искал Базиля.

– Вы сказали, что я могу оставить Дикки сегодня вечером в каком-то безопасном месте. Куда же мне постав клетку с Дикки? – спросил Лазарус.

– Пусть остается здесь, на столе, в моем кабинете, – ответил Мильхау и помог старику тщательно накрыть ее мешковиной.

Все направились к выходу, и Хатчинс, подойдя к Базилю, положил ему руку на плечо.

– Ну как вам понравился этот трюк хитреца Мильхау, привлекшего даже Шекспира к своей рекламе?

– Да, занятно, – сказал Базиль и вопросительно посмотрел на Хатчинса.

– Шекспир годится для многих современных ситуаций, – с самым серьезным видом продолжал Хатчинс. – Весь вечер пытался вспомнить эту строчку из Отелло, кажется, она звучала так: «А было бы то репликой к убийству, то выяснил бы все я без подсказки...»

Фойл стоял в дверях кабинета со связкой ключей в руках. Он нажал на клавишу в стене. В зрительном зале вспыхнул яркий свет, и в этот момент тишину разрезал дикий вопль женщины. Это закричала Полина. Род устремился к ней. Она стояла сразу за дверью, в коридоре, ведущем в зрительный зал.

– Что случилось? – настороженно спросил инспектор, подойдя к Полине.

– Ничего, ничего... Просто так... нервы... Простите...

Она замолчала. Казалось, ушла глубоко в себя, не замечая никого из окружающих. Ее лицо исказила судорога, как и лицо Ванды там, на сцене, когда и она закричала истощенным голосом. Видно было, что ей страшно. Она попыталась улыбнуться, но губы ее дрожали и улыбки не получилось.

– Должно быть, действительно мои нервы на пределе, – сказала она, как бы оправдываясь, увидев подошедшего к ней Базиля.

Он внимательно оглядел зал. Он был пуст, за исключением одного полицейского в форме, стоявшего на сцене перед красным плюшевым занавесом, который оттягивали вниз словно гири, пучки золотой бахромы.

– Вы никого не видели здесь? Может, что-то заметили? – пытался выудить у нее что-нибудь инспектор Фойл.

– Нет, инспектор. Ничего я не заметила. Просто я споткнулась, подвернула ногу. Дикая боль... Лучше мне уйти отсюда. Я должна уехать домой, – сказала она и тяжело опустилась в кресло одного из последних рядов.

– Хорошо. Поступайте как знаете. – Он выключил свет в кабинете Мильхау, запер дверь на ключ, выбрав один из целой связки.

– Док, нам по пути? – спросил он Базиля.

– Нет, инспектор, если вы позволите, то я еще побуду немного здесь.

Сопровождавшая их маленькая группа остановилась по середине прохода в зрительном зале. Полина подошла Базилю.

– Вы что, собираетесь остаться здесь один?

– Если инспектор не имеет ничего против. – Базиль покосился на Фойла.

– Конечно. Что за вопрос!

– А вы считаете, что здесь сегодня совершенно безопасно? – спросил Леонард.

– Он будет здесь не совсем один, – ответил за него Фойл. – У нас на месте преступления постоянно находился полицейский в течение суток или даже двух.

– Только один полицейский? – воскликнула Полина. – В таком громадном здании?

– Это – простая формальность, мисс, – объяснил ей инспектор. – Расследование здесь, в театре, закончена. Все, что может бросить какой-то свет на преступление, даже часть декорации, запачканная кровью, отправлено в лабораторию полицейского управления для анализа.

– И все же... – Полина бросила взгляд на отвесные стены зрительного зала, на сводчатый

потолок, наполовину скрытый в глубоких тенях. – Один человек...

– Позвольте мне остаться с вами, – обратился Род к Базилю.

– Нет, не стоит. Все будет хорошо, – Базиль улыбнулся, давая понять Роду, что в сложившихся обстоятельствах он вряд ли может оказать ему помощь.

– Мне не нравится ваша идея, – с серьезным видом сказал Хатчинс. – Как это она пришла вам в голову, доктор Уиллинг?

– Мне тоже, – поддержала его Ванда. – Но доктор Уиллинг ведь упрям.

Базиль повернулся к Мильхау:

– Не дадите ли вы мне ключи?

– Они у инспектора. Теперь он здесь хозяин.

Фойл протянул Базилю связку ключей.

– Передадите полицейскому, когда все закончите.

Когда потихоньку все стали удаляться от них, Фойл наклонившись поближе к уху Базилия, прошептал:

– Что, какая-то блестящая идея?

– Театр стал тем местом, где совершено два преступления, два убийства. Мне бы хотелось получше познакомиться с расположением его помещений, пропитаться его атмосферой...

– Значит, вы не хотите, чтобы я остался вместе с вами?

– Нет, спасибо, инспектор. Одному мне сподручнее.

Инспектор бросил взгляд через стеклянные стены коридора, туда, где находился выход на улицу. Все выходили через дверь кассы.

– Что вы думаете об этих людях, доктор? Знают ли они что-нибудь?

– По крайней мере, четверо из них, но один из них уже мертв.

– Кто же остальные трое?

– Полина, Хатчинс и Ванда...

– Может, установить за ними слежку?

– Нет, не нужно. Пусть погуляют на свободе...

После ухода Фойла Базиль прошел вниз по проходу, к сцене, поднялся по маленькой лестнице. За кулисами он опять натолкнулся на ту лестницу с перилами, ведущую в апартаменты Мильхау. Он поднялся. Дверь была заперта. Он нашел в связке нужный ключ и открыл ее. Когда он зажег свет, то увидел, что все лежало на прежних местах: грязные тарелки и стаканы, оставленные на столике для ужина, стулья, расставленные в беспорядке, кресла, через зияющий провал внизу была видна сцена. На ней все было по-старому. Огни рампы и верхние ряды фонарей были погашены, но горела одна дежурная лампочка.

Он внимательно осмотрел комнату, но не нашел в ней ничего примечательного. Устал он присел на одно из кресел. Базиль улыбнулся, вспомнив знаменитый совет, данный Марком Твенном начинающему литератору, который запутался в собственном сюжете: «А вы пробовали подумать?» Его совет вполне пригоден и при расследовании замысловатого преступления. Он мысленно «пробежал» все дело от начала до конца, от того момента, когда он в самолете, летящем из Вашингтона в Нью-Йорк, обратил внимание на заголовок в газете о выпущенной из клетки канарейке, до той минуты, когда Полина так страшно закричала в зрительном зале всего несколько минут назад. Постепенно его разрозненные мысли, сбитые в плотную массу, начинали оседать где-то в глубине его сознания, оставляя пространство наверху, на поверхности, для новых размышлений об этом двойном убийстве. По сути дела, из-за этого он хотел остаться в театре, в одиночестве после ухода всех, чтобы побыть одному в пустынном громадном здании, где в мертвой тишине он, казалось, мог услышать собственные мысли. С самого начала он подозревал, кто убийца. Теперь он был с нравственной точки зрения полностью уверен в его виновности. Но как доказать все это в суде? Для этого он должен был целиком положиться на свидетельства Ламберта после снятия spectroграммы с ручки скальпеля. Жаль, что большинство присяжных не любят химических доказательств. Для них это слишком сложно... с технической стороны...

Какое-то движение заставило его выглянуть через пролом в стене. Там, далеко внизу, что-то двигалось, пересекая тени, отбрасываемые тускло горевшей лампочкой на сцене. Он перегнулся через парапет, наклонился как можно дальше и напряг зрение. То, что двигалось,

исчезло.

Он немного подождал. Снова ему почудилось какое-то движение. Теперь он все видел, и видел отчетливо: в яркой дорожке света, отбрасываемой дежурной лампочкой, по сцене летала маленькая желтая птичка. Это была канарейка!

Глава тринадцатая ДВИЖЕНИЕ И ШУМ

Базиль щелкнул выключателем, и в апартаментах Мильхау погас свет. Закрыв за собой дверь, он начал спускаться вниз по лестнице, огороженной перилами. Шаги его гулко раздавались в тишине. Ему казалось, что они слышны даже там, за этими мрачными стенами здания, на улице. Сойдя вниз, он остановился, прислушался. Все было тихо. Он прошел через кулисы на сцену.

Еще несколько часов назад здесь было столько шума, движения, света. Теперь одна дежурная лампочка, простая и убогая, свисавшая на проволоке с потолка, бросала квадрат бледного света в объятые тишиной густые тени. Внезапный трепет крыльев напугал его. Снова канарейка пересекла сноп света и уселась на веревке, прикрепленной где-то наверху на блоке. Ее глазки, как черные булабочные головки, сверкали в слабом, рассеянном свете.

Гул уличного движения за стенами театра, казалось только усиливал царящую здесь тишину. В ней, правда, было что-то настораживающее, грозное, где-то внутри он чувствовал, что кто-то там, наверху, внимательно к нему прислушивается, наблюдает за ним, пытаясь разглядеть его в темноте, выжидает.

«Не удивительно, что дом с привидениями – это всегда пустующий, необитаемый дом», – подумал он, выходя из желтого квадрата света и вступая в глубокую тень, отбрасываемую кулисами.

Двустворчатая дверь, ведущая в альков-спальню, была открыта точно так, как она была распахнута сегодня вечером, когда опустили занавес. Но теперь он был поднят. Приглушенный свет ярко горящих неонам небоскребов проучивался через маленькое оконце в задней части зрительного зала, на самом верхнем балконе. В этой полутьме Базиль стоял, обратившись лицом к пустым креслам, поднимающимся по наклонной плоскости к самому куполообразному потолку, который висел над ним в непроглядной темноте, как какой-то далекий, давящий кошмар. Он стоял, прислушиваясь к тишине. Вдруг ему послышался какой-то шум. Точно. Звуки шагов по другую сторону задника. Он здесь был не один.

Базиль пересек сцену и пошел до левых кулис. Там ничего не было, кроме непроницаемой темноты, но он явственно слышал, как удалялись чьи-то шаги. Он включил фонарик. Маленький луч окрасил желтоватым светом чудовищные тени, отбрасываемые причудливыми связками проводов и веревок. Одна из них мягко раскачивалась взад и вперед, как будто кто-то только что отстранил ее рукой. Он посмотрел под ноги. Там, впереди, лежало что-то вроде узла из одежды. Он поспешил к нему и обнаружил лежащую на сцене Полину.

Позабыв о грозящей ему опасности, он опустился перед ней на колени. Темный при тусклом освещении ручеек крови сбегал по ее запястью. Базиль положил на пол фонарик и попытался определить, откуда текла кровь. К своему великому облегчению, он обнаружил, что всему виной – небольшая ранка в мягкой части предплечья правой руки. Вытащив из кармана перочинный нож, он распорол ей рукав и кое-как наложил повязку из чистого носового платка. Занимаясь ее раной, он все время ощущал какой-то специфический слабый запах. Базиль заметил какое-то белое пятно на полу. Нагнувшись, он поднял носовой платок, сырой и липкий. Теперь запах стал сильнее, очевидно, он исходил от платка, мимолетный и несколько приторный, словно легкое дуновение ветерка из фруктового сада. Он засунул его в карман. Полина зашевелилась и открыла глаза.

– Что со мной?

– Все в порядке, – заверил ее Базиль. – Небольшая ранка в мякоти предплечья, которая немного задела вену. Как это произошло?

– Кто-то напал на меня в темноте. Не знаю кто. Потом я почувствовала острую боль в

руке. Больше ничего не помню.

– Зачем ты вернулась в театр?

– Чтобы предупредить тебя. Это был превосходный замысел, тот занавес с тяжелой золотой бахромой... Ну из-за чего я закричала. Я не могла объяснить этого раньше, но когда я увидела...

– Да, я знаю. Все будет хорошо.

– Но рано или поздно я все равно бы догадалась, в конце концов это моя профессия – различать цвета!

– Как ты сюда попала?

– Я решила колотить в дверь, пока ты меня не услышишь. Но никто не подходил. Но затем я увидела, что дверь на верхней площадке пожарной лестницы открыта...

– Я найду его, не беспокойся, – сказал Базиль. Он передал ей свой фонарик и сказал:

– Зажги его сразу, если кого-нибудь заметишь. И кричи как можно громче.

Базиль прошел по сцене к двери, находившейся слева, переступил через ее порог. Шаги его скрывали голые доски, но почему-то они отзывались эхом. «Разве может быть в театре эхо? – подумал он. – В здании, в котором особое внимание уделяется акустике?» Он остановился. Эхо раз давалось по-прежнему. Тогда он понял, что это вовсе не эхо. Кто-то еще, кроме него, направлялся к пожарной лестнице, расположенной по другую сторону сценических декораций, и этот кто-то, очевидно, притаясь между кулисами, был свидетелем их разговора с Полиной. Базиль мог опередить этого человека и раньше него добраться до лестницы.

Стараясь создавать как можно меньше шума, ступая совершенно неслышно, он вернулся, прошел через ту левую дверь и пересек сцену по направлению к правой кулисе. Над сценой отражался свет из маленького оконца над верхним балконом. Базиль вспомнил, что оставил свой фонарик Полине.

Когда он вступил в густоту тени, то какой-то легкий звук заставил его вздрогнуть. Он повернул голову. У него было какое-то непреодолимое, не оставлявшее его ни на секунду чувство, что среди этих неподвижно застывших теней была еще одна, которая передвигалась. Едва этот смутный образ отразился на сетчатке его глаза, как он резко столкнулся с каким-то тяжелым предметом. Он с силой выбросил сжатый кулак вперед и почувствовал, как его суставы чиркнули по грубой ткани. Но его руку так резко отбросило, что он не удержался на ногах и упал на хрупкую стенку из реек и холста. Опять ему ударил в нос этот слабый, противный, сладковатый запах. Кто-то стоял рядом и тяжело дышал в непроницаемой темноте. Затем он услышал поспешные шаги. Кто-то явно удирал от него.

Он попытался идти на ощупь, на шум, но уперся носом в стену из холстины. Вытянув вперед руки, он нащупывал дорогу к железной лестнице, которая вела вверх, к пожарной. Через двери пожарной лестницы виднелся клин света. Значит, она была приоткрыта.

Легко и быстро вбежал он по лестнице и распахнул дверь. Там, на площадке, никого не было. Никого не было и на лестнице, а также внизу, в тупике. Ветер остудил его лицо и взъерошил волосы. Весь город был распростерт перед ним – крайне театральным выглядел «задник» из высоких, словно горы, небоскребов, разукрашенных огнями, словно множество рождественских елок. Он покрепче ухватился за железные перила, чтобы устоять под яростными порывами ветра, и снова увидел ярко-красную пульсирующую рекламу чая Тилбери, возникающую время от времени, как сноп яркого пламени.

«Наступило время для чашки чая Тилбери!» Он посмотрел на часы. Была половина десятого. Когда он смотрел на часы, то минутная стрелка, словно подчиняясь конвульсии, вздрогнула и прыгнула вперед. Она не прошла то пространство на циферблате, которое соответствует двум минутам, а одним прыжком одолела две минутные черточки. Затем он услышал пронзительный сигнал, что-то вроде свиста. И тут же бесшумно исчез окрашенный неоном циферблат часов на башне небоскреба. Огни в коктейль-баре напротив погасли. Один за другим гасли небоскребы, и уже их нельзя было различить на фоне темного неба. Нигде не было света, кроме двух-трех ярких пятнышек уличных фонарей. Повсюду была непроглядная темень. «Это еще что такое?» – подумал про себя Базиль. И вдруг вспомнил, что в этот вечер должны были отключить свет в их районе, особенно излишнее освещение и рекламу, так как требовалось провести ремонтные работы после происшедшего на днях «великого затмения»,

когда по чьей-то нерадивости весь Нью-Йорк был лишен света на целые сутки. Он вернулся в театр. Когда он спускался вниз по лестнице, то увидел внизу, на сцене, какую-то женщину. На плечах у нее было брошено черное меховое манто. Она повернулась, услышав шаги Базиля. Он тут же узнал Ванду. Сквозняк сбил ее темные волосы в подобие какого-то облака, плывущего над ее живым, ярким лицом. Ее раскосые глаза отливали золотом, а желтоватый топаз блеснул на ее пальце, когда она рукой дотронулась до перил лестницы

– Доктор Уиллинг! – Голос ее дрожал. – Как ужасно вы выглядите! – Она сделала шаг назад, ее манто распахнулось, и он увидел на ней то белое платье, в котором она играла накануне.

– Как вы сюда попали?

– Через служебный вход, естественно. Я взяла ключ у Мильхау.

– Когда вы пришли?

– Не понимаю, почему я должна отвечать на подобные вопросы. – Она смерила его взглядом.

– Вы предпочитаете давать показания в полицейском участке?

– Только что, – ответила она, чуть дыша. – Какое дело полиции до моего прихода сюда?

– Вы встретили кого-нибудь в тупике? Может, видели кого-нибудь на пожарной лестнице?

– Нет, никого. – Она запахнула свое манто поглубже, как будто почувствовала внезапный озноб. – А в чем, собственно, дело? Что-нибудь случилось опять?

Он не ответил на ее вопрос.

– Почему вы пришли сюда одна?

– Почему бы и нет?

– Обычно вы появляетесь в сопровождении своих служанок, агентов по связи с прессой, своих поклонников...

Ванда патетически закатила глаза.

– Ах, если бы вы только знали, доктор Уиллинг, как мне все это надоело, как я все это ненавижу. Как я стремлюсь к здоровой, возвышенной, не отягченной страдания жизни...

– И вы в своем загородном доме сами выполняете всю домашнюю работу... и т. д. Я уже слышал об этом. Но я также очень хорошо знаю, что существуют такие вещи, которые нельзя доверять ни собственной служанке, ни своим агентам по связи с печатью...

Ванда чуть приблизилась к нему, и ее голос перешел а шепот.

– Я пришла, чтобы встретиться с вами. Мне нужно кое-что вам рассказать, но без свидетелей. Мне страшно...

Послышалось хлопанье крыльев. Ванда вздрогнула, словно в конвульсии, и сцепила руки. Над ее головой пролетела канарейка и уселась на одном из перил лестницы.

– Черт возьми! Что нужно здесь этой птице? – зашипела она, словно змея.

– Эта птичка – замечательный свидетель для нас с вами, – ответил Базиль.

– Не понимаю...

– Напротив, – возразил Базиль. – Мне кажется, что ради этого вы и пришли ко мне. Я видел, как напугал вас вопрос инспектора Фойла о канарейке, и помню, какого я нагнал на вас страха, когда при посещении вашего дома упомянул о своем интересе к канарейкам. Вы уже догадались об истине в тот момент, когда увидели в газете заголовок небольшой заметки об этой канарейке три дня назад. Вы предполагали возможность убийства еще до его совершения, когда полиция поинтересовалась у вашего агента по связи с прессой, не является ли вся эта история с канарейкой вами придуманной уловкой с целью усиления собственной рекламы. Убийца заметил, что вы его подозреваете. Какой бы великой актрисой вы ни были, вам никогда не удастся скрыть страха в подобной ситуации. И когда вы поняли, что ваши подозрения вызывают подозрение и у него, вы почувствовали, что ваша жизнь отныне под угрозой. Вы хотите поскорее его засадить за решетку ради собственной безопасности и пришли сюда, чтобы просить меня об этом. Не так ли?

– Вы на самом деле считаете, что он... меня убьет?

– Как же иначе ему сохранить собственную жизнь?

При тусклом свете накрашенные губы Ванды казались черными углями на фоне

побелевшего лица-призрака. Она пошатнулась и крепче ухватилась за перила.

– Мне нужно знать следующее: знаменитые часы на башне небоскреба Тилбери указывают точное время?

Улыбка искривила губы Ванды.

– Значит, вы и это знаете? Мало кто обращает на это внимание.

– То есть вы хотите сказать, что часы не точны?

Улыбка Ванды замерла на губах. Она стала серьезно–сосредоточенной.

– Часы на открытом воздухе на всех высотных зданиях не могут показывать время с точностью до секунды, если только они не покрыты стеклянным футляром.

– Почему?

– Потому что их стрелки подгоняет ветер. Может, его силы недостаточно, чтобы заметно подвинуть часовую стрелку, но на такой высоте, в ветреный день воздушные потоки могут немного изменить положение минутной стрелки, если они перемещаются в нужном направлении. Большинство людей этого не замечают, так как они бросают взгляд на часы на башне раз, два, не больше. Но у меня достаточно оснований для изучения этого явления. Когда я получила свою первую маленькую роль на Бродвее, я жила в том отеле на 45-й улице, где живет большинство актеров в свои молодые годы, в начале своей карьеры. У меня был номер в тыльной части здания, с окнами, выходившими на 44-ю улицу, как и в комнате Сеймура Хатчинса, где он живет в настоящее время. Я поставила свои часы по часам Тилбери и опоздала на десять минут на свидание с продюсером, который обещал мне хорошую роль. Оказалось, что он помешан на пунктуальности, и из-за моего опоздания работы мне не дал. Я заинтересовалась тогда этим странным обстоятельством и выяснила, что по сильно ветреным дням часы на башне Тилбери могут либо спешить, либо отставать на десять минут в сутки. Им, конечно, следовало придумать для них какой-нибудь стеклянный футляр, но, он, конечно, испортил бы внешний вид красивого здания.

– Полиции будет интересно узнать об этом и еще об одном, – сказал Базиль. – Готовы ли вы ответить на мой вопрос?

– Я... – Ванда открыла было рот, но тут же опять закрыла. – Я...

В эту секунду какой-то отливающий синеватой стальной блестящий предмет молнией промелькнул между ними. Послышался гудящий, вибрирующий звук. В стене позади Ванды, на уровне двадцати сантиметров над ее головой дрожала серебристая ручка хирургического ножа. Все лезвие вошло в деревянную стойку. Ванда завизжала, словно раненое животное.

– Нет! Ничего я вам не скажу! Никогда!

Она больше не могла стоять на ногах. Она медленно сползла на пол, на спавшее с ее плеч меховое манто. Ее рот был искажен страхом. Глаза тупо уставились в темноту.

– Включите свет! – прошептала она, обращаясь к Базилю. – Пожалуйста. Он видел, как я сюда вошла. Он знает, что вы остались один в театре. Он понимает, что я пришла сюда, чтобы встретиться с вами и рассказать вам обо всем. Теперь он убьет нас обоих. Включите свет!

Чья-то темная фигура выступила из густой тени.

– Не пытайтесь меня преследовать. У меня хватит на всех вас ножей, – целая хирургическая сумка! И все они отлично наточены!

Легкие шаги удалялись вверх. Голова какого-то человека и его плечи отразились на фоне внезапно вспыхнувшей узенькой полоски звездного света. Кто-то проскользнул через узкую щель приоткрытой двери наверху, ведущей на площадку пожарной лестницы.

Базиль помчался вверх, перешагивая через две ступеньки. Дверь была открыта. Он сделал еще шаг и ступил на последнюю, самую верхнюю, площадку пожарной лестницы. Чья-то темная фигура поджидала его там. При свете звезд лицо человека было едва различимо. В руках его сверкнуло лезвие хирургического ножа.

Глава четырнадцатая РАЗВЯЗКА

Леонард Мартин произносил свои реплики по заранее подготовленному сценарию.

– Безрассудно поступаете, доктор Уиллинг! Слишком безрассудно! Завтра утром вас найдут в тупике с торчащим из груди ножом, а все ваши кости из-за приличной высоты падения превратятся в порошок. Меня им никогда не удастся поймать. Ванда слишком напугана, и будет в глазах полиции единственной подозреваемой, так как именно она просила у Мильхау ключ от служебного входа. Я научился открывать любой замок много лет назад, когда мне поручили главную роль в спектакле «Взломщик», – уступка неизменному пожеланию Мильхау сохранить во всем «абсолютный реализм». Я проник в театр через служебный вход, когда полицейский спокойно прогуливался на противоположном краю сцены. Мне очень легко улизнуть, и никто меня не заметит. У вас нет никаких доказательств, с помощью которых вы можете уличить меня в совершение этих преступлений. Я заколол Ингелоу, а потом Адеана не оставив при этом ни малейшего «ключа», за которые полиция могла бы ухватиться.

Хотя в голосе Леонарда и звучали нотки обычной актерской напыщенной гордости, но все же Базиль замету интонации, свидетельствовавшие о его некоторой неуверенности, скрытом сомнении. Базиль решил сыграть и на том и на другом.

– Да, вы умны и хитры, но умны недостаточно. Инспектор Фойл располагает доказательствами вашей вины.

– Вы лжете! Я вам не верю!

Базиль подумал, что если ему посчастливится остаться в живых, то он никогда в жизни не забудет этих страшных мгновений, когда он столкнулся лицом к лицу с убийцей здесь, на головокружительной высоте, в темноте пожарной лестницы, слабо освещенной мерцанием звезд. Но для этого ему предстояло ухитриться как можно дольше играть на актерской слабости, драматизировать любую ситуацию, заставить Леонарда говорить как можно дольше...

– Вы просмотрели целых три главных «ключей», – спокойно сказал Базиль. – Часы, муха и канарейка.

– О чем вы, черт возьми, говорите?

– Когда было обнаружено, что Ингелоу убит, то ваши часы показывали точно такое же время, что и мои, а часы Рода Тейта отставали ровно на десять минут. Вчера вечером, находясь в кабинете инспектора Фойла, я обнаружил, что мой часы ушли на целых десять минут вперед, когда я сверил их по радио с точным временем Национальной навигационной обсерватории. Таким образом, три дня назад часы Роднея шли верно. Почему же ушли вперед мои и ваши? Потому что я поставил их по часам на башне небоскреба Тилбери, а это случилось как раз перед убийством, а как известно, по сильно ветреным дням часы Тилбери уходят вперед или отстают на несколько минут. Почему же ваши часы ушли на десять минут вперед? Потому что вы их тоже поставили по времени на часах небоскреба Тилбери. Эти часы не видны из театра, и их можно увидеть только с площадки пожарной лестницы. Вы отправились туда, чтобы немного поостыть и успокоиться перед осуществлением своего злодейского замысла и точно поставить свои часы, чтобы не попасть впросак при осуществлении убийства на сцене и вписать незаметно все ваши действия в расписание хода пьесы. Таким образом, вы и были той черной фигурой на лестничной площадке в тот вечер, когда был убит Ингелоу. Вы уронили текст пьесы, принадлежащий Ванде, когда я случайно проходил по тупику, и вы подчеркнули жирным черным карандашом ту строчку, которую должен был произносить Хатчинс: «Ему не уйти отсюда, теперь все против него!» С самого начала Хатчинс заявил, что не подчеркивал эту фразу в тексте Ванды, и у нас не было причин сомневаться в правоте его слов, так как он был вне подозрений. Таким образом, эту фразу должен был подчеркнуть тот, кто не произносил ее в пьесе. Почему? Когда кто-то подчеркивает строчку в пьесе которую сам не произносит, значит, эта строчка становится репликой, необходимой для какого-то сценического действия. Подчеркнутая вами строчка в тексте Ванды была не только «ключом», но и репликой, определяющей «дело», а таким «делом» было убийство Ингелоу. Вам нужна была какая-то реплика, чтобы отвлечь внимание как участников пьесы, так и зрителей от себя, от ваших действий, причем вам нужно было вписать ее в рамки хронологической последовательности действия пьесы, чтобы невзначай какой-нибудь другой актер не помешал выполнению плана. Этот четкий хронологический порядок, рассчитанный по минутам, был в последний момент изменен, когда актер, игравший роль Дезире, внезапно заболел, и его фразы были выброшены

из текста. Вы об этом узнали тогда же, когда и я, в картинной галерее, всего за несколько часов до начала премьеры. Придя в театр, вы схватили текст Ванды, единственный текст, где были отмечены сокращения, чтобы убедиться, в какой степени эта неожиданная «операция» отразится на той реплике, которую вы подобрали в качестве сигнала для убийства. Такой репликой должна была стать фраза, произносимая другим актером в то время, когда вы находились наедине с Владимиром, а сокращение роли Дезире могло нарушить одно из этих условий. Могло случиться и так, что одна из фраз произносимых Дезире, и оказалась как раз выбранной вами в качестве сигнала для убийства, и теперь вам предстояло очень быстро подобрать другую, взамен выброшенной из текста. В спешке вы абсолютно автоматически пометили реплику – сигнал для убийства, ей могла оказаться любая строчка, отвлекающая от вас внимание публики. Вы отправились на верхнюю площадку пожарной лестницы, чтобы немного успокоиться и поточнее поставить свои часы, а затем рассчитать время произнесения этой реплики. Мильхау сообщил мне, что вы никогда не жили в маленьком отеле, выходящем окнами на башню Тилбери с часами, где в настоящее время живет Хатчинс, поэтому не знали, что эти точные часы показывают иногда далеко не точное время. Текст пьесы выпал у вас из рук, так как вы испугались, увидев меня и приняв меня за Ингелоу, того человека, которого вы хотели убить, так же как была напугана Ванда, когда я постучал к ней несколько минут спустя. Мы с ним приблизительно одного роста и в тот вечер были почти одинаково одеты, что я заметил сразу же, впервые увидев его в коктейль-баре за несколько минут до начала спектакля. Вы не посмели потребовать от меня текст, опасаясь возбудить у меня тем самым подозрения, когда Ингелоу будет убит при произнесении этой реплики.

У вас не было времени для подбора другой реплики, так как вот-вот должен был подняться занавес.

На следующее утро Родней Тейт составил для меня расписание действия первого акта по минутам. Сегодня утром во время репетиции я обнаружил, что расписание было составлено верно, и я установил ночное время произнесения Хатчинсом этой фразы с учетом этих десяти минут. Тогда я обнаружил, что единственным актером на сцене, находившимся в непосредственной близости от Владимира, были вы, и, значит, вы его убили в момент произнесения Хатчинсом реплики. У самого Хатчинса вызвал подозрение тот факт, что его собственный голос стал сигналом к двум убийствам. Но он не был в этом уверен и попытался донести до меня информацию косвенным путем, цитируя строчку из Шекспира. Сегодня вечером вы даже вызвали подозрение у Полины, когда инспектор Фойл по ошибке включил свет в зале, и она вдруг заметила, что занавес, который в полутьме выглядел как черным, на самом деле был ярко-красный. Из всех цветов красный первый теряет свой характерный оттенок при угасающем свете. Также кровь и губная помада становятся черными на фотографии или при тусклом освещении. И ваш пунцово-красный халат выглядел черным неба там, на площадке пожарной лестницы.

– Изобретательно восстановленная картина, – сказал Леонард. – Но это всего лишь догадки. Вам не удалось доказать, что я виновен в убийстве.

– Возможно, мне не удалось, но это удалось сделать мухе и канарейке.

– Что вам известно о канарейке?

– Вы поступили находчиво, украв у Роднея хирургический нож и проникнув в мастерскую Лазаруса, чтобы наточить его поострей. Вы считали, что таким образом вас не оставалось никаких свидетелей, которые могли подтвердить, что вы натачивали не просто нож, а скальпель, и что у вас таковой был. Но, увы, свидетельства остались. Прежде всего, вечером перед убийством Ингелоу вы порезали указательный палец, а Лазарус объяснил мне, что такой порез характерен для точильщиков как профессионалов, так и любителей. Во-вторых, каждый раз, посещая каморку Лазаруса, вы выпускали из клетки канарейку. Вы даже сделали это сегодня в третий раз, когда проникли в кабинет Мильхау, чтобы завладеть ножами из его сейфа, и увидели там случайно клетку. Какой же человек может испытать иррациональное, непреодолимое желание, импульс, освободить плененную птичку всякий раз, когда он видит ее в клетке, не считаясь с теми последствиями, которые может иметь такой шаг? Только тот, кому хорошо знакома мучительная пытка одиночного заключения, только тот, кто просидел какой-то срок в тюрьме и, вероятно, считал свой приговор несправедливым. Среди подозреваемых

только вы бывший осужденный. Ванда сразу начала подозревать вас, услышав о таком странном преступлении, о странном преступнике, который проник в мастерскую, наточил нож и освободил птичку. Но она не была уверена в этом до конца, ничего не могла выяснить, так как была слишком напугана и отказывалась разговаривать с полицией на эту тему. Никто из других вас окружавших людей не подозревал вас. Даже после совершения убийства, так как никто не знал о вашем пребывании в тюрьме и, следовательно, о вашем мотиве. Конечно, вам и во сне не снилось, что мы станем ассоциировать освобождение птички с вашим судебным приговором, так как вы сами никогда не ассоциировали эти два действия. Такой иррациональный, непреодолимый импульс имеет невротическую природу, а невроз, если его точно определить, – это неспособность сознательно соотносить какое-то действие с вызывающей такое действие эмоциональной причиной.

Леонард Мартин засмеялся.

– Так-так, паук, ткущий паутину, лунный свет, притягивающий лунатика, и т. д. Психология – это лишь шутка для простого человека, а присяжные назначаются из числа простых граждан. Они верят лишь очевидцам и материальным доказательствам – пятна крови и отпечатки пальцев. А у вас нет ни того, ни другого!

– Убийство редко совершается при свидетелях. Но мы располагаем материальными доказательствами значительно более убедительными, чем отпечатки пальцев или пятна крови. И здесь поговорим о мухе.

– Мухе? Какой еще мухе?

– Известно ли вам, как индусы определяют сахарны диабет? В автобиографии доктора Гейзера рассказывается обо всей процедуре. Они берут мочу больного и в лохани выставляют ее на солнцепеке. Если она привлекает мух значит, в ней есть сахар, и это – моча диабетика. Такой же сахар можно найти и в составе пота диабетика. Когда я впервые вас встретил в картинной галерее, я заметил что вы больны. Так как я все-таки медик, мне не составляло особого труда на глаз определить внешние симптомы вашего заболевания. Это – диабет. У вашей кожи бронзовый, свойственный диабетикам, цвет. Она не отличается особой бледностью, что можно ожидать от человека, только что вернувшегося из заключения, где он провел около года. Вы также продемонстрировали, насколько вы изнурены этой болезнью, старательно избегая всяких сладостей. Вы наотрез отказались от французского пирожного и даже от сахара, когда Ванда вчера утром предложила вам чашку кофе.

Наконец, при нахождении рядом с вами можно почувствовать при вашем выдохе какой-то сладковатый, фруктовый запах, что указывает на присутствие масляной кислоты в ваших легких.

На руках у вас не было перчаток, когда вы сжимали ручку ножа, приготовленного для Ингелоу, так как Мильхау, как режиссер, заставил вас снять перчатки по ходу действия и вы не могли не подчиниться его указаниям, не возбуждая при этом лишних подозрений. Кроме того, так как вы играли русского полицейского, то на вас были толстые кожаные рукавицы, в которых, конечно, не выполнишь столь деликатную операцию – поразить Ингелоу скальпелем в строго определенную анатомическую точку тела. Но вы все заранее рассчитали и не опасались оставить отпечатки пальцев, так как ручки ножа с изящными винтовыми нарезками. На витой поверхности ручки ножа отпечатки «рассекаются», но зато в желобках остается больше пота, чем его обычно можно обнаружить на гладкой ручке. Когда муха, невесть откуда появившаяся на сцене театра, начала упрямо садиться на ручку, не обращая внимания на пятна крови на лезвии, я впервые начал догадываться об истине. Городской токсиколог, известный специалист Ламберт, который может определить состав вещества, предложенный ему в ничтожных количествах, проделал анализ оставленного вами на ручке пота и сахара. Если он уже сделал спектроскопию, о чем я его попросил, то он, бесспорно, обнаружит присутствие в составе масляной кислоты. Это и был тот единственный факт, о котором знал Адеан, и никто другой об этом не догадывался. Он был единственным свидетелем, присутствовавшим вместе со мной и инспектором на сцене, когда муха упрямо садилась на ручку скальпеля. Он это заметил, как заметил и я, и эта догадка стоила ему жизни. Сегодня утром перед репетицией он сказал громко, обращаясь ко мне, так, чтобы вы слышали, что прочитал что-то о заболевании поджелудочной железы в медицинской библиотеке. Он также упомянул о докторе Гейзере и его

автобиографии, которую он держал под мышкой, и грубо намекнул на муху, которая засвидетельствовала убийство петуха Робина. Вероятно, этим он надеялся вас запугать и принудить оказать ему помощь в его дальнейшей карьере. Он хотел, чтобы вы хорошенько надо всем поразмыслили... и вы неплохо подумали. Вы отлично знаете, что диабет – это заболевание поджелудочной железы, и вы, полистав книгу Адеана, увидели, что единственная ссылка там на мух касалась метода определения диабета. Из этого вы заключили, – а на это как раз и рассчитывал Адеан, – что он начитался всевозможной медицинской литературы, чтобы определить симптом вашего заболевания, а поведение мухи подсказало ему, что убийца должен быть диабетиком. Но вместо того чтобы принять шантаж Адеана, вы просто его убили, он и не предполагал о грозившей ему смертельной опасности. Он сам, по собственной глупости, предоставил вам такую возможность, согласившись сыграть роль Владимира лишь ради того, чтобы привлечь внимание Мильхау к своим беспомощным пьесам.

– Любой человек, прикоснувшийся к конфете, оставит на ручке ножа и сахар, и капли пота! – протестующе заговорил Леонард.

– Да, но никак не масляную кислоту. От ручки ножа исходил все тот же фруктовый запах, который чувствуется и при вашем дыхании. Такой же запах ударил мне в нос, когда я понюхал носовой платок, который вы бросили рядом с Полиной, когда только что ранили ее за кулисами. На платке достаточно масляной кислоты для проведения точного анализа. Вы, вероятно, вытирали им лоб и руки, а все эти доказательства говорят о том, что вы – убийца.

– Не имея при этом никакого мотива?

– Вы ведь любите Ванду, не так ли? Поэтому вы представили ее Мильхау, тогда еще никому не известную актрису, и предоставили ей возможность попробовать себя на сцене. В картинной галерее вы сказали что Ванда похожа на ожог от рентгена, – замедленные последствия ее любви. Но в этот момент вы имели в виду не Роднея, а себя. Вы считали, что вам удастся преодолеть этот барьер, но постепенно осознавали, что теперь это вам не по силам. Может, она сама не позволила вам это сделать. Не в ее правилах излечивать свои жертвы. Она флиртовала с вами точно так, как и с Роднеем в картинной галерее, и это не ускользнуло ни от моего внимания, ни от внимания Полины. Когда вы вернулись в Нью-Йорк, отбыв тюремное заключение в Иллинойсе, вы обнаружили, что ей теперь на вас наплевать, и она даже не скрывала такого отношения к вам. Вы были слишком прозорливы, чтобы попасться на рекламную удочку Мильхау, инспирировавшего любовный роман между Вандой и Роднеем. Вы шпионили за ней, как и всякий ревнивец, как вы это сделали и в то утро, когда вы «нечаянно» застали нас с ней на террасе. Вам удалось раскопать о ней то, чего не знали другие, не знали даже ее близкие друзья, – ее тайную помолвку с Джоном Ингелоу, близкий его развод с Марго. Но вы все так искусно скрывали, что Ванда даже не догадывалась, что вы видели Ингелоу. Он был моложе вас, богаче и желаннее, так что вам приходилось расстаться со всякой надеждой занять его место. Ваше положение как ведущего партнера Ванды кануло в вечность. Восходящей «звездой» становился Родней, так как он был моложе и привлекательней, хотя вы, как актер бесспорно, значительно выше его. Для вас это было горькой пилюлей. За это вы ненавидели Рода. Вы ненавидели Ванду, женщину, которую когда-то любили, обожали, за ее непостоянство и неблагодарность. Вы ревновали к Ингелоу. Так как она не могла, или не хотела, стать вашей, то вы решили, что она не будет принадлежать и Ингелоу. И вы придумали такое убийство, основными виновниками которого становились Ванда и Родней, а вы оказывались в стороне. Вы замечательно хитроумно все устроили, подтолкнув Хатчинса рассказать эту старую историю о короле Англии, который по прихоти Сары Бернар играл Владимира в постановке «Федоры» в Париже, заранее будучи уверенным в том, что Ванда непременно захочет, чтобы и ее любовник повторил этот трюк, так как она любит во всем подражать этой великой актрисе, своему кумиру. Может, именно вы подбросили ей идею возобновления постановки «Федоры».

Знаете, почему я стал подозревать вас с самого начала? Потому что вы были единственным настоящим актером среди подозреваемых. Маргарет Ингелоу вообще не актриса, а Ванда и Род играли самих себя на сцене. Но вы играли свои роли иначе. Ванда могла изобразить любые эмоции, но она не могла сыграть другую личность, кроме своей собственной. Только вы один среди попавших под подозрение могли создать такой образ, который вам был

абсолютно чужд, несвойствен. Только вы могли быть настоящим убийцей и в то же время довольно убедительно разыгрывать представление о собственной невинности.

– В основном вы изложили все правильно, но все же не назвали истинного мотива, – голос Леонарда теперь звучал совсем тихо, еле слышно. – Судебный приговор и тюремное заключение не были справедливы, потому что я не был шофером в нетрезвом состоянии.

– Вы имеете в виду, что вы не пили?

– Пил, конечно... но я не был за рулем.

– Кто же? Ванда?

– Да. Это она убила ребенка. И даже не остановилась на ходу, удирая от полицейского на мотоцикле, мы поместись местами. Я взял в руки руль за несколько мгновений до того, как нас остановил патруль. Каким же идиотом я тогда был! Я взял всю вину на себя. Но этим все для меня не кончилось. Неожиданная перемена образа жизни, тюремная еда, наполовину состоявшая из картошки, крахмала привели к быстрому развитию диабета. Когда я вышел из тюрьмы, здоровье мое сильно пошатнулось, а карьера была почти загублена. Вы знаете, наверное, что у меня нет образования, и я ничего больше не умею делать, кроме игры на сцене. И вот в это тяжелое время Ванда, которую я сделал актрисой, плюет на меня и собирается выходить замуж за Ингелю. Я ради ее карьеры поступился своей собственной. И вот вам – благодарность. Диабет который я нажил в одиночной камере, привел к уплотнению артерий, и теперь какой врач поручится, что я протяну еще долго? Во всяком случае, не в тюрьме. Я отомстил за себя, за свой загубленный талант, за свою поруганную любовь. Я хотел, чтобы и она поняла всю свою человеческую низость, чтобы и она пострадала. Но, наверное, все это было напрасно. Она развращена славой, богатством, легкой жизнью и ради сохранения всего этого готова пойти на все. В нашем обществе это не удивительно. Каждый стремится урвать кусок пожирнее, а на остальных ему наплевать...

Я знаю, что мне жить осталось недолго. Я не раскаиваюсь в содеянном. Может, только немного жаль этого глупого Адеана, но он сам своим шантажом заслужил себе этот смертный приговор. Ведь и он хотел получить какую-то выгоду из моего несчастья. Знаете, доктор, иногда человек, осужденный на смерть, просит перед казнью какое-нибудь изысканное блюдо или какую-нибудь последнюю привилегию. Я просил бы только одно – Ванду, и я понял, что, возможно, смогу заполнить ее, совершив такую жестокую месть.

– Неудивительно, что Ванда подозревала вас с самого начала, – сказал Базиль, – ведь только она знала о вашем прошлом. Она опасалась за свою жизнь.

– Напрасно. Ее бы я никогда не убил. Я убил из-за нее.

– Ну а тот нож, который вы запустили в нее несколько минут назад?

– Он предназначался вам. Вы слишком много знали.

Снизу раздался чей-то сердитый голос

– Что это вы там делаете в этот час? Почему открыт пожарный выход? Немедленно убирайтесь оттуда или я вызову полицию!

Леонард улыбнулся.

– Ну вот, теперь моя реплика для ухода со сцены.

Ловко, словно обезьяна, он вскочил на железные перила. Базиль кинулся за ним, но не успел! Леонард уже бросился вниз.

Когда Базиль сбежал по лестнице, то неожиданно заметил, как вспыхнула навязчивая реклама на небоскреба. «Теперь время выпить чашечку чая «тилбери». Он склонился над распростертой фигурой.

– Боже, человек расшибся, – вскрикнул кто-то в ужасе за его спиной.

– Он мертв, – проговорил Базиль. – Лучше поторопитесь и вызовите полицию!

* * *

– Во всем этом происшествии существует одно обстоятельство, которое мне хотелось бы выяснить до конца, – сказал Базиллю инспектор Фойл несколько дней спустя. – Если ни Род, ни Ванда не были виновны, тогда почему они противоречили друг другу в определении того момента, когда скончался Ингелю во время премьеры?

– Может, потому что они просто гадали, – предположил Базиль. – А гадание – это одна из форм беспочвенного мышления. Когда мы не располагаем фактами, за которые можем зацепиться, то отдаемся собственной фантазии. Ванда сказала, что ей показалось, что Ингелю был уже мертв, когда она поцеловала его в первый раз, таким образом, она отводила от себя подозрения и в поле зрения оказывается Леонард – единственный человек, который находился на сцене с Ингелю до того момента когда она поцеловала его впервые. Она сделала это, не знаю, сознательно или бессознательно, она ненавидела Леонарда так, как может ненавидеть женщина оставленного любовника, и, кроме того, она уже начинала его немного опасаться. Таким же образом Род предполагал, что Ингелю был жив тогда, когда Род в последний раз дотронулся до него. Тем самым он отводил подозрения от себя, и оно падало на Ванду, единственного человека, который подходил к Ингелю после этого. Род не любил Ванду, так как она постоянно его преследовала и вызывала ревность Полины. На самом деле как Род, так и Ванда ошибались в своих показаниях. Если вы сравните расписание по времени хода действия первого акта, составленное Роднеем, со временем произнесения реплики – сигнала к убийству, то увидите, что Ингелю был жив, когда Ванда поцеловала его в первый раз, и уже мертв, в последний раз прикоснулся к нему. Конечно, Леонард, будучи убийцей, сделал все от него зависящее, чтобы подозрение пало на Ванду, и Ванда призналась, что Ингелю был жив перед тем, как оба подходили к нему, и мертв после того, как они оба отошли от него. Вот и все...

Однажды утром, спустя несколько недель, Родней с Полиной вновь посетили Базиля, чтобы вместе с ним позавтракать. На сей раз они были похожи на влюбленную пару – настолько они были беззаботны, раскованны, и их поведении не было ничего восторженно-абсурдного. Родней три раза тряхнул руку Базиля, а Полина поцеловала его в щеку.

– Я здесь ни при чем, – протестующе заговорил он. – Вы обязаны счастливым концом канарейке и простой комнатной мухе!